

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ПОСЛОВИЦЫ
В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ:
КОГНИТИВНЫЙ, ДИСКУРСИВНЫЙ,
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Монография

Под редакцией профессора Т. Н. Федуленковой

Владимир 2017

УДК 82-193:811.111

ББК 81.033

П61

Авторы: Н. Ф. Алефиренко, Д. О. Добровольский, В. М. Мокиенко, З. К. Адамия, Е. А. Дамман, В. И. Зимин, Е. В. Иванова, М. Л. Ковшова, О. И. Натхо, Л. М. Ратиани, Н. Н. Семененко, Т. Н. Федуленкова, Т. Н. Хомутова, Т. А. Ширяева, W. Mieder

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор
директор Лингвистического института
Алтайского государственного педагогического университета
И. Ю. Колесов

Доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой русского языка Педагогического института
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
М. В. Пименова

Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискур-
сивный, сопоставительный аспекты : монография / Н. Ф. Алефиренко
П61 [и др.] ; под ред. проф. Т. Н. Федуленковой ; Владим. гос. ун-т
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. – 231 с.
ISBN 978-5-9984-0821-2

Монография объединяет работы с характерными многоаспектными подходами к изучению пословиц как коммуникативных фразеологических единиц. Издание посвящается юбилею Алины Михайловны Мелерович, доктору филологических наук, профессору.

Может быть полезна исследователям в области славянской и германской фразеологии, преподавателям высшей школы, аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 82-193:811.111

ББК 81.033

ISBN 978-5-9984-0821-2

© ВлГУ, 2017

*Посвящается
доктору филологических наук
профессору А. М. Мелерович
по случаю юбилея*

Алина Михайловна Мелерович

К юбилею профессора Алины Михайловны Мелерович

Профессор Алина Михайловна Мелерович известна отечественным и зарубежным фразеологам, паремиологам и лексикографам как неутомимый ценитель, знаток и исследователь русского языка и культуры в широком лингвистическом контексте. На этом поприще Юбиляром сделано так много, что одно перечисление её трудов составило бы само по себе целую книгу.

Имя Юбиляра стало известно всем русистам с 1960-х годов, когда А.М. Мелерович опубликовали свои первые работы по фразеологии. В них и в своих последующих фундаментальных трудах костромская исследовательница убедительно доказала, что самые индивидуальные и креативные употребления фразеологических единиц подчиняются строгим структурным и семантическим закономерностям. Сформулировав их и продемонстрировав их действенность на многих ярких примерах, со вкусом и любовью извлечённых из прозаических и поэтических текстов, А.М. Мелерович предвосхитила многие инновативные идеи современной отечественной и европейской фразеологии и паремиологии. Словари Юбиляра, в которых теоретические идеи получили новаторское практическое воплощение, стали и продолжают оставаться образцом современной креативной лексикографии, не имеющей аналогов в лексикографическом пространстве.

Будучи Основательницей известной Костромской Фразеологической Школы, А.М. Мелерович воспитала целую плеяду талантливых учеников и последователей, развивающих продуктивные идеи Юбиляра. В их трудах создаётся значимая лингвистическая модель описания динамических процессов, характерных для современного русского языка – модель, которая позволяет раскрыть не только общие закономерности этих процессов, но и фразеологическую специфику индивидуально-авторского употребления фразеологизмов.

Как показала в своих исследованиях и наших словарях А.М. Мелерович, движение фразеологических единиц (ФЕ) от полюса нормативности к полюсу инновативности в художественном тексте порождает весьма широкие возможности трансформаций. При их

лексикографическом описании каждый этап такого движения необходимо описать, соблюдая каноны лапидарного словарного жанра.

Опыт составления наших словарей показал, что такое описание не только возможно, но и соответствует объективной «раскладке» узуальной и индивидуально-авторской вариантности ФЕ. Наблюдая за массивом фразеологических трансформаций в художественной речи, мы предложили систематизацию наиболее распространенных способов создания индивидуально-авторских употреблений ФЕ. Она была разработана при работе над нашим первым словарём «Фразеологизмы в русской речи» (Мелерович, Мокиенко 1997), но во многом оказалась релевантной и для лексикографической характеристики таких употреблений в поэтическом тексте.

Приведем её в общем виде.

1. Создание на базе некоторых фразеологизмов посредством перестановки компонентов таких авторских употреблений, которые знаменуют появление новых индивидуально-авторских единиц. Последние при этом являются производными по отношению к производящим их единицам языка.

Таковы, например, ФЕ **делать из мухи слона** и *делать из слона муху*, где контекстуальному индивидуально-авторскому преобразованию – а именно ролевой инверсии компонентов подвергается второй оборот:

*Об оберполицеймейстере Кокошкине говорили в Петербурге тогда много ужасающего и нелепого, но, между прочим, утверждали, что он... может не только **сделать из мухи слона**, но и так же легко умеет **сделать из слона муху**.* (Н. Лесков. Человек на часах).

Представленные индивидуально-авторские употребления оборота **делать из мухи слона** показывают, что широкая вариативность компонента **делать** не может служить созданию новых категориальных единиц языка, но создаёт практически открытые ряды индивидуально-авторских глагольных вариантов оборота **делать из мухи слона** (ср.: *превращать, смастерить, высасывать* и т.п.).

2. Ролевая инверсия субстантивных компонентов (**сделать из слона муху**), приводящая к возникновению новой речевой единицы. Однако, обладая определённой категориальностью, оборот *делать из слона муху* (ср.: *делать из верблюда комара* и т.п.) не обретает статус единицы языка, оставаясь особым видом индивидуально-авторского употребления единицы речи, восходящей к определённой единице языка.

3. Образование окказиональной ФЕ, основанной на структурно-семантической аналогии по контрасту (ср. одноструктурный антоним ФЕ языка). Такова вариантность ФЕ **оборотная сторона медали – лицевая сторона медали**.

4. Употребление окказиональной ФЕ в сопоставлении с узуальной. Ср. **волк в овечьей шкуре – овца, натягивающая на себя шкуру волка**, где представлена ролевая инверсия, на которой построено использование ФЕ в индивидуально-авторском употреблении).

5. Образование окказиональных ФЕ, основанных на конверсии ситуации. К этой группе принадлежат в основном глагольные окказионализмы, базирующиеся на конверсной трансформации, при которой глагольные компоненты заменяются глаголами, передающими обратные отношения. Ср. глагольные ФЕ и производные от них глагольные окказионализмы, образованные по той же модели, но обозначающие разнонаправленные действия: **заходить в тупик – заводить в тупик; держать в ежовых рукавицах – попадать в ежовые рукавицы**.

В результате такого преобразования происходит замена ситуации, отражающей действие, производимое определенным субъектом, ситуацией, в которой тот же субъект оказывается в роли объекта, на который распространяется действие, производимое другим субъектом.

6. Особую группу окказиональных ФЕ представляют фразеологические окказионализмы, основывающиеся на преобразовании категориального значения ФЕ. Ср., например, вошедшие в Словарь глагольные ФЕ и образованные от них субстантивные ФЕ **камня на камне не оставить** и «**неоставление камня на камне**» (Ю. Олеша. Ни дня без строчки); **перегибать палку** и «**перегиб палки**» (В. Маяковский. Выступление на диспуте «Пути и политика Совкино». 15 ноября 1927 г.); **вертеться (кружиться) как белка в колесе** и «**четвертьвековое кружение в беличьем колесе землевладельческих забот**» (Ю. Нагибин, Запертая калитка).

В том случае, если окказиональный фразеологизм отличается от производящей ФЕ целым рядом преобразований, один из приёмов преобразования является ведущим, обуславливающим возникновение данной ФЕ. Так, для окказиональной ФЕ **четвертьвековое кружение в беличьем колесе землевладельческих забот** ведущим приёмом преобразования является изменение категориальной семантики ФЕ.

7. Контаминация ФЕ. Контаминация ФЕ представляет собой объединение частей двух или более ФЕ, в результате которого может возникнуть новая ФЕ. Пример из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Что ни на есть
Отчаянный был Клим мужик:
и пьяница, и на руку нечист...
Горазд орать, балясничать,
гнилой товар показывать
с казового конца.

Здесь на основе двух единиц, выражающих понятие показной стороны (**товар лицом показывать** и **казовый конец**) и изменения компонентного состава одной из них создан оборот с совершенно иным содержанием – «в корыстных целях обманывать, выдавая плохое за хорошее, показывая только то, что может внешне произвести положительное впечатление». Этот оборот представляет собой фразеологический окказионализм, построенный на сочетании оборотов *гнилой товар показывать* (ср. *товар лицом показывать*) и *казовый конец*).

8. Окказиональные ФЕ, возникшие в результате коренного переосмысления ФЕ языка. При этом утрата смысловых связей, нарушение семантического тождества с производящей ФЕ сочетается с полным или частичным сохранением лексического состава и грамматической структуры произведения. См., например, в Словаре: **голубая кровь** – «аристократическое происхождение» и **голубая кровь** – «истинное благородство, высота духа»; **выносить сор из избы** – «разглашать неблагоприятные дела, конфликты, касающиеся узкого круга лиц, служебных отношений»; **вынести сор из нашего общего дома** – «решительно, полностью устранить какие-либо недостатки, помехи, отрицательные явления».

9. Окказиональные ФЕ, образованные по моделям ФЕ языка, на базе образа ФЕ, при частичном изменении значения и образной основы. Ср.: **за тридевять земель** – «очень далеко, в чрезвычайно отдаленных местах» и окказионализмы: **за тридевять лет** – «через очень длительный срок»; **из-за тридевять буйных веков** – «из очень дальних времён» (С. Городецкий. Вий); **за тридевять земель и двадцать лет** – «очень далеко и чрезвычайно длительное время» (М. Цветаева. Повесть о Сонечке).

10. Окказиональные ФЕ – образные сравнительные обороты, в которых образ сравнения возникает на базе образной основы ФЕ: **толочь комплименты как воду в ступке** (ср. **брать быка за рога**); **ответ положить как на блюде** (ср.: **подносить на блюдечке**, В. Маяковский).

11. Окказиональные ФЕ, возникающие на основе определенных литературных сюжетов. См., например, при ФЕ **голый король** окказионализмы, восходящие к сказке Г.Х. Андерсена «Новое платье короля»: **крикнуть королю, что он голый** – «разоблачить мнимый авторитет»; **роль мальчика из «Голого короля»** – «искренние, непредвзятые суждения, обнаруживающие истину»; **одеть короля, который не существует** – «создать иллюзии, скрывающие неприглядную действительность». Ни одно из приведённых сочетаний не употреблено в сказке Андерсена. Они возникли в различных художественных текстах как метафорические обороты, смысловое содержание которых абстрагировано от сюжета сказки, к которому они восходят. Но прозрачная внутренняя форма, образная основа этих оборотов содержит явную аллюзию на первоисточник.

12. Кроме выделенных разновидностей окказиональных ФЕ, индивидуально-авторских употреблений отдельных фразеологизмов и целых фразеологических микросистем, Словарь зафиксировал ряд не входящих в данные разряды образных словосочетаний, возникших в тексте разными путями на базе ФЕ языка. Эти словосочетания также квалифицируются в Словаре как окказиональные ФЕ. Многие из них включают основные компоненты семантики и образной основы производящих фразеологизмов, видоизменяя, развивая фразеологические значения и образный план: **брат жены седьмого киселя** (ср. **седьмая вода на киселе**); **положиться на русское авось** (ср. **на авось**); **дружба, просоленная двенадцатью пудами вместе съеденной соли** (ср.: **пуд соли съесть вместе с кем-либо**); **перевернуть медаль и посмотреть, что там с другой стороны** (ср.: **обратная сторона медали**); **приоткрывать дверцу в тайное святых** (ср.: **святая святых**).

Разработка разнообразных употреблений ФЕ в Словаре позволяет выявить их текстообразующие потенции, проявляющиеся в способности функционировать в качестве семантических центров, образных и смысловых доминант предложений, сверхфразовых единств, формировать определенные звенья в структуре текста, объединять в экспрессивно-смысловом плане композиционные части текста, создавать лейтмотивы в

выражении различных сторон идейно-художественного, концептуального содержания произведения.

При цитировании литературных произведений авторы Словаря ориентировались прежде всего на демонстрацию различных употреблений ФЕ, способов их индивидуально-авторского применения. При этом литературные произведения цитировались в определенной последовательности: 1. Цитаты, в которых ФЕ представлены в основных формах и наиболее отчетливо выявляется структура значения ФЕ как элемента системы языка; 2. Иллюстрации различных нормативных употреблений ФЕ; 3. Цитаты, показывающие различные способы индивидуально-авторского применения ФЕ.

В речи постоянно наблюдаются спонтанные преобразования значения и формы ФЕ, обусловленные их функционально-семантическими свойствами как особых экспрессивных единиц языковой номинации, способных отражать в своей смысловой структуре специфику единичных предметов и ситуаций. Стилистические приёмы, используемые для усиления экспрессивности, видоизменения предметно-понятийного содержания ФЕ, приводят к окказиональному преобразованию их семантической структуры. Системность и нормативность приемов преобразования ФЕ, выявляемая в аспектах языка и речи, сочетается с их индивидуально-авторской, творческой реализацией, обусловленной стилистическими, художественно-изобразительными функциями.

Определение смыслового содержания ФЕ в составе фразеологических конфигураций в ПТ часто достигается посредством авторских дефиниций ФЕ и отдельных компонентов ФЕ, слов и сочетаний слов, которые раскрывают, уточняют, детализируют элементы индивидуального концептуального смысла ФЕ в тексте. Подобные употребления ФЕ в Словаре снабжены комментариями, лаконично характеризующими структуру и семантику фразеологических конфигураций.

Работа над словарями, как известно, требует широкого обсуждения их принципов и коллективных решений лексикографических проблем. Вот почему А.М. Мелерович – инициатор и участник многих конференций и симпозиумов, проходивших под ее эгидой во время многолетнего служения русистике в Костромском университете им. Н.А. Некрасова. Эти отечественные и международные фразеологические научные проекты породили немало инициатив, привлекли в русистику молодёжь.

Именно благодаря усилиям А.М. Мелерович, её убеждённости в необходимости Фразеологии как одной из неотъемлемых составляющих общей лингвистики и русистики, изучение этого уровня языковой системы было поднято на высокий научный уровень, став ведущей темой исследований не только в Костромском университете, но и во многих других фразеологических центрах.

Многие фразеологи России и других стран имели счастливую возможность наблюдать за инициативной и энергичной научной и организаторской деятельностью Алины Михайловны Мелерович. Благодаря усилиям и коллективному труду сподвижников Юбиляра Костромская и Петербургская фразеологические школы работают в постоянном контакте и научном взаимодействии. Мы, петербургские фразеологи, благодарны А.М. Мелерович и за это объединительное деяние, продолжающее дружеские связи наших Учителей и предшественников.

Поздравляя А.М. Мелерович с юбилеем, мы, соавторы, читатели и почитатели ее трудов, желаем Юбиляру многих лет счастливой жизни, доброго здоровья, неуёмной фразеологической энергии и творческого горения для воплощения в жизнь всё новых и новых планов и проектов, которые неустанно рождает ищущая мысль истинного Исследователя Слова.

МНОГАЯ-ПРЕМНОГАЯ ЛЕТА!

*проф. В.М. Мокиенко, председатель Фразеологической комиссии
при Международном Комитете славистов*

*проф. Х. Вальтер, зам. председателя Фразеологической комиссии
при Международном Комитете славистов*

Глава 1

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПАРЕМИИ

Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко

Введение. С утверждением в современной лингвистике постмодернистских идей и принципов возникает новый, нестандартный подход к осмыслению ценностно-смыслового содержания паремий, формирующих когнитивно-провербиальное пространство языка. Суть проблемы была инициирована А.М. Мелерович в 1998 г. на VI Московской международной научной конференции по языковой семантике [Мелерович 1998: 275]. Одним из таких подходов может быть, как представляется, осуществляемое нами когнитивно-прагматическое исследование народно-афористического тезауруса (от греч. $\theta\eta\sigma\alpha\rho\acute{o}\varsigma$ – ‘сокровище’). Избранный нами ракурс анализа паремий обусловлен их косвенно-производной природой, что обеспечивает провербиальному фонду языка *неувядаемую синергию вечно «живого» народно-афористического логоса* (см.: [Алефиренко 2016: 32-33]), толкуемого Гераклитом как универсальная осмысленность, ритм и соразмерность бытия, тождественная первостихии огня. Залогом тому, надо полагать, служит изначальная когнитивно-прагматическая предназначенность народной коммуникативной афористики фокусировать в себе сгустки народной мудрости, закодированные в жизнесмысловой архитектонике дискурсивно-модусных концептов, которые в своей структурированной совокупности образуют концептосферу всего провербиального пространства любой этнолингвокультуры.

В предыдущих публикациях [Алефиренко 2016: 32-33] нами были изложены теоретические основы исследования дискурсивно-модусных концептов применительно к фразеологическим единицам как знакам косвенно-производной номинации. В принципе сущность фразеомообразующих дискурсивно-модусных концептов является тем дискурсивным интегралом, который объединяет все устойчивые образные и воспроизводимые структуры в единый провербиально-фразеологический блок [Алефиренко 2016: 7]. Они служат объединяющим фраземику и паремику когнитивным субстратом, тем гордиевым узлом, «разрубить»

который пока не удастся уже ни одному поколению ученых, ломающих голову над уже ставшим для фразеологов и фразеографов сакральным вопросом: «Насколько корректно относить поговорки к фразеологическому фонду языка?». Вместе с тем, нельзя не видеть и когнитивно-дискурсивной специфики фразеологических и поговорочных единиц. Полагаем, они в разной дискурсивно-модусной представленности концептов, порождающих фраземы, и концептов, порождающих поговорки. Дискурсивно-модусная природа фразеопорождающих концептов не совместима с пропозицией – мыслительной структурой, представляющей инвариантную, контекстно-независимую составляющую содержания предложений.

Поэтому поговорочный дискурсивно-модусный концепт мыслится не точечным и автономным, а фреймово-связанным. Дискурсивно-модусные концепты, служащие идееносителями поговорочных смыслов, предполагают участие пропозиций в развертывании коммуникативной структуры означаемого поговорочного знака. Именно в билатеральной организации поговорочного знака и лежит его категориальное отличие от знака-фраземы. Такой стратегии придерживаются и другие авторы, например, ростовская исследовательница М.А. Серёгина, которая, вслед за Г.Г. Матвеевой, рассматривает свойства поговорок с точки зрения семиотики по трем её классическим аспектам: синтактики, семантики и прагматики. Автор относит поговорки к языковым знакам, «которые имеют план выражения (форму) и план содержания (значение)» [2010: 65]. Такого рода аспектный подход не может не вызывать одобрения уже потому, что он соответствует семиотической сущности самой поговорки. Однако в отличие от М.А. Серёгиной, мы не считаем план содержания поговорки значением в его общем лингвистическом понимании. Его означаемое, скорее, представляет собой смысловую структуру дискурсивно-модусного концепта с более или менее выраженной пропозицией. Это усиливает семантическую иерархию поговорок, снижая при этом грамматически выраженную иерархию.

В предварительных исследованиях [Семенов 2010: 158] мы отмечали, что «отсутствие в пословицах грамматически выраженной иерархии компенсируется иерархией семантической, поскольку обобщенное значение пословицы имеет полевую структуру, ядром которой выступает предикативно выражаемое событие или субстантивно выражаемое положение, догма, а периферией – качественные свойства

явлений, объектов и субъектов события или положения, восстанавливаемые из самой логической пропозиции высказывания». Например, в пословице *Не посылай холостого со сватаньем* первичным может оказаться либо определение психологии холостого, либо выражение указания на важность события – сватанья. Важным для выявления иерархических черт паремической семантики является и тот факт, что пословицы «набиты слабыми смыслами», то есть их нельзя понять до конца, не зная ситуации, которую они характеризуют в целом [Зельдович 1998: 32]. Соответственно, при выявлении спектра дискурсивных смыслов, выражаемых паремией, – например, в пословице *Дурак стыда не знает*, – выявляется сразу несколько позиций актуализации концептуального содержания паремии, которая способна

1) репрезентировать в качестве ядерного для когнитивной модели высказывания концепт «Дурак», и тогда прагматическое выражение смысла можно сформулировать как рекомендацию ‘узнавать дурака по отсутствию стыдливости’, либо

2) в качестве ядерного репрезентировать концепт «Стыд», а прагматическое выражение смысла в этом случае представляет собой рекомендацию ‘учитывать зависимость человеческой морали от личного интеллекта’.

Формальные параметры, отличающие паремии от фразем, вполне однозначно трактуются в современной лингвистике сообразно с общепринятым пониманием грамматической природы народных афоризмов. Паремии обладают структурной организацией в виде предложения и относятся к синтаксическим единицам [Галло 2013: 290], потому что, во-первых, они являются одним из средств формирования, выражения и сообщения определенной мысли, передачи эмоций и чувств человека. Во-вторых, паремии выполняют коммуникативную функцию, так как являются одним из средств общения людей. И, в-третьих, им свойственны такие признаки предложения, как смысловая, структурная, грамматическая и интонационная завершенность, синтаксическая предикативность и коммуникативная задача [Русская грамматика 1980: 84-85]. Вместе с тем, природа когнитивно-дискурсивных различий фразем и паремий определяется по менее формализованной и более «многоходовой» схеме. Причина этого – собственно коммуникативная природа паремий, которая теснейшим образом связана с их функционально-семиотической

ипостасью, то есть той отправной точкой, которая и определяет жанровую специфику паремий как фольклорных мини-текстов.

Среди обозначенных функций выделяются те, которые актуальны для всех разновидностей паремий и потому могут считаться параметрами их разграничения с собственно фразеологизмами. Так, в процессе провербиального воплощения дискурсивного смысла паремии выполняют целый ряд культурно обусловленных функций: в коммуникативно-прагматическом аспекте, прежде всего, функции регулятивную и дидактическую, а в лингвокогнитивном – функции смыслообразования и стереотипизации. Когнитивные функции реализуются благодаря закодированным в народных афоризмах выработанным веками и хранимым этноязыковым сознанием жизнесмысловых стратегий. Прагматические же функции паремий проявляются в их способности выражать своими аксиологическими смыслами [Sitarski 2009: 497] тот или иной социокультурный идеал коммуникантов.

Общая специфика контекстуального включения паремии заключается в том, что она не может рассматриваться как элемент синтагмы в его классическом понимании, – паремия всегда цитируется: прямо или косвенно, непосредственно или аллюзивно, с сохранением внутреннего грамматического «каркаса» или в процессе существенной трансформации, – в любом случае именно цитируется, что неизбежно с учётом её природы прецедентного бытования. Характер цитирования паремии может быть по-разному оформлен, но суть его обусловлена не включением в структуру предложения, а синергетическим взаимопроникновением фреймовой основы паремического высказывания в соответствующий фрагмент когнитивного конструкта контекста.

Например, в беседе журналистов со старшим духовником Московской епархии, настоятелем Покровского храма в подмосковном селе Акулово, протоиереем Валерианом Кречетовым, вспоминается пословица библейского происхождения *В чужом глазу сучок видит, а в чужом и бревно не замечает*, которая «вплетается» в текст рассуждения о природе человеческого греха: *Когда мы видим в человеке недостаток, тот факт, что мы этот недостаток замечаем, значит, что грех этот есть и в нас. Вы помните про сучок в чужом глазу и бревно в своём? Что это такое, этот сучок? Сучок растёт на бревне, а бревно – это страсть. Сучок – это грех, он есть конкретное проявление страсти. Но если вы не знаете, что это за дерево, что это за бревно, то вы никогда и не догадаетесь, что это*

именно за сучок! Как принято говорить: каждый понимает в меру своей испорченности (<http://www.nsad.ru/articles/isproved-ne-roman-a-borba>).

Данный пример иллюстрирует такую дискурсивную функцию пословицы, как *полимикообразующую*. Под данной формулировкой мы понимаем способность паремии через аргіогі подразумеваемую связь выраженного в ней умозаключения со всей логико-прагматической структурой паремического фонда языка порождать дискуссию относительно

- 1) трактовки различных компонентов умозаключения,
- 2) их ситуативной соотносительности,
- 3) мировоззренческой вариантности подразумеваемой прагматической рекомендации,
- 4) актуальности,
- 5) выбора оценочного ориентира прочтения ценностно-смыслового субстрата и т.д.

В рассмотренном контексте наблюдается семантизация лексических компонентов пословицы как неких вербальных символов культурных установок и ментальных ассоциаций. Переосмысление вербального содержания *сучка* и *бревна* как элементов мирового «Древа греха» в данном случае актуализирует следующую конфигурацию фрейма «Грех»: слот «Взаимосвязь всего греховного» как доминирующий вектор взаимодействия концептов «Осознание собственной греховности» и «Покаяние» под влиянием когнитивной оси «Своё – Чужое». Именно эта когнитивная «связка» обуславливает подобный аспект вербализации фрейма «Грех» – в сценарии «Греховность как форма осознания греха». Абстрактный характер нарратива в данном случае возможен во многом благодаря чётко выраженному во внутренней форме паремии сюжету, – по сути, соотнесения с конкретными примерами из жизни автору речи и не требуется, паремическая «капсула» сюжета вполне органично вписывает его в контекст общефилософских рассуждений.

Другой тип дискурсивного включения той же пословицы видим на страницах оппозиционного Интернет-ресурса «Рабочий путь» в публикации, критикующей позицию российской власти относительно вооружённого конфликта на Донбассе: *Напуганные угрозой фашизма, но не понимающие его истинной сущности, они [оппозиционеры, приветствовавшие поддержку ополченцев Донбасса российскими властями] искали того, к кому можно было бы спрятаться под крылышко от надвигающей опасности. И нашли себе такого «защитника» в лице*

российской буржуазной власти. А вот то, что этот «защитничек» сам сто очков вперед даст бандеровцам и украинской правой оппозиции, дорвавшейся сейчас на Украине до власти, по части угнетения собственного населения страны, это российскими левыми и «коммунистами» как-то в расчет не принималось.

Ведь и вправду гораздо спокойнее искать соринки в глазах у соседа, упорно не замечая того, что годами (!!!) творится у тебя под носом, тем более что «особо зорких» российская власть по головке не гладит. Не потому ли редкий левый ресурс, даже из тех, что гордо заявляют о своей крайней революционности, рискнет напечатать у себя какой-либо материал, касающийся темы терроризма и событий, происходящих на Северном Кавказе? (<https://work-way.com/v-chuzhom-glazu-sorinku-vidim-v-svoem-brevna-ne-zamechaem>).

В данном контексте образ *соринки в глазах соседа* настолько самодостаточен, что не требует апелляции к *бревну*. Объясняется это высокой степенью автономности косвенно-производно закреплённого за паремией содержания, которое в процессе определённой фразеоконденсации отдельных компонентов (*соринка в глазу, бревно у другого*) формирует функционально самодостаточные фразеоформы. Работает на это, справедливости ради стоит отметить, и прозрачность соотношения данных компонентов пословицы со смыслом исходного образа, который даже при недостаточной осведомлённости о сути сюжета (библейского) очевиден для носителей языка.

Частотным приёмом дискурсивного включения паремий является эксплуатация их в качестве заголовка. Например,

В чужом глазу соринку видим, в своем бревна не замечаем...

О, как нам не дает покоя эта соринка особенно, если она в глазу любимого мужчины. Знакомая ситуация неправда ли? Мы рисуем в своем воображении идеального, красивого и сексуального партнера и потом начинаем разбирать по косточкам, тот экземпляр, который нам попался в реале. И никуда же не деться от этих соринок, они так и режут глаз! Боже, как ужасно он ест, да он же чавкает, а храпит-то как по ночам!!! (<http://www.astromeridian.ru/exclusive/188.html>). Заголовок-пословица не только служит сюжетной «рамкой» для озаглавленного текста, но, по сути, настраивает «фокус» оценочно-прагматического восприятия читателем авторских интенций. Аналогичную картину ценностно-смыслового доминирования заголовка-паремии обнаруживаем и в тексте интервью

Министра иностранных дел России С.В. Лаврова телеканалу RTVI (<http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=29016>), озаглавленному аналогичным образом: «В чужом глазу соринку видим, а в своём бревна не замечаем». В интервью вся освещаемая информация структурируется с учётом выражаемой прагматической установки ‘сами ещё хуже’, а заголовок в виде прецедентной фольклорной единицы только усиливает эффект оценочно-прагматического воздействия. Аналогичная картина и в следующей статье с заголовком «В чужом глазу соринку видим, в своём бревне не замечаем???»: *Кондолиза Райс возмущена тем, что Путин идет на третий срок. Я напомню, что Кондолиза Райс – это бывший госсекретарь одной страны, где: растёт и ширится движение «Оккупируй Уолл-Стрит», самый большой госдолг в мире, полицейские ежедневно разгоняют перцовыми баллончиками и дубинками демонстрантов, был спровоцирован нынешний экономический кризис привычкой жителей страны жить в долг и ничего не производить, вчера из автомата Калашникова была обстреляна резиденция президента страны. Я напомню, что эта страна воюет в Афганистане, Ираке и Ливии. Я не уверена в том, что сегодня представители этой страны имеют моральное право диктовать свои условия кому-либо в мире* (<http://e-vikyra.livejournal.com/386137.html>).

Выявленная нами функционально-жанровая типология паремий [Семененко 2011: 26-74] показывает, что важнейший аспект паремической семантики, с которым связана функционально-коммуникативная сущность паремии, – это ситуативная обусловленность её значения. Действительно, ситуативная обусловленность семантики знаков косвенно-производной номинации является своеобразным дискурсивным «зарядом», благодаря которому паремии столь органично включаются в дискурсивное пространство. Сам же феномен ситуативно обусловленной семантики паремий может рассматриваться как следствие фреймовой обусловленности процесса их лингвосомиозиса.

В рамках применения методики когнитивно-прагматического моделирования семантики дискурсивно обусловленного смысла паремий и фразем предлагается рассматривать единицы косвенно-производной номинации как особую разновидность дискурсивного топика – определённый лингвокогнитивный акцент, прецедентную вербализацию какого-либо значимого для концептосферы дискурса фрейма.

В контексте понимания художественного дискурса как самоорганизующейся среды, в которой «авторская истина релятивизируется, растворяясь в многоуровневом диалоге различных точек зрения [Олизько 2011: 165], функция прецедентного топика предстаёт в особом свете. Прецедентный статус, с одной стороны, и косвенно-производная форма воплощения семантики, с другой стороны, позволяют существенно расширить комбинацию вариантов субъективного прочтения авторского замысла. Фактор интертекстуальности при этом «работает» на расширение смысла, выражаемого паремией или фраземой за счёт фоновых знаний (в том числе и из сфер иных её дискурсивных включений), а также как следствие осознания носителем языка такой функции прецедентного топика, как отнесение заложенной в нём сентенции к «фонду житейской мудрости». Аргументативная функция топика, возникающая как следствие данного отнесения, позволяет ему не просто формировать эпизод с «подвижной» событийной рамкой, но и служить центром некоего смыслового ядра, «точки напряжения» дискурсивного пространства, референтная интерпретация которого и выполняет собственно интердискурсивную функцию – не просто выход за пределы теста, а своеобразный «прорыв» в пространство иного дискурса.

В случае с паремиями данный прорыв ведёт к взаимопроникновению базовой дискурсивной основы и области паремического дискурса как специфической фольклорно-разговорной среды, аккумулирующей паремические ресурсы и структурированной в соответствии с их ценностно-смысловой ориентацией. Например, паремическое «включение» в контекст обсуждения темы любовных отношений на Интернет-форуме «Вместе» (<http://tema-vmeste.ru/viewtopic.php?id=744>): *Всякий раз, видя название этой темы, я думаю не о том, о чем тут идет речь. «Лучше не свыкаться, коли расставаться»... когда знаешь, что вместе суждено быть недолго, или знаешь, что почти невозможно быть вместе вообще – то стоит ли «затеваться»? Стоит ли отпускать свое сердце навстречу этому человеку? Понимая, что обернется все скорее всего расставанием – пошли бы вы на такие отношения? Разум, уберегающий от будущей боли, или чувства, подталкивающие на любовь «здесь и сейчас»? Вот как мне понимается фраза «Лучше не свыкаться, коли расставаться»... В данном фрагменте ведущий субъективно-авторский коммуникатив организован с опорой на следующие топика-речемы: вместе суждено быть недолго (актуализирована категория темпоральности в её концептуальном –*

отвлечённо-мировоззренческом аспекте); *стоит ли затеваться/отпустить своё сердце* (субъективная модальность как фактор положительной коннотации вербального выражения «Фатализма»); *будущая боль*, противопоставленная *любви «здесь и сейчас»* как антитетическая модель, дублирующая логическую пропозицию паремического высказывания *Лучше не свыкаться, коли расставаться*. Сам же паремический топик в данном случае придаёт обсуждению определенную форму аллюзивной притчи, в которой жизненные закономерности обсуждаются на абстрактном примере человеческих взаимоотношений.

Фреймово-прагматические истоки семиозиса паремий.

Фраземосемиозис как однословный номинант в когнитивно-дискурсивной семиотике паремий является производным от термина *семиозис* (греч. *sema* – ‘знак’), принятого в классической семиотике для обозначающего не только процесса *порождения* значения, но и процесса *интерпретации* знака. Этот термин, как видим, не нов. Его достаточно широко использовали уже в Древней Греции для интерпретации симптомов. При обсуждении семиотических явлений древние греки включали в смысловое содержание понятия «семиозис» (1) всё то, что выступает как знак; (2) то, на что указывает знак или к чему он отсылает (десигнат); (3) воздействие, в силу которого данный предмет оказывается для интерпретатора знаком. Понятие «семиозис паремий», вобрав в себя данную содержательную триаду, обогатилось важными лингвокультурологическими смыслами.

Лингвосемиозис паремий определяется сентенциозной (лат. *sententiosi* — «поучающие») природой их провербиального кода. По форме код семиозиса паремийного знака является провербиальным, то есть присловным (от лат. *proverbia* — букв. «присловья» от *verba* «слова»), а значит и вторичным, поскольку первичным кодом его обозначающего служат сочетания словесных знаков, которые имели прямой смысл. Ср.: ***Без труда не вытащить и рыбку из пруда***. Прямой смысл: ‘чтобы поймать рыбу, нужны умение и ловкость’. Он служит мотивацией того инвариантного смысла, который образует так называемый **провербиальный концепт**. ***Это разновидность дискурсивно-модусного концепта, служащего когнитивным субстратом фразеобразования вообще. И всё же, как и любая иная разновидность, он имеет свои отличительные особенности. В нашем представлении, провербиальный концепт – это когнитивное образование, конститuentами которого выступают:***

а) *инвариантная* ценностно-смысловая идея, закреплённая в дискурсивном сознании всех коммуникантов, принадлежащих к данной лингвокультуре, и

б) его *вариативные* предикации – **провербиальные смыслы**, которые сохраняя инвариантные мировоззренческие установки, адаптируют содержащиеся в них морально-этические ценности к конкретной коммуникативной ситуации (см. [Селиверстова 2009]). Причём вариации ментальных представлений получают эксплицитованное, развернутое выражение. Ср.: 1) ‘чтобы получить результат, нужно приложить усилия’; 2) ‘если чего-то хочешь, то одного желанья мало’; 3) ‘всякое дело требует усилий; без старания ничего достичь невозможно’; 4) ‘нужно приложить усилия для достижения цели’. Ср. в контексте:

Как же ты её (щуку) вытащил? Рыбак спокойно и чуть-чуть насмешливо всем отвечал: — Без труда не вынешь рыбку из пруда! Сколько лет прошло с тех пор, не помню, но рыбак не только не выходит из памяти, а, напротив, всё яснее, и бывает, что я, на похвалу “таланту” повторяю про себя: — «Без труда не вынешь рыбку из пруда!» (М. Пришвин. Кащеева цепь).

Со временем пословица получила и более обобщенный смысл, лишенный связи с физической деятельностью: ‘не будешь трудиться (учиться, добиваться, совершенствоваться) – ничего в жизни не добьёшься’. Смысловое содержание паремии формируется в два этапа: начальным стимулом к его структурированию выступает логема. Продолжением смысловой деривации паремии служит преобразование логемы в провербиальный концепт, но никак не в пропозицию с субъектно-предикатной структуры, как утверждает М.А. Серёгина [2010: 65]. Разумеется, дискуссия по поводу сущности когнитивного субстрата паремий обязывает нас обосновать свою точку зрения. В её основе лежит высказанное ранее суждение о том, что специфика лингвосемиозиса паремий обусловлена сущностью их провербиального кода, понимание которого завязано на вторичности паремийной номинации. На это указывает и прилагательное *провербиальный* (букв. *присловный*) – действительно, мы имеем дело с перекодированием пропозиции с прямого смыслового содержания предложения, идущего от логоса, – в целостную пропозицию – логему, проецирующую обобщенно-переносный смысл синтаксического характера. Логос – слово-мысль, план содержания которой представляет рациональное и иррациональное в неразличимом сферическом

единстве¹, стандартном для мифического мировосприятия. С него развиваются морально-нравственные принципы обыденной философии и смысловые доминанты народной афористики, которые в процессе вербализации фрейма-дискурса воплощаются в ситуативно обусловленные мыслеформы – логемы. Каждая логема – это индивидуальная форма существования мысли, в которой рациональное и иррациональное уже вполне различимы. Однако, поскольку логема не убеждает, а лишь манипулирует: образно выражаясь, заостряет внимание, завораживает и очаровывает, переживающий разные типовые события индивидуум вынужден искать формы выражения своего понимания и оценочного отношения к ним. Такой формой и становится формируемый на базе логемы провербиальный концепт, который, вобрав в себя модусные смыслы логемы, фокусирует их на своё народно/обыденно-понятийное ядро.

Согласно этой логике когнитивно-дискурсивных преобразований, в структуре провербиального концепта в качестве его ядра выкристаллизовывается интенционал (наивное народное понятие), удерживающий в зоне своего силового притяжения импликационал во всей совокупности его субъективно-модусных смыслов. В итоге провербиальный концепт обретает свой интеллектуально-эмотивный облик, а морально-нравственная ориентация модусных смыслов соответствующего дискурса формирует сентенциозную архитектонику вербализующей его паремии. В силу такого рода трансформаций провербиальный концепт содержит эксплицитно выражаемые лингвокреативные смыслы, углубляющие обыденные морально-нравственные представления. Информационный объем обыденного (наивного) понятия наполняется ценностно-оценочными коннотациями, являющимися для той или иной лингвокультуры доминантными.

Провербиальные концепты обладают, таким образом, повышенной коннотативной синергией, так как служат яркими маркёрами ценностной системы соответствующего этнокультурного пространства. Согласно терминосистеме «отца» датской глоссематики, они являются формой выражения одной из выделяемых им «коннотативных семиотик» [Ельмслев 1962: 370].

¹ Из исторической культурологии известно, что с ф е р а символизировала совершенство и полноту со времени древнейших культур. Не случайно миф о сферической форме первобытного антропоида (< греч. anthrōpoeidēs – человекообразный < anthrōpos – человек + eidos – вид) смыкается с мифом о космическом яйце.

Постановка во главу угла понятия провербиального кода позволяет представить новое понимание предмета когнитивно-прагматической теории семиозиса паремий – понятия более широкого, чем процесс возникновения знаков косвенно-производной номинации.

Паремии как знаки непрямого номинавания обладают особой аурой, семиотическим репрезентантом народного духа, если под таковым понимать когнитивно-прагматическое проявление этнокультуры. Когнитивно-прагматическая аура паремии, как и её знаковая сущность, обладает косвенно-производной природой, поскольку аура человека (греч. *αυρα* – ‘веяние’) – отражение его души и духа – воплощается паремиями косвенно, когнитивно-прагматической энергетикой их смыслового содержания. Так, в русской разговорной речи весьма употребительной всё ещё остаётся паремия *Береженого бог бережет*. Её обычно используют, вместо прямо номинативного напутствия «*Следует быть осторожным*». Видимо, потому, что в некоторых дискурсивных ситуациях недостаточно диктумной информации, коммуниканту обычно требуется снабдить её суггестивной коннотацией, энергией «вторичных смысловых эффектов» (Ж. Женетт) в тех случаях, когда недостаточно рационального воздействия на собеседника с опорой на логику, разум и факты. Обычно глубинный смысл паремии рождался духовным осмыслением земного бытия. Ведь само слово паремия церковно-греческого происхождения (греч. *παροιμία* ‘притча, пословица’). Им обозначали «избранные места для чтения из Ветхого завета», народн. *паремья́*, др.-русск., ст.-слав. *паремия*. В церковном дискурсе *паремии* – нравоучительные слова; микрофрагменты из Свщ. писания, читаемые на вечерии по входе. Для этой цели был создан особый тип словаря – паремийник, сборник праздничных паремий. Данное замечание позволяет понять, почему в паремиях следует различать поверхностный и глубинный смыслы. Поверхностный смысл исходит из значения лексемы *бережёный* – ‘тот, кто сам бережётся’. Поэтому первое, что всплывает в языковом сознании, это нравоучение: осторожный человек избежит опасности, несчастье его обойдёт. Ср.: *Судьба любит осторожность, оттого и говорят: береженого бог бережёт* (И. Гончаров. Обрыв).

Воздействие с помощью суггестивной коннотации паремий – это внушающее воздействие через обращение к эмоциям, бессознательному, живым, переживаемым впечатлениям. Хотя суггестивные коннотативы, как правило, неопределенны, расплывчаты, они бывают более эффективными,

чем рациональное воздействие. Переживание и соучастие делают коммуникацию более доверительной. Например: 1) *После болезни меня ещё долго, почти до самой весны, не выпускали на улицу, да и в избе не давали вдоволь набегаться, наиграться. – Бережёного и бог бережёт, – говорила мать* (Н. Рыленков. Сказка моего детства); 2) *Однако всё-таки надо быть наготове, – «бережёного и бог бережёт». Надо посмотреть, что делается во дворе* (Н. Гарин-Михайловский. Несколько лет в деревне).

Кроме совета быть осторожным, осмотрительным, не рисковать, паремия ***Бережёного бог бережет*** используется в качестве оправдания чьей-либо, казалось бы излишней, осторожности. Ср.: *В ясную голову Тестова пришла счастливая мысль: пристегнуть к празднику Людникова. Правда, это не предусмотрено сценарием. Но каши маслом не испортишь, всё же на всякий случай он решил посоветоваться с Пудаловым. Бережёного бог бережёт* (А. Авдеев. В поте лица своего...).

Смысловая диффузность паремии (недифференцированность, недискретность её обобщенно-целостного содержания, в результате чего она становится полифункциональным устойчивым выражением), обуславливается её когнитивно-прагматической природой: она лишена прямо номинативного смысла, поскольку главное в ней – краткость, ёмкость и легкость в запоминании и воспроизведении, актуализируемом дискурсивной ситуацией. В узусе имплицитно выражаемый смысл улавливается этнокультурным локатором – оперативным инструментом этнокультурной памяти, так как истинный смысл хранится народным сознанием, чтобы передаваться с помощью данной паремии из поколения в поколение. Он, как гласит фразема, впитывается потомками *с молоком матери*, хотя и остаётся нечетким, неотчетливым, многоплановым. Именно ситуативно-смысловая размытость паремии *Береженого Бог бережет* провоцирует её разночтения (не случайно автор предваряет её лингвопрагматическим навигатором «*Судьба любит осторожность...*»).

Ситуативность паремийной семантики возникает в результате дивергенции провербиального концепта на субконцепты, представляющие базовых «участников» выражаемой дискурсивной ситуации. Однако в результате такой дивергенции субконцепты удерживаются дискурсивным сознанием для дальнейшего паремийного семиозиса. Для реализации этой цели речемыслительная система использует фрейм-структуры которые «служат “упаковкой” структурированного знания, по природе своей предполагающего репрезентацию структурно раздельнооформленными, но

семантически целостными единицами языка» [Алефиренко 2008а: 104-105]. Это позволяет паремиям входить в состав ведущих репрезентаторов фреймовых структур. Сложно организованная иерархическая структура фрейма отражается в семантике паремий как «знание о какой-то стереотипной ситуации», представленное «в динамике» и совмещающее «постоянные данные о релевантной ситуации или классе ситуаций» с «данными вариативными» [Алефиренко 2008б: 82-83].

С позиции интегративной теории репрезентации, разработанной в своё время Ж. Верньо, структурированная совокупность фреймовых структур в рамках когнитивно-семиологического подхода трактуется как когнитивно-дискурсивное поле, под которым подразумевается набор ситуаций, структурированных с помощью тесно связанных между собой схем и концептов. Схема не реализует модель стереотипа во всех её составляющих, а представляет собой динамическое функциональное единство, состоящее из

- 1) основных и промежуточных целей, а также
- 2) антиципаций как своеобразных предвосхищений, предугадывания событий, заранее составленных представлений о чем-нибудь,
- 3) правил действия,
- 4) операторных инвариантов, необходимых для принятия и использования подходящей информации.

Подобные схемы наиболее очевидны при анализе **фрагментов так называемого** «внутридискурсивного» пространства паремий, под которым подразумевается **фрагмент паремического свода, элементы которого выступают в качестве средств взаимной семантизации друг для друга**. Например, в ходе анализа репрезентативно-фреймового потенциала пословиц, представленных в «Большом словаре пословиц» В.М. Мокиенко [2010: 331-332], выявлены следующие интегративные механизмы реализации внутридискурсивного паремического фрейма:

- а) *Есть – не отнимут, а нет – не дадут;*
- б) *Есть – не прельщаюсь, нет – не гоняюсь;*
- в) *Есть – отымут, а нет – не дадут;*
- г) *Худо-некорыстно, а всё-таки есть;*
- д) *Что есть – то бери, а чего нет – того не спрашивай;*
- е) *Мало ли что есть, да коли нет;*
- ж) *Лучше ни есть, ни нет.*

Посредством указанных единиц репрезентируется слот «Дары судьбы» в составе мегафрейма «Судьба». Общий прагматико-смысловый вектор, по которому, собственно, и группируются данные пословицы – ‘ничего свыше данного судьбой не ищи’. Сущность схематизации фреймового содержания с учётом ранее обозначенных характеристик может быть описана следующим образом:

1) основная цель – ‘выражение фатальной сущности судьбы как источника благ’ (а); промежуточные цели: ‘выражение осознания фатальности судьбы’ (б) и ‘выражение пессимистичного настроения относительно даров судьбы (в);

2) антиципации, связанные с пессимистичным прогнозом в указанной схеме способствуют вовлечению в её пространство дополнительных паремий при актуализации прагматики ‘смирненного довольствования’ (г) или ‘приоритете гарантированного’ (д).

3) правила действия в данном случае основаны на модусе ‘осознания неизбежности проигрыша перед судьбой’ (е) и (ж);

4) в качестве операторов инвариантов могут рассматриваться следующие прагматические рекомендации: ‘береги то, что есть’: *Когда есть, так густо, а нет, так пусто*; или ‘дорожи тем, что дано’: *Есть – убил бы, нет – купил бы*.

Как мы видим, выступая в качестве «свёрнутого» текста с многозначным прагматическим потенциалом, прочтение которого может быть обусловлено, в том числе, и внутридискурсивной интенцией, пословица характеризуется рядом особенностей, в числе которых – специфика самой связи означаемого и означающего. В роли означаемого выступает ситуация, умозаключение по поводу которой и выражает пословица, а в роли означающего оказывается некий обобщенный образ данной ситуации, типизированное ее выражение, мотивированное достаточно прозрачной внутренней формой. В тексте пословицы мы имеем дело не непосредственно с событием, а с результатом его осмысления человеком, причем осмысление это происходит не в один час, а в течение длительного времени, при участии многих лиц, потому пословица и может называться «голосом» народной мудрости. Все перечисленные свойства являются следствием того, что пословица содержательно организована в соответствии с репрезентируемой фреймовой структурой и дискурсивной интенциональностью смыслового содержания (акцентуализацией одной из составляющих когнитивной модели).

Для понимания фрейма как фактора фразеосемиозиса значимым кажется утверждение В.Н. Телия о том, что «концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [Телия 1996: 94]. Приоритетная роль фрейма обусловлена тем, что представляет собой по сути иерархически организованную структуру данных, которая реализует в семантике фраземы знания о какой-то стереотипной ситуации. В таком понимании «фрейм» восходит к трактовке Л. Барсалу, который использует его в более широком и общепринятом в когнитивной психологии значении термина *схема*. При этом он наделяет фреймы теми же основными свойствами, что и пропозиции. Иным словами, они, в представлении учёного, характеризуются таким же предикативно-аргументативным строением.

При подобном подходе фрейм, лежащий в основе лингвосемиозиса паремии, отличается от фрейма, объективируемого словом или фразеосочетанием. **Фраземопорождающий фрейм** являет собой способ организации различных типов концептов, отличающихся по уровням сложности, в то время как **фреймовое основание паремии** – интегративная конфигурация концептов и слотов различных фреймов, объединённых в соответствии с ведущим вектором ситуативного осмысления умозаключения. Например, в пословице *Брюхо – злодей: старого добра не помнит* процесс возникновения знака «запускается» посредством фрейма «Постоянный доход» в части его слота «Своевременное пропитание». Афористическая форма высказывания паремии предопределяет лингвосемиозис как взаимодействие стереотипной установки познающего субъекта с предметом познания – в данном случае, с типической ситуацией, в которой, так или иначе, реализуется прагматический смысл ‘пропитание нужно ежедневно’, отсюда следует своеобразный аллюзивный ряд: *Дорога ложка к обеду, Обещаниями сыт не будешь* и т.д. При этом формирование значения связывается с отражением в нашем сознании внешнего события, которое в соответствующей знаковой ситуации становится выразителем реальных взаимоотношений объекта и субъекта. Сама эта ситуация носит обобщённый характер и гипотетически соотносится с целым рядом однородных ситуаций, организующих коммуникацию, и, соответственно, дискурс.

Сам текст пословицы в качестве обозначающего становится символом обобщённой типизированной ситуации, подлежащей вербальной оценке. Таким образом, текст пословицы становится не образно-экспрессивным средством обозначения предмета, как в случае с фразеологической номинацией, а средством активизации познавательной деятельности, направленной на кодирование свойств и признаков типической ситуации, соотнесённой со стереотипным представлением о её характере/роли/значимости.

Процесс декодирования паремического знака также имеет существенные особенности, поскольку в нашем сознании происходит не соотнесение с денотатом, а осознание связи фрейма ситуации и фрейма пословицы. В случае с ранее приведённым примером фрейм «Постоянный доход» актуализирован в части взаимодействия концептов «Пропитание», «Своевременность» и «Постоянство», которые репрезентированы через ситуацию, мотивированную внутренней формой с активными признаками олицетворения (*добра не помнит и злодей*). Характер репрезентированного фрагмента фрейма обусловлен прагматической ситуацией оценки, в которой человек через ироническое олицетворение говорит себе или собеседнику о необходимости ежедневного пропитания. При этом, обратная связь языкового сознания с ситуацией через паремическую репрезентацию может воплощать определённые варианты фреймовой конфигурации – например, «Пропитание», «Неблагодарность» и «Неуважение», если в контексте ситуации кто-либо осуждается за невнимание к нуждам другого человека. То есть, по сути, паремический знак соотносит ситуации прототипическую и реальную, что связано с различными вариантами одноимённого фрейма.

Поговорка, напротив, реализует косвенно-производный потенциал фразеологического типа, при котором означаемое в ходе лингвосомиозиса образно, но вполне однозначно прочитывается и при кодировании, и при декодировании. Например, *На одной неделе семь пятниц* – в данной поговорке смыслообразующий фрейм «Человеческое непостоянство» репрезентирован в конфигурации концептов «Беспринципность» и «Переменчивость мнений», при этом, собственно фразеологическое значение поговорки: ‘непостоянство’ придаёт ей характер единицы с однозначно «переводимым» в ходе работы универсально-предметного когнитивного кодирования содержанием.

Существенным признаком афористической (или фразеологической, в зависимости от жанровой разновидности паремий) семантики народного

афоризма является его **дискурсивный потенциал** – своеобразный «незатухший» в ходе лингвосомиозиса ситуативный фрейм, который активно вступает во взаимодействие с когнитивным основанием интенции отдельного дискурса. В результате, пословицам, поговоркам, загадкам, приметам и др. разновидностям народной афористики удаётся не просто репрезентировать стереотип в сфере важных для этнокультуры реалий, но и соотносить стереотипное суждение с идейно-образными «потребностями» конкретного дискурса.

Реализация паремического значения в каждом конкретном вербальном акте может рассматриваться в пределах типового алгоритма моделирования её семантики, которое проводится с учётом единства трёх синергетически связанных сфер – когнитивной, вербальной и прагматической. Данный подход опирается на базовые положения теории этноязыкового сознания (см. [Алефиренко 2010: 150-164]) и предполагает определённую адаптацию терминов из области когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвокультурологии к задачам собственно паремиологии. В частности, под когнитивным моделированием паремической семантики подразумевается установление структуры и характера реализации результата взаимодействия репрезентированных в структуре паремии когнитивных единиц, а последовательность операций при этом обусловлена характером семантики конкретного паремического жанра. В целом же когнитивная модель паремической семантики понимается как ***устойчиво вербализуемое интегрированное когнитивное пространство – фрейм-структура, узлы которой представлены концептами, интегрированными в условиях реализации определённого дискурсивно обусловленного сценария.***

При всей сложности отделения когнитивного плана моделирования семантики от прагматического, хочется отметить, что именно когнитивные конфигурации, лежащие в основе смысловой пропозиции паремического высказывания, а также их мобильные рекомбинативные свойства позволяют варьировать прагматические смыслы в ходе вербализации одного и того же текста пословицы в различных дискурсивных целях. Например, в Интернет-обсуждении реалити-шоу «Дом 2» (программа от 31.01.2012) приводится следующий отрывок (орфография и пунктуация оригинала сохранены), в котором наблюдается аллюзивная ссылка к прецедентному тексту паремии *Чужие дураки – загляденье каки, а наши дураки – невесть каки / У людей дураки – любо каки (вишь ты каки, загляденье каки), а наши дураки вона*

каки / У людей дураки – любо какки, а у нас дураки – чёрт знает какки: Что происходит с молодежью за периметром Дом2? Тоже, только грязнее. На передаче есть хоть какие-то рамки моральные. Там подонку говорят свои же, что ты – подонок или трус и т.д. Кто нашим детям это говорит на улице? Там каждый твой поступок оценивают. Для меня их оценки устраивают. Лучше бы свои претензии по развращению наших детей судьбы направляли нашему голому гаранту, к нашей власти. Слабо!

P.S. Напускное добро молодые за версту чувствуют! Отпнут нас с ним, посмеются. И так мы – дураки в их глазах. Да и поделом нам. Россию не можем по-хорошему обустроить! Банкроты. Наши дети это видят. Это мы – развращены, разобщены. Друг другу: «Ты дурак – сам дурак». Наши политики болтают о сомобытности русского народа. На деле она – дурость наша. «У всех дураки – любо какки, а наши дураки – вона какки!», – говорили сквозь слезы наши предки (<http://pryamoj-efir.ru/pryamoj-efir-31-01-12-kto-vzorval-dom-2/>).

Как видим, дискурсивно обусловленное варьирование смысла пословицы обусловлено исходной пропозитивной структурой высказывания, когнитивное основание которого базируется на взаимодействии концепта «Дурак», идентифицирующего второй компонент концептуальной антитезы «Свой – Чужой», и гештальта «Избирательность/субъективность оценки с ироничным подтекстом». При этом **гештальт как когнитивная единица с невыраженной структурой и чувственно-эмоциональным характером** содержания выполняет роль вектора прагматической оценки, благодаря которой весьма парадоксально (что, в целом, нередко встречается в пословицах) оказываются негативно оцененными дураки – и свой, и чужой.

В контексте приведённого высказывания наблюдаем подключение к механизму когнитивной интеграции дискурсивно обусловленного смысла как следствия реализации слота «Вина/Ответственность» фрейма «Поколения отцов и детей». Данный слот репрезентирован с выраженной двояко негативной оценкой: *И так мы – дураки в их глазах. Да и поделом нам* – с одной стороны, как оценка старшего поколения младшими, и как оценка стандартного дискурса старшего поколения: *Ты дурак – сам дурак*. Соответственно образ *дураков*, которые *наши дураки – вона какки*, расширяется, выходя за рамки оценки участников скандального реалити-шоу и распространяясь на тех, кто так оценивает молодых и глупых.

Таким образом, в основании когнитивной модели семантики пословицы обнаруживается пропозитивная структура высказывания следующей конфигурации: концепт «Дурак» – знакообразующий стимул в структуре фрейма «Плохой/Хороший» + «Свой-Чужой». Когнитивные топики внутренней формы высказывания: концепт «У людей/Люди» как смыслопорождающий фактор в ситуации «Своих порицаем/над своими смеёмся издевательски – чужих оправдываем/умиляемся их глупости» + гештальт «Избирательность/субъективность оценки с ироничным подтекстом». Соответственно, собственно фрейм афористического (обобщённого) значения пословицы мыслится как структурированное взаимодействие следующих единиц: антитетический концепт «Свой-Чужой» + антитетический концепт «Терпимость-нетерпимость к недостаткам» как слот фрейма «Толерантность» + слот «Умиление» фрейма «Порицание» + слот «Самоуничижение» фрейма «Самокритика/Признание своих недостатков».

Указанный фрейм, как уже отмечалось ранее, может трактоваться как смыслообразующий в процессе лингвосемиозиса паремии, в то время как фрейм, реализуемый в ходе интерпретации паремической семантики в условиях дискурса выглядит несколько иначе: концепт «Дураки молодые» + гештальт «Мы – нация дураков» в интегративной структуре фрейма с узлами «Воспитание» и «Ответственность/Разделение вины». Таким образом, дискурсивно обусловленная фреймовая структура паремической семантики представляет собой результат когнитивной рекомбинации – результата интеграции исходного когнитивного основания паремического высказывания и фреймовой структуры «Дураки как общественное явление» в конкретной сценарной реализации – «Дураки – не те, кто позорится, а те, кто их до позора довели/допустили», обусловленной личным мнением автора речевого фрагмента.

В ходе описания данной модели следует отметить, что собственно обобщённое значение пословицы характеризуется выраженным оценочным характером репрезентации указанного содержания, что обусловлено ценностным синкретизмом самого концепта «Дурак» в русской лингвокультуре.

Таким образом, дискурсивный потенциал пословицы и, соответственно, её коммуникативная природа, находятся в тесной взаимообусловленной связи с исходной поликонцептуальностью когнитивного основания её афористического значения. Афористическое

значение пословицы как план содержания паремического знака представляет собой семантическое образование дескриптивного свойства, поскольку является, по сути, «расшифровкой/ переводом» умозаключения, стоящего за сюжетом пословицы, воплощённом в лаконичной афористической формуле с прозрачной внутренней формой.

Лингвокогнитивная пропозиция пословицы, как мы видим, базируется на фрейме ситуации и представляет собой дискретное довербальное образование – некий проводник между довербальным и собственно вербальным, а такой коммуникативный фактор паремической семантики, как прагматическая рекомендация, выраженная в пословице, – может рассматриваться как потенциально заключённое в семантической структуре пословицы ядро стереотипа, раскрывающееся лишь в заданных дискурсивных условиях.

Живое слово провербиального кода. В разрабатываемой нами концепции «живого» слова отмеченная дискурсивно-моделирующая способность паремий кажется особо важной, поскольку связь означаемого с означающим, в своё время интерпретированная Ф. де Соссюром как произвольность, которую следует определять не как преднамеренную путаницу, лишённую полноты смысла, а как неопределяемую множественность, радикальную неразрешимость, разрушающую все коды [Соссюр 1977: 535], – может быть рассмотрена как своеобразный «краеугольный камень» теории косвенно-производной номинации, в целом, и теории паремического знакообразования, в частности. Вслед за постструктуралистами, которые обратили внимание на столь нехарактерные для Соссюра мысли, современная лингвокогнитивная наука находится в активном поиске кода, который был бы ответственен за порождение живого, поэтического смысла как следствия дискурсивного бытования не только слов, но и единиц косвенно-производной номинации. Особенно важной в этом процессе видится современная интерпретация соссюровских идей в их приложении к когнитивно-семиологической теории фразеосемантики, поскольку в подобном ракурсе она способствует раскрытию специфического характера анаграмматической коннотации, нарушающей естественный ход обозначения и, что самое главное, ставящей под сомнение нерасторжимость связи означаемого и означающего. В этой связи уместно обратиться и трудам Ж. Лакана, который, будучи предшественником постструктурализма, вскрыл в теории Соссюра о

произвольности знака мысли, ведущие к отрыву означающего от означаемого.

В частности, в своих лингвосомиотических изысканиях Ж. Лакан особое внимание обращает на два основных процесса: конденсацию и замещение. При этом он пытается перевести их классическое толкование в трудах З. Фрейда в лингвистический план. Если у Фрейда конденсация понимается как совмещение в одном образе, слове, мысли, симптоме или акте нескольких бессознательных желаний или объектов, то Ж. Лакан сущность конденсации видит в наложении одних означающих на другие, образующем механизм метафоризации. Замещение, по Фрейду, сдвиг ментальной энергии с одного явления в мозгу на другое, у Ж. Лакана ассоциируется с метонимией. Так выстраивается следующее логическое соответствие: конденсация → метафоризация, замещение → метонимизация. Позже в работах Ю. Кристевой и Ж. Дерриды понятия конденсации и замещения станут базовыми категориями в постструктуралистской теории образного слова. Данная теория опирается на исходную идею Ж. Лакана о независимости означающего от означаемого, позволившей ввести понятие «скользящего», или «плавающего означающего».

Продуктивность данной идеи для определения стратегии моделирования семантики паремий видится в том, что паремии как единицы, в основании знакообразования которых находится коммуникативная ситуация, характеризуются многослойной смысловой структурой – прямым следствием особого знакообразования, протекающего под влиянием множества лингвистических и коммуникативно-прагматических факторов.

Когнитивно-прагматический подход к описанию базовых параметров паремической семантики, к числу которых относятся значение, смысл и внутренняя форма, сосредоточен на основной идее – выявлении механизмов кодирования культурно значимых смыслов через единицы паремиологического фонда языка. При подобном подходе значение паремий трактуется как план содержания сложного языкового знака-текстемы и функционирует в качестве специфической формы выражения языкового сознания, в то время как смысл народных афоризмов представляет собой результат речевой реализации их значений в сопряжённом взаимодействии с иной информацией (дискурсивной, ситуативной, энциклопедической, субъективно переосмысленной и т. д.)

[Алефиренко, Семененко 2010: 170]. Таким образом, паремическое значение квалифицируется по тем функциональным и категориальным свойствам, что, собственно, и определяют принципы отбора и композиционной постановки лексических компонентов паремии. Лексические компоненты паремии даже в условиях существенного переосмысления внутренней формы сохраняют исходную мотивирующую, целостное паремическое значение, связь с денотатами исходной ситуации [Федуленкова 1998: 122]. Смысл же, как категория вторичная по отношению к значению, связан преимущественно с когнитивно-прагматической структурой умозаключения как целостной единицей мышления, реализованной в афористическом значении паремии. Таким образом, паремическая семантика моделируется с условием признания *двойственности её дискурсивно обусловленной сущности*: с одной стороны, семантика паремий проявляет признаки семантики текстовой единицы (связность, событийность, композиционность и т.д.), с другой стороны, дискурсивное включение ставит паремию в позицию «текста внутри текста». При этом, прецедентный статус афористического текста способствует его включению в текстовые фрагменты дискурса не механистически и линейно, а вследствие реализации сложных смысловых мотивирующих связей, когда семантический потенциал паремии реализуется, «растворяясь» в общей идейной композиции текста.

На наш взгляд, подобное понимание текста находится в русле его традиционной трактовки как объединенной смысловой связью последовательности языковых знаков. Основными свойствами текста при этом признаются связанность (когезия, когерентность) и цельность. В качестве средств, организующих пространство текста, при этом выступают (а) грамматические (единство времени и лица, особенности глагольных форм, модальность и др.), (б) однородность лексики, (в) тема-рематические последовательности, (г) кореференция (подчинение всех элементов одной теме) и (д) различные лексические средства связи (повторы, синонимы и др.). Благодаря этим свойствам текст характеризуется единством формы и содержания. При этом, паремия как носитель текстового «зародыша» реализуется в структуре текста, включаясь в его грамматические и лексические связи в соответствии с исходным потенциалом формы, которая у разных типов паремий характеризуется различной степенью формальной закреплённости значения.

Например, для устойчивых сравнений как репрезентаторов ценностного основания этнокультуры чрезвычайно важна функция когнитивного фокуса, который сопоставим с фреймом в своей структурирующей направленности, но, в отличие от последнего, имеет не замкнутую конфигурацию «рамки», а характер открытой и чётко нацеленной актуализации. Например, компаративом *ударяться как сноп* выражена повышенная экспрессия ('сильно') без непосредственной ценностной вербализации, поскольку устойчивое сравнение в своей репрезентации функции далеко не только от пословицы, выражающей умозаключение, но и от поговорки, содержащей образную характеристику. Устойчивое сравнение, выражая образную оценку, может участвовать в ценностной репрезентации только опосредованно – в определённой дискурсивной среде. В частности, в обсуждении проблемы «Ребёнок падает – подхватываете?» на Интернет-форуме для молодых мам (орфография источника сохранена): *Ну падала она конечно не откуда-ть, а просто на подстеленном полу, но видно, подстелила малова-то... Вот если бы она хотя бы голову убирала на грудь, что бы не затылком ударяться, так нет, падает как сноп (это мы теперь на диване, так что падаем весело, без слез).... Моя доча тоже падала «как сноп»:), когда вижу – ловлю, но иногда не успеваю. Мне кажется, что после нескольких падений ребенок действительно начнет быстрее понимать что именно ему причиняет боль и как этого избежать... (<http://2006-2009.littleone.ru/archive/index.php/t-121373.html>).*

Получается, что устойчивое сравнение фокусирует оценку, перенаправляя стереотипный взгляд с одного денотата на другой, как некий прообраз метафоры. Например, на психологическом Интернет-форуме, где даются правила поведения человека для повышения своей самооценки, в контексте употребляется паремия *Каждый кулик свое болото хвалит*, которая выражает оценку 'правильное, самое лучшее то, к чему он привык': *Человек с низкой самооценкой, пускаясь в «похвалу», как правило, очень зависим от реакции окружающих на него. Тем более, если «кулик сам хвалит свое болото». Сядьте и напишите, что хорошего сделали вы сами, чем вы себе нравитесь, а рядом – положительные качества ваших близких и друзей, каждого по отдельности. Похвалите их и себя – на бумаге, когда никого рядом нет, когда вам не надо лицемерить с какой-то целью. Спокойно проанализируйте, поищите хорошее в себе и других (обязательно параллельно) и выпишите. Оставьте этот листик, как памятку, и*

заглядывайте в него, как только начинаете «увлекаться прошлым» (<http://podrastem.com/publ/13-1-0-14>).

Дискурсивное включение пословиц, вне сомнения, отличающееся от коммуникативно-речевой синергии других паремических жанров, сопровождается ещё и определённым стереотипным фоном – дискурсивно-прагматическим фактором, который на уровне внутреннего дискурса заключается в своеобразном обмене мнениями с разных ценностно-оценочных позиций.

Следует отметить, что речевой дискурс задаёт исходно опосредованные условия для реализации ценностного компонента паремической семантики. При этом, в качестве одного из факторов дискурсивной интенции выступает прецедентный характер бытования пословиц. Так, прецедентная ссылка на пословицу *Выданная дочь – отрезанный ломоть* в семантически конденсированной форме *отрезанный ломоть* используется в оформлении заголовка для юридической справки о праве наследования доли жилплощади. В тексте исходная семантика пословицы изменена не столько вследствие прецедентной трансформации, сколько в результате использования приёма игры слов при актуализации семы ‘отделить’ с последующей буквализацией значения компонента *отрезанный*: *Для того чтобы платить только свой размер задолженности, вы первоначально должны разделить с дочерью общую собственность, сделав её долевым... Произвести раздел имущества вы в будущем сможете в добровольном или судебном порядке. В ходе этих процедур вы с дочерью можете отойти от принципа равенства своих долей в общей совместной или общей долевым собственности, сделав долю одного из вас больше, а другого – меньше...* (<http://www.proza.ru/2014/04/06/979>).

Вообще, параллельное бытование полной и конденсированной форм в статусе, соответственно, паремии и фразеологизма – достаточно распространённая причина осложнения дискурсивной интенции дополнительными элементами, корректирующими смысловое восприятие ценности. Например, *Отрезанный ломоть* – как-то горько и грустно звучит, про кого бы это не было сказано. Хоть про сына, хоть про дочь. Это если плохие отношения, и нет духовной связи, то вот и будет *отрезанный ломоть*. Но если любишь ребёнка, и с ним отличные отношения, то какой он *отрезанный ломоть*? Он твой друг и утешение, и

радость (<https://otvet.mail.ru/question/7556238>). В данном случае ценностно-оценочный акцент сменяется с утилитарного на эмоциональный.

Нельзя не учитывать и определённых изменений в области социальных стереотипов относительно традиционно преподносимых пословицей ценностей, которые, в частности, транслируются в Интернет-дискурсе. Например, *...мальчик в семье это хорошо, а девочка – не ахти? А почему? А потому, что мальчиком сохраняется фамилия, приумножается семья и её добро, а с девочкой – один расход и затраты на наряды и приданое большие, а в результате все уплывет к чужим людям, ведь дочь – отрезанный ломоть. Но это раньше, а сейчас? А сейчас все наоборот...*

Зачем родителям дочек еще что-то там делать для их блага, когда у них на руках готовый товар? «На дочь» при умелом обращении ты получишь себе и дом, и дерево, и деньги в большом (или не очень) количестве. А от сына какой толк? Один убыток – вся семья вкалывает как проклятая, составляя ему финансовый ресурс, так как он – «покупатель», ему самому нужен капитал для «покупки» чьей-то дочери, прибыли потому что никакой от него нет, наоборот – один убыток: сначала все накопленное уходит на покупку жены, – а это тоже не сразу делается – и большие траты в процессе ухаживания, так как «товар» выбирает, кому бы «продаться» *выгоднее...*

(<http://maxpark.com/community/25/content/1639926>).

Действительно, феминизация современного общества и усиление меркантильного настроения современных невест заметно влияют на традиционные стереотипы, а семантика *отрезанного ломтя* подвергается в данном случае антитетическому переосмыслению: ‘с дочерью материальная доля прибывает’: *ты получишь себе и дом, и дерево, и деньги в большом (или не очень) количестве...* Отменяет ли подобная смена стереотипов исходную паремическую ценностную модель? Думается, что нет, поскольку сама логика рассуждения «от противного», реализованная в приведённом текстовом фрагменте, возможна лишь в случае наличия в языковом сознании исходной фольклорной стереотипной формулы – традиционного убеждения, воплощённого в воспроизводимой клишированной форме. Кроме того, принципиальное отличие дискурса от контекста как раз и заключается в том, что его смысловое пространство, представленное единицами первичной и вторичной номинации, детерминировано той социокультурной информацией, которая этим текстом опосредуется. Следовательно, в ходе ценностного моделирования паремической

семантики мы неизбежно приходим к необходимости учитывать дискурсивный фактор не просто как источник влияния на смыслообразование, а как полноценного участника синергетического процесса, когда язык перетекает в дискурс, дискурс – обратно в язык.

Внутренняя форма как семиологический эпицентр паремийного кодирования. Концепция когнитивно-прагматического моделирования паремической семантики в числе лингвистических факторов паремического знакообразования особо выделяет семантическую детерминацию внутренней формы, происходящую в процессе «сгущения мысли» – в том его понимании, которое выражено в трудах А.А. Потебни и заключается в признании исходного текстового облика конденсированных единиц (фразем и пословиц). Вне сомнения, статус текста, который в результате «сгущения мысли» обретает афористическую форму и связанное значение, безусловно значим для понимания сущности конечной в ходе знакообразования структурно-семантической модели паремии конкретной жанровой разновидности (см.: [Семененко 2011:117-164]).

Единицы косвенно-производной номинации представляют собой микротекст (свертку, логоэпистему), лежащую на линии сопряжения лингвистики и когнитивистики. «Фразеологическое видение» ситуации во многом определяется усвоенным с детства этнокультурным кодом, а проводником данного кода служит внутренняя форма как обобщённый образ прототипической ситуации, репрезентированной паремией. Паремическая внутренняя форма в рамках когнитивно-прагматического подхода трактуется как предзнаковая идея, прообраз обобщённого образа ситуации, выражающей определённую внутритекстовую интенцию, задаваемую базовой когнитивно-прагматической моделью паремии. Сама концепция внутренней формы знаков косвенно-производной номинации выражена в индивидуализированном подходе к определению внутренней формы паремий различного семиологического статуса. В частности, паремии, характеризующиеся фразеологическим типом значения (устойчивые сравнения и поговорки) в качестве внутренней формы обладают преломлённым в когнитивной метафоре отношением смыслового содержания фразеологического концепта к сознанию. Фактически, внутренняя форма показывает, какими косвенно-производными средствами представляется говорящему или слушающему человеку выражаемая фраземой когнитивная метафора. Данное гипотетическое определение позволяет интерпретировать фразеологическую внутреннюю форму как

деривационно-семантическую категорию, связанную с планом выражения фраземы. Для пословиц, поговорок, загадок внутренняя форма, сохраняя свой деривационно-семантический статус, является проводником от когнитивной модели паремии к её семантике. При этом внутренняя форма выступает в качестве вторичного по отношению к прототипической ситуации образа, мотивирующего значение паремии.

Вариация лингвосемиотической функции внутренней формы паремий различного типа достаточно заметна, поскольку различный функционально-семиотический характер самих паремических типов подразумевает и различные типы мотивировки языкового значения, и различные механизмы связи довербального с вербальным. Так, внутренняя форма загадки специфична в своём стремлении увязать реальный и иносказательный событийные планы паремии. Соответственно, её внутренняя форма трактуется как обобщённый образ «совмещённых» в своих отдельных функциональных проявлениях денотатов. Денотаты, взаимодействие которых образует событийную композицию загадки, на уровне внутренней формы проявляют несколько иные признаки, нежели на уровне метафорического образа. Так, в загадке *У нас под лавкой медвежья лапка (Полено)* когнитивная модель высказывания «опирается» на набор признаков, соответствующих понятию «Большой размер». Концептуализация понятия наблюдается как раз вследствие соотнесения посредством внутренней формы понятийных признаков денотата с типичной культурной ситуацией (фреймом) – «Дом». Так загадка выполняет свою номинативно-образную функцию в условиях наличия «фонового» фрейма, дающего необходимый «намек» на разгадку денотативной сущности.

Внутренняя форма пословицы в рамках когнитивно-прагматического подхода трактуется как отражение прототипической ситуации, которая может быть реализована через произвольно выбранные прагматически значимые реалии, получившие в языке прямое или метафорическое выражение. Прозрачность внутренней формы пословиц – залог их дискурсивной актуальности, поскольку, при всей глубине переосмысления обобщения исходной ситуации пословица способна породить не только разнонаправленные в оценочном плане смыслы, но и прямо противоположные прагматические рекомендации, что обусловлено оценочной амбивалентной природой паремической семантики. Внутренняя форма же при этом служит тем «якорем», который не даёт семантике

пословицы «раствориться» в дискурсе. В частности, для пословиц, характеризующихся наличием выраженного обобщённого значения и поликонцептуальной семантикой (способность текста пословицы репрезентировать различные когнитивные структуры, реализующиеся большей частью под влиянием дискурсивной интенции), в центре когнитивной модели находится фрейм как наиболее типичная ситуация, ставшая поводом для умозаключения. Например, *Не поглядев в святцы, да и бух в большой колокол*. В данной пословице центральным звеном когнитивной модели является фрейм «Несвоевременное действие», образ данной ситуации, заключенный во ВФ высказывания имеет опору на прототипическую когнитивно-денотативную ситуацию церковного праздника, определяемого по святцам. Концептуальный фон высказывания же служит своеобразным «проводником» пословицы в дискурс, актуальный для обсуждения проблем торопливости, самоуверенности, некомпетентности и т.д.

Внутренняя форма примет трактуется нами как обобщённый образ двух ситуаций: исходной и прогнозируемой – в их слабо мотивированной причинно-следственной связи. Внутренняя форма приметы обладает свойством релевантности в том её смысле, который связан с избирательностью восприятия заданных говорящим параметров. Эта избирательность отличается от субъективной раскодировки плана содержания знака и находится в русле инференции, которая в соответствии с коммуникативным принципом релевантности позволяет слушающему «построить гипотезу о значении говорящего, которая удовлетворяет презумпцию релевантности, переданную высказыванием» [Сусов 2006: 141]. Например, для приметы *Радуга воды наберет – опять дождь будет* определяющим в структуре когнитивной модели является фрейм «Радуга после дождя», реализуемый в конкретном сценарии, четко представленном в тексте приметы. Концептуальный фон высказывания при этом мало значим, так как значение приметы не характеризуется как обобщённое, а базируется на предметно выраженной когнитивно-денотативной ситуации. Для приметы с признаками обобщенного значения картина будет несколько иной: *В разбитое зеркало нельзя смотреться – черта увидишь* – частичное обобщение значения наблюдается и как следствие ряда формальных признаков (использование безличных форм настоящего и будущего времени), и как результат использования символически значимых для культуры денотатов (зеркало – проводник в потусторонний мир, чёрт –

несчастье). Соответственно, структурообразующим для когнитивной модели паремии является фрейм «Гадание по отражению», а в качестве когнитивного фона выступают концепты «Беда/Несчастье» (*чёрта увидишь*) и «Неосторожность/Непослушание» (*нельзя смотреться*).

Таким образом, можно предположить, что ВФ паремии – это своеобразное лингвокогнитивное образование, отражение в сознании образа исходной ситуации, которое, с одной стороны, соотносит когнитивную модель высказывания с той прототипической ситуацией, в которой последняя находит свою денотативную «опору». С другой стороны, ситуативность внутренней формы пословиц, поговорок, примет и загадок по-разному обнаруживает себя в ходе мотивации исходного значения паремии, что в условиях конкретного дискурса, вне сомнения, усложнится еще и влиянием определённой дискурсивной интенции.

Когнитивно-синергетическое понимание феномена внутренней формы опирается на признание того факта, что у единицы вторичной номинации она не сводится ни к её этимологии, ни к её актуальному значению, а является средством экспликации образа, служащего способом соотнесения предмета мысли и значения фраземы. Подобное понимание чрезвычайно важно для попытки определения внутренней формы паремий, поскольку некоторые из них (в первую очередь поговорки) по своим семантическим свойствам достаточно близки к фразеологизмам. Вместе с тем другие виды паремий, в частности, пословицы, загадки и приметы существенно отличаются от фразеологизмов именно по тем признакам, которые особенно важны для характеристики их внутренней формы. В частности, у большинства пословиц она может быть охарактеризована как «прозрачная», ситуативная и сюжетная.

Ценностная концептуализация образа дискурсивного события как когнитивный механизм семиозиса паремий. Лингвокогнитивный статус ценности как предмета семантического анализа паремий определяется в русле дискуссии относительно этнокультурной обусловленности языкового сознания, одним из базисных теоретических постулатов которой и является методологический подход, опирающийся на понимание синергетического взаимодействия языка и культуры как трихотомии «язык – познание – культура». При таком подходе предметом когнитивно-дискурсивной лингвокультурологии оказываются языковые механизмы интериоризации знаний, мнений и способов представления объективной действительности, выработанные человечеством в рамках той

или иной этнокультуры, их вербализации в виде конститuentов (сем) семантической структуры номинативных единиц языка. И в этом плане такого рода системы оказываются творением человеческого разума, продуктом ценностно-смысловой (культурологической, когнитивно-синергетической) интерпретации познаваемой действительности, составляющей содержательную сущность ментальности того или иного народа. В русле предлагаемого понимания ценностно-смысловой потенциал паремий – аспект насколько очевидный (что подтверждается высокой частотностью обращений к своду народной мудрости как источнику сведений о ценностях этноса), настолько и актуальный в плане уточнения следующих проблемных вопросов:

1) самого понятия ценности применительно к паремической семантике,

2) категориально-когнитивного статуса ценности и

3) характера взаимообусловленности функционально-семантической природы паремий различных жанров и дискурсивно-прагматического фактора оценки как когнитивно-прагматического фокуса смыслообразования. При разработке каждого из обозначенных аспектов мы опираемся на понимание ценности как продукта когнитивно-прагматической деятельности, ведущим признаком которой является «привязанность» к стереотипной ситуации.

Выступая в качестве проводников ценностных смыслов, паремии характеризуют стереотипную ситуацию (поговорки, устойчивые сравнения, загадки), либо предлагают стереотипную модель осмысления той или иной ценности (пословицы, приметы). Это как раз и способствует реализации паремиями их культуротворческой функции – моделирования артефактов² культуры в соответствии с множеством оценок поведения человека в определённых стереотипных ситуациях и полифонией их интерпретаций, зафиксированных дискурсивным сознанием народа. По данным нашей выборки, главным артефактом в пищевом коде русских паремий является *хлеб*, за ним – *соль* и *каша*. По наблюдениям Т.Г. Бочиной, знаковыми артефактами «своего» мира являются также *блины*, *каша* и *квас*. Автор отмечает значимые в этом плане традиционные предикации, фиксируемые русскими пословицами: *хлеб, щи – голова*, *хлеб – бабушка*, *кормилец*, *каша – матушка* [Бочина 2013: 302]. Сакральный смысл концепта «Хлеб»

² В нашем понимании, *артефакт* – объект паремийной номинации неприродного происхождения, имеющий духовно-нравственный смысл.

выражает и его внешний вид: обычно, это выпечка небольшой круглой формы. Нередко на нем изображали крест (например, в христианских обрядах). Круглая форма хлеба символизирует солнце, ритуальные лепешки, помеченные крестом, символизируют округлость луны и её четыре фазы.

В концептосфере русской проverbsиальной картины мира слово *хлеб* предстает как символ непревзойденного ценностного смысла, древний архетип культуры: *Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова*. Последний предикат позволяет отнести *хлеб* к константам русской культуры. По мнению В.П. Синячкина, он уже на протяжении многих веков выступает как макроконцепт русской культуры. Проведённое им комплексное лингвокультурное исследование этносмыслового и семантического планов показало, что концепт «Хлеб», будучи культурной и языковой константой, находится в самом центре концептосферы русского языка [Синячкин 2002]. Для англичан, по данным А.И. Лызлова [2009], кроме первого артефакта (*хлеб/еда*) наиболее частотными из них являются *дом, пироги, пиво, эль, мед, кексы*. Именно они располагают достаточно широким этнокультурным спектром аксиологических значений. Концепт «Дом» – ценностно-смысловая константа английской культуры. Его репрезентантами в английском языке служат два слова: *home* и *house*. Первое слово входит в состав паремий, выражающих семейный очаг, домашний уют, обеспечивающие безопасность и комфорт:

East or West, home is best;

There is no place like home;

The furthest way about is the nearest way home;

The wider we roam, the welcomer home;

Far from home near the harm.

Идею закрытости дома выражают паремии со словом *house*:

Curiosity is ill manners in another's house;

He that marries a widow and two children has three back doors to his house.

Не случайно «визитной карточкой» англичанина, указывающей на его этническую принадлежность служит известная многим пословица *Мой дом – моя крепость* (*My house is my castle*). В наше время эта паремия воспринимается как народный афоризм, но на самом деле принадлежит он английскому правоведу Эдуарду Коку (1552–1634), употребившему его в

его комментариях к той части средневекового английского права, в которой говорится о неприкосновенности жилища.

С глубокой древности дом для человека был не только жилищем, в котором он стремился отдохнуть от трудов, укрыться от губительного холода, нестерпимого зноя или от насилия. Дом давал возможность человеку на маленьком пространстве огромного мира реализовать данную Творцом свободу и создать тот мир, который соответствует его духовно-нравственным ценностям, потребностям и привычкам. Эту же идею выражает известное выражение русской лингвокультуры, когда хозяин, приглашая гостя к комфортному расположению, обращается к нему со словами: *чувствуйте себя как дома*. Тем самым он приглашает его вести себя свободно, не чувствуя себя стесненным непривычной ему обстановкой. Разумеется, образ дома и его значимость для человека имеется в любой лингвокультуре, но смысловая наполняемость паремий, его содержащих, в каждой паремиологической системе имеет свои особенности. К тому же в пределах даже одной лингвокультуры ассоциативно-образный импликационал базового концепта проецирует самые разные дискурсивные смыслы. Ср.:

В гостях хорошо, а дома лучше;
Без хозяина — дом сирота;
Дома не в гостях: посидев, не уйдешь;
Всякий дом хозяином держится;
В своем доме как хочу, так и ворочу;
Дом красится хозяином;
Горе тому, кто непорядком живет в дому;
Дома и стены помогают;
Лучше дома своего нет на свете ничего;
В каждой избушке свои игрушки;
Не красна изба углами, а красна пирогами;
В своем дому не кланяются никому;
Каков хозяин — таков и дом;
Не кути дом, а кути соседа.

Следовательно, паремия как этноязыковой носитель ценностно-смыслового содержания выступает не столько в качестве номинативного, сколько интерпретирующего средства языка. Поэтому и само ценностное содержание паремии носит эксплицитный оценочный характер, который изначально обусловлен конкретной дискурсивной привязкой, которая

ощущается в конкретной речевой коммуникации или предполагается при осмыслении семантики пословицы применительно к гипотетической ситуации общения.

Указанная сложность однозначного прочтения и толкования мнения, выраженного в пословице, в случае отсутствия выраженного контекста ситуации общения и собственно речевого контекста не только вызывает разночтения в отнесении пословиц к той или иной тематической группе, но и порождает дискуссию при определении рекомендуемой в паремии позиции относительно той или иной ценности культуры. Например, *Мать высоко замахивается, да не больно бьёт* – пословица с конкретной семантикой (афористическое значение характеризуется денотативной обусловленностью), традиционно относимая к тематическим группам «Семья – Родня», «Мать – Отец» по принципу «ключевого слова». В силу достаточной референтности денотата ‘мать’ «вывести» данную пословицу за пределы дискурса о матери крайне сложно, – разве что за счёт метафорического переноса ‘мать – начальница’ или ‘мать – учительница’, и то гипотетически... Вместе с тем, «Мать» – далеко не единственная ценность, вербализованная в семантическом пространстве паремии: на уровне логической пропозиции здесь реализована ценность «Истинные намерения», а посредством подтекста – «Любовь», которые в определённом исследовательском ракурсе также могут стать основанием для группировки паремий.

Помимо прочего, актуальность обращения к ценностному компоненту паремической семантики обусловлена ставшим уже традиционным для антропоцентрически ориентированной лингвистики [Соколова, Корина 2014: 55] подходом к решению проблем семантики знаков косвенно-производной номинации в системе «Язык – текст – дискурс». Действительно, паремия как синкретичный знак, совмещающий свойства текстемы (языкового знака) и высказывания (дискурсивной единицы), многим особенностям своей речевой реализации обязана именно сочетанию свойств мини-текста со «свёрнутой» смысловой структурой и единицы дискурса, способствующей смыслообразованию в его пространстве.

Синкретичная природа паремий, равно как и их статус текстов культуры, репрезентирующих стереотипные формулы народного мировоззрения (в особенности в оценке традиционных сторон культуры), способствуют выделению исследовательского подхода к моделированию паремической семантики с учётом многоуровневости системы её

параметров и с применением когнитивно-дискурсивного подхода, учитывающего такие факторы, как

1) активная когнитивная интеграция в основании значения народного афоризма, обусловленная интенциональным воздействием дискурса и

2) собственно дискурсивно выраженный прагматический смысл высказывания, порождаемый субъективным авторским коммуникативом текста, с одной стороны, и общеязыковым афористическим значением паремии как носителем этнокультурно-стереотипной оценки, с другой стороны.

Подобная методологическая акцентуализация свойств объекта исследования вполне согласуется с общими задачами современной аксиологической лингвистики, которая занимается моделированием и описанием неявных семантических механизмов, выполняющих роль «связующего звена между лексико-семантической оценочной системой и социальным опытом национально-культурного сообщества» [Болотина, Шабашева 2013: 22]. Сам же процесс осознания ценности связан преимущественно с ситуативно обусловленной ассоциацией и, таким образом, относится к числу фреймовых конфигураций. Например, *Гордость въезжает верхом, а возвращается пешком* – фрейм «Гордыня», реализуется в условиях прозрачной внутренней формы событийного характера и в своём актуальном интегративном пространстве выражается в антитетическом балансе концептов «Победа» – «Поражение», и именно в аспекте данной когнитивной интеграции репрезентируется ценность «Скромность/Сдержанность» как прагматически обусловленный смысл, отличающийся от собственно концепта данной выраженной внешней этнокультурной обусловленностью. По сути, сама паремическая формула является залогом этой сложной синергетической связи знания, значения, оценки и характеристики, которая и выливается в то, что мы понимаем как стереотипное выражение ценности.

Основа выше означенной гипотезы заключена в понимании процесса смыслообразования, генерируемого в знаках косвенно-производной номинации, в русле современной когнитивно-синергетической теории, в соответствие с которой интерпретация действительности посредством языкового сознания приводит к трансформации элементов концептуального сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, воплощаются в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В

результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры идеальные артефакты – языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества [Георгиева 2012: 219]. Как средства интериоризации продуктов мироустроительной жизнедеятельности определенного этноязыкового коллектива, его мироощущения, мировосприятия, мировидения и миропонимания, они являются базовыми концептами ментальности. К числу данных идеальных артефактов, на наш взгляд, относятся и ценности, которые наряду с образами и символами образуют ментальную сферу сознания, выполняя при этом не столько национально-специфическую, сколько национально-характеризующую функцию.

Действительно, сам состав ценностей культуры, получающий своё стереотипное воплощение в паремическом составе языка, вряд ли может быть оценен как специфическое образование. Вместе с тем, прагматический фокус паремической семантики обеспечивает репрезентированным ценностям ту самую ментально обусловленную оценку, которая и характеризует стереотипную сторону народного мышления, как правило, напрямую не связанную с собственно лексическим значением слов-компонентов, а скорее, мотивированную стереотипным восприятием категорий, обозначенных данными словами. Например, в пословицах

а) *День прошёл – ближе к смерти* и

б) *День долог, а век короток* репрезентирована ценность «Время» в двух её стереотипных моделях прагматической оценки: а) ‘время быстротечно’ и (б) ‘время бесценно’, а пословицы

а) *Будет время – всё минется* и

б) *Вовремя успел, как в иголку вдел* репрезентируют ценность «Судьба/Момент жизни» с оценкой ‘дорог конкретный момент жизни’ и ценности (а) «Терпение» и (б) «Своевременность действия». Соответственно, лексема *день* в своём обобщённо-темпоральном значении, – кстати, весьма характерном для фольклорного дискурса, – является ключевым фактором реализации внутренней формы, мотивирующей образ ‘этапа жизни человека’, а лексема *время*, в свою очередь, мотивирует образ ‘конкретного момента жизни’.

Исходя из подобного понимания пословица *Все мы говорим, да не всё по говорённому выходит* позволяет рассмотреть следующую поликонцептуальную структуру: антитетический концепт «Желаемое – Действительное» и концепт «Судьба» в их интегративном взаимодействии в составе фрейма «Жизнь» в части слота «Законы жизни». Статус же ценности в когнитивном основании данной поговорки имеет «Объективное мышление» – когнитивная единица, стимулирующая синергию внутренней формы исходя из сугубо прагматического назначения высказывания – трансляция этнокультурного стереотипа ‘цени не разговоры, а результат дела’. Получается, что ценность – результат, по сути, вторичной вербально-когнитивной деятельности, своеобразная рефлексия сознания, опосредованная стереотипом культуры. Можно сказать, что ценность проецирует социальный опыт на образ мышления, выступая в качестве элемента саморегуляции лингвоязыковой синергии.

Заключение. В целом ценностно-смысловая палитра поговорочного семиозиса является своеобразным камертоном этноязыкового сознания, а поговорки выступают как средство осуществления интериоризации, превращения внешнего во внутреннее, то есть «вращивания» образов познаваемых (внешних) объектов внутрь нервно-мозговой системы. Эта интериоризация объектов внешнего мира в этнокультурно обусловленные когнитивные структуры (поговорочные концепты и фреймы), как нам видится, и приводит к формированию ценностно-смыслового пространства. Сущность поговорки как этнолингвокультурной единицы значимости заключается не в уникальности вербального воплощения поговорочных когнитивных структур, а в самобытном когнитивно-дискурсивном смыслообразовании, обуславливающим доминирование в поговорочном высказывании этнокультурно маркированного смыслового содержания с дискурсивно обусловленной прагматической оценочностью.

Таким образом, к числу особых когнитивно-прагматических свойств поговорок относятся

- 1) стереотипно-оценочный характер содержания (прагматический фактор),
- 2) вторичность вербально-когнитивной объективации (когнитивный фактор) а также
- 3) имплицитный характер смысловой реализации (дискурсивный фактор).

Все указанные параметры и позволяют предположить, что духовно-нравственные ценности, репрезентируемые паремиями, занимают особое место среди когнитивно-аксиологических доминант языковой картины мира, фокусируя в себе неисчерпаемую синергию языка, сознания и культуры.

Библиография

Алефиренко Н.Ф. Живое слово дороже мёртвой буквы: язык в свете лингвистического постмодернизма // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. – Белгород: «Эпицентр», 2016. – С. 31-38.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Элпис, 2008а. – 271 с.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте постмодернизма. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008б. – 152 с.

Алефиренко Н.Ф. Глава I. Фразеопорождающий потенциал когнитивно-провербиального кода // Современная фразеология: тенденции и инновации: монография. – М., Санкт-Петербург, Брянск: «Новый проект», 2016. – С. 7-31.

Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Значение и смысл паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т. 85. – № 6-2. – С. 169-180.

Бочина Т.Г. Паремическая семантика и мифопоэтическая модель мира // Языковая семантика и образ мира: Коллективная монография / Под ред. Т.Г. Бочиной. – Казань: КФУ, 2013. – С. 296-318.

Болотина М.А., Шабашева Е.А. Когнитивный аспект оценочной семантики фразеологических единиц с цветообозначениями // Вестник Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. – Калининград, 2013, 2. – С. 21-28.

Галло Я. Лексико-синтаксические механизмы фразеологизации в русском и словацком языках // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – С. 290-293.

Георгиева Ст. О национальной специфике фразеологических фондов русского и болгарского языков // Русистика: язык, культура, перевод: Юбилейная международ. науч. конф. – София: Изток-запад, 2012. – С. 219-225.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 264-389.

Зельдович Г.М. О типах семантической информации: слабые смыслы // Известия РАН. Сер. лит. и яз, 1998. – Т. 57, № 2. – С. 32-41.

Лызлов А.И. Оценка и языковые способы ее выражения в поговорках (на материале компаративных и негативных конструкций английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2009. – 22 с.

Мелерович А.М. Смысловая структура пословиц // Семантика языковых единиц. Докл. VI Международ. конф. – М., 1998. Т. 1. – С. 275-277.

Олизько Н.С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. – 2011. – № 33(248). – С. 164-166.

Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

Русская грамматика. В 2 т. – М.: Наука, 1980-1982. – 1492 с.

Селиверстова Е.И. Пространство русской поговорки: постоянство и изменчивость. – СПб: «Мирс», 2009. – 270 с.

Семененко Н.Н. Русские поговорки: функции, семантика, прагматика. – Белгород: Изд-во Белгород. ун-та, 2011. – 355 с.

Семененко Н.Н. Парадигматические свойства и иерархическая структура поговорок в когнитивно-прагматическом аспекте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 4. – С. 158-164.

Серёгина М.А. Поговорка и план ее выражения: признак структуры // Materiały VI Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Europejska nauka XXI wieków – 2010». Volume 11. Filologiczne nauki. – Przemyśl: Nauka i studia. – 2010. – С. 65-69.

Синячкин В.П. Концепт «Хлеб» в русском языке, лингвокультурологические аспекты описания: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 171 с.

Соколова Я., Корина Н. «Центризм» в лексическом пространстве языка // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – Белгород, 2014. № 2. – С. 55-60.

Соссюр Ф. Анаграммы // Труды по языкознанию. Переводы с франц. яз. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 535-649.

Сусов И.П. История языкознания. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. – 295 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.

Федуленкова Т.Н. Английские пословицы с инвариантным денотативным значением и их русские эквиваленты // Вопросы теории и практики перевода: сб. материалов семинара. – Пенза, 1998. – С. 122-126.

Alefrenko N.F., Chumak-Zhun I.I., Ozerova E.G., Stebunova K.K. Discursive-modus mechanisms of phraseological semiosis // The Social Sciences. – Roma. Volume 10. Issue 6, 2015. – Pp. 1155-1159.

Mieder W. Proverbs are never out of season. Popular wisdom in the modern ages. – N. Y.: Oxford University Press, 1993. – 284 s.

Mlacek J. Cez poznávanie k používaniu biblických frazém v súčasnej komunikácii // Die slawische Phraseologie und die Bibel: Kollektivmonographie. Red.: H. Walter, Valerij M. Mokienko, Dana Baláková. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. Greifswald, 2013. – S. 138-144.

Sitariski A. Карнавальная концепция мира и человека в аксиологическом аспекте (на материале избранных русских и польских фразеологических единиц) // Acta Polono-Ruthenica. – 2009. – Вып. 14. – С. 497-503.

Čermák F. Onomaziologické systémy u propozic a proverbii // Parémie národů slovanských. – Ostrava, 2003. – S. 47-54.

Словари

Жуков В.П. Искусство слова в пословицах и поговорках // Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц / под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

Глава 2

РАЗЪЯСНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК: ОПЫТ МЕДЛЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ

В. И. Зимин

«Дурно определили пословицы, назвав их мудростью народов; это просто живой голос человечества, которое вечно плачет или смеётся и которое никогда не умолкнет», – так сказал Дени Жак Фердинанд (1798-1890), французский писатель и путешественник. Главное для нас – «никогда не умолкнет»: народ постоянно творит и будет творить пословицы, плоды опытности всех народов и здравый смысл всех веков, переложенные в формулы. Мудрость же, понимаемая как «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт» (С.И. Ожегов), свойственна далеко не всем пословицам. Главное же свойство пословиц – это опытность и здравый смысл, при этом не признак, качество, особенность и т.п., а именно свойство: вспомните А.С. Пушкина – «Свойство зеркальце имело: говорить оно умело»... Итак, пословицам свойственна опытность, здравый смысл и вечная «творимость и сотворяемость» народом.

Из таких позиций мы будем исходить в понимании пословиц в нашем медленном прочтении. Медленное прочтение обязательно предполагает размышление, ответы на многочисленные вопросы: почему так говорят, насколько это отвечает здравому смыслу, как это соотносится с правдой и т.п.

Например, в «Словаре русских пословиц и поговорок» Влас Платонович Жуков (М., 1967) определил значение поговорки *Далеко кулику до Петрова дня*, вложив в это определение сравнение одного человека с другим, – одному человеку трудно сравниться с другим. Откуда взялось это значение? В этой поговорке нет никакого сравнения. Внутренняя форма (образ) этой поговорки раскрывается так: «С начала весны и до Петрова дня (29 июня по старому стилю) жизнь кулика наполнена особыми заботами: уход за куличихой, которая несёт яйца величиной в $\frac{1}{4}$ её самой (как если бы женщина весом 60 килограммов родила ребёнка весом в 15 килограммов), после чего она некоторое время бывает бездыханной, а кулик её приводит в чувство, опрыскивая водой, взятой из болота, уход за прожорливыми

птенцами, которым именно кулик добывает корм, летая по болоту, и т.п.). Лишь к Петрову дню, когда вырастают птенцы, труды кулика оканчиваются, можно и отдохнуть» [Зимин 2012: 166]. Такое видение внутренней формы (образа) этой поговорки никак не провоцирует сравнения одного человека с другим. Да и как в самом деле можно сравнивать кулика, эту маленькую болотную птичку, с Петровым днём? По каким признакам, на каком основании? Очевидно, слово *далеко* здесь надо понимать как «долго» (ср. *до экзаменов ещё далеко, до весны ещё далеко* и т.п.), а значение всей поговорки – «ещё много не хватает до полного успеха кому-либо; ещё рано успокаиваться кому-нибудь; ещё далеко до времени, когда можно будет отдохнуть».

Для правильного понимания и употребления пословицы необходимо в первую очередь хорошо представить её внутреннюю форму, условия её зарождения, значения компонентов, составляющих пословицу, семантический контекст всей пословицы и многое другое (см., напр.: [Мелерович 1998; Федуленкова 2001]). Сейчас изменилось время, современные люди не всегда понимают значения многих слов из состава пословиц, особенно тех, которые зародились в крестьянской среде (а таких пословиц большинство), не представляют чётко особенностей бытования пословиц, хотя понимают и употребляют их в общем правильно. У меня есть большой материал наблюдений – как наши люди понимают и употребляют пословицы и поговорки. Из этого материала хорошо видно, что в сельской местности пословицы понимаются значительно лучше, чем в городской. Во время чтения лекций студентам, магистрантам и аспирантам Московского педагогического государственного университета я обычно спрашиваю в связи с разъяснением поговорки *шлея под хвост попала*, знают ли слушатели, что такое шлея, зачем она нужна лошади и т.п. Ответа либо не получаю, либо следует довольно общий ответ – это часть конской сбруи. Беру с полки «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, там читаю – это «часть сбруи, ремень, прикреплённый двумя концами к хомуту и проходящий по бокам и спине лошади», но и там даётся общее представление о шлее, а зачем она нужна лошади, не говорится. Объясняю: шлея действительно прикреплена двумя концами к хомуту и проходит по бокам и спине лошади, но обратите внимание, что она располагается на середине бёдер задних ног лошади, а нужна она для того, чтобы сдерживать воз (телегу или сани всё равно), когда он идёт под гору. Если бы у лошади не было шлеи, то хомут отошёл бы от плеч и прижался к

голове лошади, так можно задушить лошадь. А вот шлей лошадь и сдерживает воз, хомут только немного отойдёт от плеч, но это лошади не повредит. Ещё шлея нужна, если надо подать воз назад. Но, заметьте, я пока не объясняю, как шлея попадает под хвост лошади и почему выражение *шлея под хвост попала*, если говорится о человеке, сообщает о неуравновешенности, взбалмошности поведения этого человека. Это надо сообщить под самый конец объяснения. Когда лошадь бежит, шлея немного попрыгивает на спине лошади в такт бега и может сместиться на один бок. В таком случае она и может попасть под хвост лошади. Чтобы шлея не смещалась в сторону, иногда привешивают к ней по бокам лошади маленькие металлические грузики в виде какой-либо фигурки (в свадебных кортежах такие фигурки украшают), но это делают далеко не всегда. Ямщик, кучер, возница, вообще любой «водитель лошади» должен следить за шлей. Если она смещается к хвосту, надо просто кнутом поправить её, чтобы она лежала симметрично. Только после такого подробного описания шлеи надо указать тот признак внутренней формы фразеологизма, который лежит в основе мотивации значения. Как ни странно, этот признак только связан со шлей, но к ней никакого отношения не имеет. Тут я могу отослать моих слушателей к своему словарю: «Значение выражения *шлея под хвост попала* мотивируется тем, что у лошади под хвостом (у самого начала хвоста) есть место, не покрытое шерстью. Лошадь очень боится щекотки в этом месте. Если туда попадёт шлея (ремень сбруи), реже вожжа, тогда все выражение звучит *вожжа под хвост попала*, лошадь начинает беситься, может понести, разбить повозку и т.п. С таким поведением лошади и сравнивают поведение человека» [Зимин 2012: 48]. После такого раскрытия внутренней формы и мотивации выражение *шлея под хвост попала* становится очень понятным и легко употребляемым. А главное – запоминается образ (образная основа) пословицы.

Иногда целостность образа объясняется каким-либо одним компонентом пословицы. Например, образ пословицы *взялся за гуж, не говори, что не дюж* в значительной степени связан со словом *гуж*. Обычно толкуют значение этой пословицы следующим образом – «если взялся за какое-либо дело, надо его выполнить, несмотря на трудности». Но как этого мало для настоящего понимания значения этой пословицы! Русские люди привыкли видеть гужи в упряжке лошади. С гужами ассоциируется лошадь. Смотрите у Н.А. Некрасова: «Трогай, Саврасушка, трогай, Натягивай крепче гужи, Служил ты хозяину много, В последний разок послужи». На

лошади отвозили гроб умершего на погост, на лошадях приезжали сватать невесту, на лошадях возили дрова, ездили на ярмарку и т.п. Везде гужи, гужи, а не гуж. А в пословице *Взялся за гуж, не говори, что не дюж* упоминается один гуж, никак не связанный с лошадыю. Пословица напоминает нам старую практику земляных работ с применением гужа. Например, рабочий, возивший землю на тачке, для облегчения своего труда привязывал гуж к ручкам тачки и перекидывал его через плечи. Таким образом, применяя становую силу, гораздо легче везти тяжёлую тачку, чем продвигать её только руками. Ещё: гуж можно привязать к черенку лопаты и работать (например, разгрести песок, гравий и т.п.) вдвоём: один наставляет лопату, а другой тянет за гуж. Помню, в советское время очень любили устраивать субботники или просто помогать кадровым работникам. Один раз из Института НИИ Преподавания русского языка в национальной школе АПН СССР, где я тогда работал, нас послали разгрести песок из огромной кучи по ближайшим аллеям парка. Были разные предложения: разносить этот песок по аллеям ведрами, на носилках и т.п. Но победило наше предложение – «применить технику гужа». Мы вдвоём (я и одна наша молодая сотрудница) практически весь песок разгребли по аллеям «с помощью гужа». По сему поводу в Институте решили, что на все субботники надо посылать только меня и эту молодую сотрудницу. Но труд-то тяжёлый. Тут надо задуматься, а кто в старое время брался за такую тяжёлую работу. За такую тяжёлую работу люди брались в крайних случаях (из-за большой нужды, детей надо было кормить и т.п.), а взявшись за неё, не должны были жаловаться на нездоровье, слабость и т.п. в общем на то, что ты не дюж.

Говорят, что пословицы творит народ. Это верно. Но кто такой народ? На этот вопрос ответить очень трудно. Но есть у людей ассоциации, что народ – это простые люди, в основном из сельской местности, это пахари, сеятели, косари, пастухи и т.п. Я бесконечно доверяю этим простым людям. В моих скитаниях по России (а раньше – по Советскому Союзу) они мне всегда помогали. Я, например, долго не понимал пословицу *И волки сыты, и овцы целы*. Не понимали её, наверное, и мои друзья, когда писали, что «поскольку примирение волка и овцы принципиально невозможно, то ситуация, отражённая поговоркой, означает стремление к исключительно трудному (часто неосуществленному) компромиссу» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 115]. Что сказать? Компромисс между волком и овцой по природе своей невозможен. Этого быть не может. Да и как можно толковать

эту пословицу – «обе стороны удовлетворены; все довольны»: волк-то будет доволен, съев овцу, а овца? Вот под давлением таких фактов я и поверил «простым» пастухам где-то в Сальской степи – «поговорка объясняется тем, что пастухи намеренно занижали приплод в стадах помещичьих овец. После пригона овец с пастбищ это помогало отчитаться перед помещиком; хотя волки за лето поедали часть овец, но количество их было прежним» [Зимин 2012: 36].

Часто в состав пословиц входят идиомы. В таких случаях сначала надо объяснить значение идиомы, а потом уже смысл пословицы. Например, в пословице *Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу*. Идиома *ума не приложу* имеет значение «не могу, не в состоянии сообразить, понять что-либо, догадаться о чем-либо, придумать, как поступить, как подействовать и т.п.». А в пословице *Чужую беду на бобах разведу, а своя придет, голова кругом идет* две идиомы: *на бобах развести* – «легко, запросто объяснить» и *голова кругом идет* – «кто-либо теряет способность ясно соображать (от множества дел, забот, волнений, переживаний и т.п.)». Обе пословицы имеют одинаковое значение – «чужие трудности и беды кажутся несерьёзными, легко устранимыми, а свои – серьёзными и неразрешимыми». Эти пословицы употребляются, когда кто-либо считает чужие неприятности легкими и даёт советы, как их преодолеть, или советует не обращать на них внимания. Этимологически значения этих пословиц объясняются тем, что в них отразилось издавна существовавшее желание человека узнать свою судьбу при помощи гадания, предсказания с использованием воды, огня, животных, бобов и т.п. Пословица *Чужую беду на бобах разведу, а своя придет, голова кругом идет* употреблялась издавна, она и говорит о гадании на бобах.

Часто пословицы связываются единством одной речевой ситуации. Сказав одну пословицу, хочется привести и другие. Например, *Без соли, без хлеба худая беседа*. Смысл этой пословицы таков – «хозяин должен сначала угостить гостя, а потом уже беседовать с ним». В живой речи эту пословицу обычно сопровождают другими пословицами: *Гостя сначала угости, а потом вестей спроси, Соловья баснями не кормят, Хороша побасенка с поросёночком* и т.п.

Особенно много надо думать о ситуации употребления той или иной пословицы. Например, какого человека характеризует поговорка *без царя в голове*, о каком человеке здесь идёт речь. Наш ответ таков: в этой поговорке речь идёт о взбалмошном человеке, не умеющем управлять своими

действиями. Он вроде бы и глупым не числится, но в то же время глупости делает одну за другой. А.И. Молотков думает иначе: *без царя в голове* – «очень глуп, недалёк» [Молотков 1987: 513]. Нет, поговорка *без царя в голове* характеризует не просто глупого, а того, кто не умеет управлять своими действиями. Классический пример правильного употребления поговорки (кстати, приводимый в цитируемом словаре) находим у Н.В. Гоголя: «Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, – один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения». Если подставить сюда трактовку поговорки А.И. Молотковым, то получим, что Хлестаков был «приглуповат и очень глуп». А мы знаем, что Хлестаков не так уж и глуп, если сумел надуть даже городничего, который «трёх губернаторов обманул». Очень глупого называют *олухом царя небесного*. А Хлестакова олухом не назовёшь. *Олух царя небесного* и *без царя в голове* – это разные люди.

В разъяснении значений пословиц и поговорок очень трудно обойтись без этимологических сведений. Более того, этимологические сведения порой лучше объясняют значения пословиц и поговорок, чем их толкование. Знание этимологического происхождения пословиц и поговорок предостерегает говорящих от возможных ошибочных толкований значения. В моих записках о понимании пословиц и поговорок информантами, которых я когда-то опрашивал, очень много таких ошибочных пониманий. Например, поговорку *дать маху* многие информанты связывали с махом рукой и особенно не задумывались над тем, как можно отсюда вывести значение «совершить промах». На самом деле слово *мах* в этом выражении имеет значение «один оборот мельничного колеса-жернова». Ранее ветряные мельницы запускались вручную. Чтобы мельничный ветряк стал работать, надо прокрутить крылья мельницы на одну четверть (расстояние от крыла до крыла), что соответствовало одному обороту мельничного колеса-жернова). Однако иногда, особенно в маловетреную погоду, не удавалось запустить ветряк. Так делался промах, неудача в запуске мельницы. Кстати, один раз я делал доклад на конференции, и один слушатель усомнился, что мельничный ветряк можно запустить вручную. Пришлось ему (и всем) сообщить некоторые детали: на одном или даже на двух крыльях мельницы есть маленькие лёгкие дощечки. Один конец такой дощечки можно отстегнуть и за него потянуть крыло мельницы. Если на крыльях мельницы нет таких дощечек, то на горизонтальное крыло надо

накинуть обыкновенную верёвку и потянуть крыло вниз. В общем так или иначе надо прокрутить мельницу на одну четверть крыльев, и маховое колесо сделает один оборот, а вся мельница начнёт работать. Я отослал моих слушателей в Малые Карелы под Архангельском, где есть такие ветряные мельницы. Другой пример связи внутренней формы (образа) поговорки и выводного значения – *сума перемётная*. Если эту связь неправильно истолковать, то и получим ошибку в толковании. В цитируемом «Фразеологическом словаре...» А.И. Молоткова и в «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» Н.М. Шанского, В.И. Зимина, А.В. Филиппова (Москва, 1987) выражение *сума перемётная* толкуется так – «человек, меняющий свои взгляды, убеждения, непостоянный в своих поступках, действиях» (Молотков); «О человеке, легко меняющим свои взгляды, убеждения, непостоянном в своих поступках, действиях» (Опыт). Не знаю, кто из нас писал эту словарную статью: ни Н.М. Шанского, ни А.В. Филиппова сейчас нет на свете. Всю вину я беру на себя. В таком толковании изменчивость в поведении человека связывается с перебрасыванием сумы со стороны на сторону. Так, значит, человек меняет настроение, убеждения. Однако в этом выражении значение двойственности, двуличности человека является постоянным признаком этого человека. Просто надо правильно прочесть внутреннюю форму (образ) этого выражения. *Сума перемётная* в этом выражении – это не просто сума, а «две сумы, кожаные, ковровые и пр., на одном полотнище или широком ремне, для перемёта через седло, конский выюк» [Даль 1955: 360]. Значит, *сума перемётная* – это постоянно двуличный человек. Такое значение вытекает из образного представления *перемётной сумы*, только что описанной мною со ссылкой на В.И. Даля. На правильное понимание выражения *сума перемётная* меня вразумил мой бывший аспирант Обдуллаев Аамат Рахимович [Обдуллаев 1996].

Сейчас медленно, задумавшись, прочитаем поговорку *плевать в потолок*. Очень трудно определить значение этой поговорки. Об этом говорит хотя бы то, что разные люди (и фразеологи в том числе) по-разному понимают её. Я сначала представлю своё разъяснение значения этой поговорки, а потом скажу и другие мнения. Это собственно русское выражение, связанное с крестьянским бытом. «Происходит от *поплёвывать в потолок* – «долго, спокойно и заслуженно отдыхать после продолжительных работ». Крестьянин во время отдыха лежал на полатах или на печке и, покуривая, сплёвывал с губ табачные крошки. И полати, и

место лежания на печке располагались близко к потолку. Однако если крестьянин слишком долго отдыхал на печке или на полатах, то говорили уже не *поплёвывать в потолок*, а *плевать в потолок* (*хватит плевать в потолок*), и всё выражение приобрело оттенок неодобрения» [Зимин 2012: 84]. Кое-что надо разъяснить подробнее. Русский крестьянин не лодырничал на печке или на полатах, лодырничал на печке – как-то и говорить неудобно, он бездействовал, но не бездельничал, как иногда говорят, думая о выражении *плевать в потолок*. Но русскому крестьянину нельзя было долго отдыхать: звала работа не только на полях, но и дома, на подворье и т.п. Тут, надо заметить, что значение этой поговорки лучше изложить, не включая сюда «лодырничать», а думая, что «отдых слишком затянулся». По этой причине в этом выражении глагол *поплёвывать* превратился в *плевать*, а всё значение приобрело семантический оттенок «лодырничать» и эмотивность неодобрения. Думаю, что в этом преобразовании значения (это моё личное мнение) сыграла первую роль жена крестьянина, которая, когда отдых крестьянина, с её точки зрения, слишком затягивался, и выговорила ему: «Хватит плевать в потолок!»

Очень непросто думать о поговорке *бить баклуши*. Многочисленные исследователи русской фразеологии и простые русские люди понимают значение этого выражения как – «бездельничать». Часто к этому значению приписывают ещё оттенок «заниматься пустяковым делом». Различное понимание значения этого выражения во многом зависит от знания этимологического происхождения. А этимологий этого выражения очень много. Одно этимологическое объяснение высказал В.И. Даль. Он связывает это выражение с кустарным производством деревянных ложек, чашек и другой посуды, объясняя прежде всего слово *баклуша*. Это слово означало чурку – заготовку для будущей ложки. Весь процесс производства деревянных ложек был довольно труден (выбор дерева, последующая его обработка и т.п.), а откалывание чурок от чурбана мыслилось довольно простым делом, не требующим особого умения. Это, как будто бы, дало основание думать, что *бить баклуши* – это не просто лодырничать, а заниматься пустяковым делом. Сейчас эта этимология забыта полностью.

Проведённый мною эксперимент (опрос информантов) это подтверждает на сто процентов. Тут я вспоминаю, как мы с Вероникой Николаевной Телия, которая считала, что у выражения *бить баклуши* есть оттенок «пустячной работы», шли по тротуару и говорили о фразеологизмах, в частности, о выражении *бить баклуши*. Решили провести

опрос людей (всех, кто встретится), «как Вы понимаете *бить баклуши*?» Задержали на несколько секунд около двадцати всегда куда-то спешащих москвичей обоего пола. Результат был единодушен – «бездельничать». Об этимологии мы не спрашивали. Ещё я сказал Веронике Николаевне о том, что я не раз говорил с кустарями-деревобделочниками, они все полагали, что баклуши от чурбана не отбивают, а откалывают, глагол *бить* применительно к производству деревянных изделий вызывал сомнение. Естественно, что только что изложенная версия о происхождении выражения *бить баклуши* отпала. По каким причинам? В основном потому, что она «противоречит внутренней логике выражения: фразеологические синонимы со значением «бездельничать» в самых разных языках не образуются на основе ассоциаций с полезной, пусть даже и лёгкой, работой. Это внутреннее противоречие подкрепляется и материалом русских диалектов и других славянских языков, где по модели *бить баклуши* созданы аналогичные выражения: *бабки шишать, шемелу бить, шапки шишать, бить шабалу (шебалу, шобалы)*» ... и т.п. [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 41]. Очевидно, что для объяснения значения выражения *бить баклуши* надо искать другие значения слова *баклуша*. Такое значение найдено авторами большого историко-фразеологического словаря. Вот что они пишут: «Структурно-семантическая модель *бить + x = «бездельничать»* показывает, что в её основе лежит игровая мотивировка. В народной речи *баклуша* – «небольшая (около 25-30 см длиной) чурка для игры в городки, которую сбивали другой деревянной палкой – битой». *Бить баклуши*, следовательно, первоначально значило «сбивать битой *баклуши*, т.е. большие городошные чурки». Аналогичную мотивировку имеют приведенные выше диалектные и славянские фразеологизмы, обозначавшие вначале игру в городки, бабки или близкие по мотивировке развлечения. Бабки или городки именно били, т.е. «выбивали» из «города», «кона» и т.п. другими бабками, чурками или чижками. Такие игры вполне логично считались забавой, развлечением, праздным времяпрепровождением и потому стали символом безделья» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 41]. Что сказать? Само выражение *бить баклуши* стало символом безделья. Что же касается игры в городки, то сейчас она мыслится не как «праздное времяпрепровождение», а как отдельный вид спорта, любимая игра в народе. Даже академик Иван Петрович Павлов, будучи уже очень старым, любил на досуге играть в городки. Не могли же про него сказать, что он «бьёт баклуши» в смысле «бездельничает». Надо искать дальше мотивацию

значения *бить баклуши* – «бездельничать». Мне больше импонирует то этимологическое объяснение этого выражения, которое помещено в моём же словаре (наряду с другими объяснениями) – «*Баклуши* – небольшие озёрки; мальчишки в летнее время любят «бить» эти баклуши палками, брызгая друг на друга водой и т.п. Это у взрослых ассоциируется, естественно, с бездельем. Такое значение слова *баклуша* нами было зарегистрировано в Тамбовской, Пензенской и других областях России, а также около города Токмак в Киргизии, где живут выходцы из России и Украины» [Зимин 2012: 84]. В Токмаке я услышал, как одна женщина спросила другую: «А где мой мальчик?». Другая ей ответила: «Да вон он в баклуше вместе с моим». Я обратил внимание, баклушей они называли большую-большую лужу рядом с дорогой, ближе к реке Чу. При таком понимании значения выражения легче объяснить употребление глагола *бить*: ребята именно бьют палками по воде, брызгая друг на друга. Мне осталось добавить, что ребята бьют такие баклуши (лужи) и тогда, когда эти лужи замерзнут: очень интересно, как расходятся по льду трещины от ударов палкой. Последнее объяснение значения выражения *бить баклуши*, думаю, более обосновано как этимологически, так и функционально.

Мы приведём ещё некоторые пословицы и поговорки, требующие разъяснения. Например, *где тонко, там и рвётся*. «Тонко» бывает по разным причинам: от недогляда, от бедности. Чаще от бедности. То, что «тонко» бывает по разным причинам, определяет эмотивный настрой говорящих: если «тонко» по бедности, то говорят с горечью, когда же по недогляду и т.п., то говорят с гневом. Говорят пословицу обычно, когда случается какая-нибудь неприятность. *Двум смертям не бывать, а одной так и так не миновать*. Очень сложная для понимания пословица. Этой пословицей выражают решимость пойти на большой риск в каком-либо серьёзном деле, чреватом опасностями. «Так и так» в пословице иногда опускают. А зря. В пословице говорится не просто, что человеку всё-таки когда-то придётся умереть, а о «смертельном исходе» в обоих случаях – пойдёт человек на риск или не пойдёт. Влас Платонович Жуков в своём словаре написал: *Двум смертям (двух смертей) не бывать, а одной не миновать*. Выделяется два значения. 1. В первом значении нет комментария, а есть лишь иллюстрация, где говорится о фаталисте, который не боится идти на риск. 2. Второе значение понимается так: Рискнём, что бы ни случилось; авось обойдётся, хуже не будет. Говорится о решимости сделать что-либо, связанное с риском, опасностью или с надеждой на то, что

из опасного, рискованного положения будет найден выход. Ср. *семь бед – один ответ, где наше не пропадало*. Надо заметить, что вариант *Двух смертей не бывает* – грамматическая ошибка. Ещё: дело не в том, что «хуже не будет» и «будет найден выход», а в том, что человек вынужден пойти на риск, ибо в данной ситуации есть какие-то шансы на то, чтобы «выжить», а если он не пойдёт на риск, то смерть неизбежна.

Держать нос по ветру. Обычно эту поговорку понимают правильно – «приспосабливаться к обстоятельствам в своём поведении». Я лишь напомню, что в буквальном смысле нос по ветру держит волк, вынюхивая добычу или определяя, с какой стороны ему грозит опасность.

Правильному пониманию пословиц и поговорок часто мешает множественность этимологических объяснений их происхождения. В таком случае разговор о разъяснении значений пословиц и поговорок переходит в другую плоскость – необходимо думать и говорить о верификации этимологических версий происхождения (см. нашу статью: [Зимин 2011: 17-23]). Верификация происхождения фразеологизмов (в данном случае – пословиц и поговорок) основывается на следующих требованиях: выяснить образ, лежащий в основе пословицы или поговорки, если последние появились в языке на метафорической основе. В образе пословицы или поговорки должны содержаться и должны быть указаны признаки, мотивирующие их современное значение. Между внутренней формой пословицы или поговорки и выводным (современным) значением должно устанавливаться смысловое отношение, понятное в настоящее время или вскрываемое этимологическим анализом, если оно забылось и не «просвечивает» в современном состоянии языка.

Приведем некоторые примеры. *Биться как рыба об лёд*. Значение этой поговорки толкуется следующим образом: «О безуспешных стараниях сделать что-либо, добиться чего-либо» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 616; Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 17]. Приводятся две этимологические версии происхождения: 1. Основой выражения является сравнение с пойманными рыбами, брошенными на лёд (изложено Шанским, Зиминим, Филипповым), 2. Выражение возникло на основе уподобления рыбам, которые при длительном покрытии реки льдом страдают от нехватки кислорода и беспокойно бьются об лёд, чтобы проломить его (Эта версия происхождения идиомы впервые была изложена А.С. Спириным). На наш взгляд, надо отдать предпочтение второй версии. В первом толковании (об уподоблении рыбе, выброшенной на лёд) не содержится указания на

длительность усилий, стараний: рыба, выброшенная на лёд, бьётся лишь некоторое время, а потом её мучения кончаются, она «засыпает». В поговорке же говорится о длительных стараниях человека добиться чего-либо с большим трудом, и тут подходит больше образ поведения рыбы, приведенный во втором этимологическом толковании.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день – «выражение разочарования из-за неудачи в каких-либо непредвиденных обстоятельствах». Есть две версии происхождения этого выражения: 1. В осенний Юрьев день (26 ноября по старому стилю) крестьянам разрешалось переходить от одного помещика к другому (за неделю до Юрьева дня и неделю после него). В 1581 году царь Иван IV, временно запретив переход крестьян в Юрьев день, способствовал тем самым прикреплению крестьян к земле помещика. Окончательное закрепление крестьян за определенным помещиком произошло при Борисе Годунове, в 1607 г. Тем самым крестьяне лишились даже минимальной свободы и превратились в крепостных. В этот период и возникла поговорка *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*. 2. В осенний Юрьев день хозяева при расчёте обманывали своих работников; последние надеялись получить что-то за свои труды, а не получали. С этим днём связано и возникновение слова *объегорить* с известным значением «обмануть»: Юрий, Егорий, Георгий – это варианты одного имени. Возможно, эти две версии происхождения данной поговорки наслаивались друг на друга. Мы больше верим второму варианту этимологии данного выражения: обманывание помещиками и другими богатеями своих работников при расчёте, надо думать, было распространено гораздо больше, чем переход крестьян от одного помещика к другому: хороших помещиков было немного, земля кормила крестьян. Вторую версию происхождения данной поговорки убедительно поддерживает слово *объегорить* с чёткой семантикой «обмануть», что подкрепляет правомерность второй этимологической версии. *К шапочному разбору* (придти). Есть несколько объяснений, высказанных в опубликованных работах и неоднократно услышанных мной в народе. Значение этого выражения – «придти куда-либо слишком поздно, когда всё уже кончилось». Одно предположение [Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 61]: «...Прийти к кому-нибудь в гости к тому времени, когда все уже разбирают шапки, собираясь уходить». Другое предположение [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 589]: «По древнегреческому обычаю при входе в помещение или в церковь мужчины снимали шапки и складывали их у входа. Каждая сходка, собрание заканчивалась разбором шапок.

Опоздавший приходил к разбору шапок, т.е. к концу». Надо решительно склониться ко второму предположению. В данном выражении употреблено слово *разбор*. Значение этого слова, произошедшего от глагола *разобрать*, обязательно предполагает множество шапок. В первом предположении такое множество не обязательно предполагается: сколько человек может прийти в гости к кому-либо? Второе же предположение, в котором говорится о приходе в церковь, обязательно предполагает множество людей (и соответственно шапок у мужчин). Важно ещё то, что мужчины в церкви должны находиться без шапок. Вот они и оставляли шапки при входе, а когда уходили, то разбирали их. А самое главное, что выражение *к шапочному разбору* имеет оценочную коннотацию – «это плохо». Почему плохо? Потому что опаздывать, а тем более приходиться к концу службы в церкви – это грех.

Во многих пословицах и поговорках для полного и хорошего понимания их, необходимо правильно понять всего лишь какую-нибудь маленькую деталь, какой-нибудь оттенок значения (см. тж.: [Волкова, Федуленкова 2017: 514]). Например, поговорку *битый час* авторы «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова трактуют так: «Очень долго. О потраченном времени на что-либо». Долго – понятие растяжимое, оно включает в себя часы и годы. Смысл этой поговорки лучше понимать как «никак не менее часа». Ранее в сёлах время отбивали в колокол специальные сторожа. Время от одного сигнала до второго и называли «битый час». В трактовке значения этого выражения А.И. Молотковым «Очень долго. О потраченном времени на что-либо» надо исправить маленькую деталь: в поговорке говорится не просто о потраченном времени, а о зря потраченном времени. На полезную затрату времени люди не досадуют. Ещё пример – *Будто в воду глядел* – «в точности сбылось предсказание кого-либо». Во «Фразеологическом словаре...» под редакцией А.И. Молоткова – «(будто) знал заранее». Не знал заранее, а предугадал: если знать заранее, зачем же гадать. А эта поговорка основана на гадании: гадалка смотрит в чашу с водой и предсказывает судьбу, будущее и пр. *Был конь, да изъездился (да заезжен)*. В этой поговорке трудно определить круг применимости. В.П. Жуков говорит, что это «о ком-либо утратившем свои былые достоинства, потерявшем своё былое значение, влияние, вес и т.п.» Я с этим не согласен: дело не в значении и весе, тем более не в достоинстве человека, а в том, что человек надорвал себя на непосильной работе, утратил своё здоровье на тяжелой работе.

Скажем немного о пословице *Весной день долог, а нитка коротка*. Эта пословица в настоящее время понимается не без труда. В ней говорится о крестьянском труде. Русские люди всё делали по сезонам, весной и летом больше работали в поле, а зимой пряли (*нитка*), ткали и т.п. Но если кто-то весной начинал прясть, ему не было времени, надо было другие дела делать.

Я чувствую, что пора мне кончать свои размышления. Думаю, что они будут полезны всем, кто хочет говорить паремиологически грамотно и красиво. В самом конце напомним лишь две основные пословицы – *Всё хорошо, что хорошо кончается* и *Конец – делу венец*.

Библиография

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под редакцией В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.

Волкова Е.Ю., Федуленкова Т.Н. Фразеологическая единица как воплощение лингвокультурологической информации // Военно-гуманитарный альманах: Лингвистика. Язык. Коммуникация. Перевод: Материалы XI Международ. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации 30 июня 2017 г. – Вып. 2. – Т. 2. – М.: ВУ, 2017. – С. 514-521.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Том IV. Р–Я. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М., 2000. – 544 с.

Зимин В.И. Проблема верификации гипотез происхождения фразеологизмов // Фразеология. Вчера, сегодня, завтра / Межвузовский сборник научных трудов в честь 70-летия доктора филологических наук, профессора В.Т. Бондаренко. – Тула. 2011. – С. 17-23.

Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 729 с.

Мелерович А.М. Смысловая структура пословиц // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. – М., 1998. Т. 1. – С. 275-277.

Обдуллаев А.Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. – Ургенч. 1996. – 96 с.

Федуленкова Т.Н. Фразеологическая компрессия (на материале современного английского языка) / Моск. пед. гос. ун-т, М., 2001. – 32 с. – Рук. деп. в ИНИОН РАН от 27.08.02 № 57414.

Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / Под редакцией А.И. Молоткова. Составители: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров. М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1987. – 543 с.

Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Рус. яз., 1987. – 240 с.

Глава 3

СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА ВЕК НЕ СЛОМИТСЯ: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЛОВИЦ

Е. В. Иванова

Пословицы как языковые знаки сложной структуры оказались богатным материалом для исследования с позиций современных направлений языкознания – когнитивной лингвистики и лингвокультурологии как одной из ее разновидностей. Об этом свидетельствуют появившиеся за последние пятнадцать лет многочисленные работы, посвященные анализу отдельных фрагментов пословичных картин мира и разнообразных пословичных концептов, сопоставлению восприятия мира, отраженному в пословицах различных языков, описанию культурно значимых компонентов в составе пословиц, разработке методов моделирования концептов и прототипов на основе пословичного материала и пр. (См., например, работы А.А. Бутиной 2012, Е.В. Ивановой 2002, 2015, А.М. Мелерович 1998, 2007, Е.В. Ничипорчик 2016, В.В. Тепкеевой 2016, Т.Н. Федуленковой 2000, 2004, 2006 и др.).

Пословицы являются знаками ситуаций. Существование пословиц на протяжении нескольких сотен лет, а иногда и тысячелетий, свидетельствует о том, что принципиально новых ситуаций нет [Барли 1984: 133]. Пословицы являются своего рода трафаретами (Там же: 133), помогающими человеку ориентироваться в социально-культурном пространстве, дающими ему возможность снять с себя ответственность за принимаемое решение и «поступать так, как люди» [Carnes 1994: 475; Cram 1994: 86].

Как отмечает Г.Л. Пермяков, пословицы не просто используются как знаки разнообразных житейских ситуаций, а моделируют типовые ситуации [Пермяков 1975: 251]. Действительно, осуществляя знаковую функцию по отношению к конкретной ситуации, пословица одновременно определяет основные компоненты ситуации и характер отношения между ними, т.е. выступает как средство моделирования некоего фрагмента знания. Например:

Do you remember when I carried you fainting in my arms into the King's Arms in Casterbridge? Every dog has his day: that was mine (Hardy).

Напоминая героине о некотором событии в прошлом, герой, не вдаваясь в описание своих чувств в той ситуации, относит ее с помощью пословицы к определенному типу и тем самым квалифицирует как счастливую для себя, дополнительно уточняя это с помощью последнего предложения.

С позиций современной когнитивной лингвистики, использование пословиц свидетельствует о существовании стереотипных когнитивных структур в памяти человека, которые помогают ему обрабатывать новую информацию и обуславливают определенную «стереотипизацию» мышления. Человек прибегает к известному знанию для того, чтобы упорядочить и классифицировать новое знание. В ход идет проведение сопоставления как одной из основных операций мышления [Щедровицкий 1995: 45], подгон полученной информации под известный шаблон.

Возникает закономерный вопрос, почему в таком случае в современном обществе пословицы используются так мало. Исследования, проводимые учеными разных стран, показывают плохое знание пословиц, причем не только молодежью, но и людьми старшего поколения [Mieder 1994: 302-303]. Отчасти подобные результаты обусловлены значительными расхождениями между объемом пословичного корпуса, представленного в словарях, и количеством пословиц, находящихся в активном употреблении. В словари пословиц традиционно включается материал, зафиксированный в предшествующих лексикографических источниках, но давно вышедший из употребления, а, возможно, никогда широко и не использовавшийся. Этот в значительной степени пассивный пословичный фонд является бесценным материалом для реконструкции фрагментов пословичных картин мира, пословичных концептов и прототипов, поскольку в нем находят отражение устойчивые, воспроизводимые на протяжении длительного времени особенности менталитета народа и интерпретации им окружающего мира. В то же время, контрастируя с небольшим количеством реально используемых пословиц, этот объемный пословичный корпус еще более усиливает восприятие их числа как незначительного.

Однако пословицы в наши дни действительно используются весьма ограниченно, хотя трудно предположить, что для современного человека знание шаблонных ситуаций и наиболее рационального выхода из них играет меньшую роль, чем для предшествующих поколений. В этом отношении интересно обратить внимание на такое явление, как антипословицы.

Антипословицы образуются на основе модификации традиционной пословицы (подробнее о способах образования антипословиц см.: [Иванова 2015: 74-76]. Антипословицы «бросают вызов» традиционному пословичному описанию миропорядка, часто высмеивают его, «модернизируют» или оспаривают. Если использование пословиц связано со стремлением человека спрятаться за авторитетом большинства, сообразовать свои поступки с тем, как принято в обществе, что особенно характерно для крестьянской среды, то использование антипословиц, наоборот, обусловлено желанием выделиться, быть непохожим на других, заявить о собственном «я».

Например, на основе пословицы *Opportunity never knocks twice at any man's door* возникают антипословицы:

Fortune knocks but once at any man's door, but misfortune has much more patience;

Opportunity always knocks at the last opportune moment;

Opportunity knocks but once, and the neighbours the rest of the time.

В данных антипословицах сохраняется главная мысль традиционной пословицы о том, что счастливая возможность подворачивается человеку не так уж часто. Одновременно указанная ситуация дополняется целым рядом конкретизирующих ее нюансов: противопоставлением редкого счастья и часто стучащейся в дверь беды, несвоевременностью появления благоприятной возможности, редкостью этой возможности по сравнению с мелкими и несносными неурядицами, которые в последней антипословице ассоциируются с соседями.

Другие антипословицы более радикально меняют и опровергают смысл традиционных пословиц, на основе которых они образованы.

Money doesn't buy happiness – but it's nice to find it out for yourself (<Money doesn't buy happiness);

Don't do today what you can put off until tomorrow (<Never put off till tomorrow what you can do today);

To err is human, but only when we make a mistake (<To err is human);

All is fear in love and war (<All is fair in love and war).

Современный человек создает себе новые трафареты, уточняя старые истины и приспособляя их к меняющейся жизни. Можно предположить, что образование антипословиц является органическим продолжением явления, получившего название «crossing of proverbs», которое привело к образованию большого количества пословиц-антонимов. «Crossing of

proverbs» – это издавна действующая в пословичном фонде тенденция создавать новые пословицы, противоречащие уже существующим. При этом пословицы не столько противоречат друг другу, сколько позволяют взглянуть на одну и ту же ситуацию под разным углом зрения, как это происходит и при образовании антипословиц.

Отдельные антипословицы получают широкое распространение, входят в повседневный языковой узуз современного общества наряду с новыми, недавно образованными, хотя и немногочисленными пословицами, как, например, *It takes two to tango*, *Different strokes for different folks*, появившимися во второй половине двадцатого века [Mieder 1994: 306]. Данный процесс можно рассматривать как естественный ход развития пословичного фонда, пополнение его как новыми пословичными единицами, так и единицами с «антипословичным прошлым». С другой стороны, в сознании современного человека существуют трафаретные или стереотипные когнитивные структуры, связанные с иными языковыми образованиями, например, слоганами или прецедентными текстами [Mieder 1994: 306]. Таким образом, исследование пословиц в их реальном современном употреблении ограничено из-за низкой частотности этого употребления, что отнюдь не умаляет значимость пословичного материала для лингвистических исследований, а просто придает им другую направленность.

Как известно, существуют разные взгляды на определение языковой природы пословиц, принципы разграничения пословиц и поговорок, дифференциальные признаки пословиц и многие другие характеристики пословичного знака [Кунин 1970: 194-211, Федуленкова 2001]. Например, мнения ученых расходятся в отношении того, является ли метафоричность дифференциальным или просто характерным, но далеко не обязательным признаком пословицы. Так, Н. Барли считает пословицами только метафорические клишированные предложения, а единицы, имеющие прямой обобщенный смысл, относит к максима́м [Барли 1984: 129-130]. Аналогичной точки зрения придерживается К. Янка [Yankah 1994: 139], а также отечественные исследователи В.П. Жуков, З.К. Тарланов, Л.И. Швыдка́я, А.И. Гаевая, Т.Н. Федуленкова, рассматривающие образность, переносный смысл (следовательно, метафоричность) как обязательный признак пословицы [Жуков 1991: 11-12; Тарланов 1993: 167, 174; Швыдка́я 1973: 6; Гаевая 1990: 7; Федуленкова 2001: 3; Fedulenkova 2003: 14]. Другие исследователи: П. Гржибек, Д. Крэм, П. Карнес,

А. Крикманн, В. Мидер, Дж. Обелкевич – полагают, что метафора – характерная, но не непременная черта пословицы [Cram 1994: 79; Carnes 1994: 478; Grzybek 1994: 51; Krikmann 1974: 36; Mieder 1993: 10; Obelkevich 1994: 213].

В связи с этим необходимо отметить, что как метафорические, так и неметафорические клишированные предложения, традиционно включаемые в словари пословиц, обладают дидактической функцией, выступают в качестве знака трафаретной ситуации и предлагают стратегию действия в такой ситуации, что дает достаточное основание говорить о существовании пословиц-максим и пословиц-метафор. Однако, безусловно, наибольший интерес для анализа представляют пословицы-метафоры.

Пословицная метафора характеризуется вариативностью. Например, в пословице *Look before you leap* ключевым компонентом, образующим своеобразный фокус метафорической интерпретации ситуации, является глагол *leap*. Это особенно хорошо видно при сравнении данной пословицы с ее неметафорическим толкованием: *Be careful when taking a risky decision*. Глагол *leap* передает опасность и рискованность планируемого действия через представление о необратимом и стремительном перемещении через горизонтальную пустоту с риском упасть в нее и подвергнуть свою жизнь и здоровье опасности, или же о таком же стремительном перемещении вниз с неопределенной перспективой благополучного приземления. Подобные визуальные «картинки» и ассоциации могут возникать в сознании коммуникантов и являются следствием заключенных в пословицном знаке образности и экспрессивности. Ничего подобного не происходит при употреблении неметафорического пословицкого толкования-рекомендации.

При этом вряд ли можно говорить о независимом от всей ситуации метафорическом переосмыслении глагола *leap*. С позиций современной когнитивной лингвистики перед нами две ситуации, образующие два фрейма: ситуация с прыжком и ситуация с неким рискованным действием, характер которого варьируется в зависимости от конкретного употребления пословицы. Одна ситуация видится и интерпретируется через другую, то же самое происходит и с двумя сценариями действий, рекомендующими быть осторожным при прыжке и быть осторожным при таящем в себе опасности действии. Налицо соотнесение двух ситуаций и реализация метафоры.

В отечественной лингвистике существует традиция рассматривать фразеологические словосочетания типа *husband's tea*, *куриная память* и

фразеологические предложения типа *На сердитых воду возят* как образования, в которых часть компонентов использована в прямом, а часть – в переносном значении [Амосова 1963: 60-72); Жуков 1991: 11-12; Проблемы фразеологической...1996: 27]. Подобная точка зрения основана на анализе языковых единиц в статике и исходит из того, что их компоненты передают денотативное значение непосредственно, распределяя его между собой. При этом одни компоненты использованы в своих вторичных, свойственных только употреблению в составе этих единиц значениях, а другие – в прямых значениях.

Если же рассматривать процесс образования в динамике, во взаимодействии всех семантических (когнитивных) компонентов, то вряд ли можно предположить, что, например, компонент «куриная» переосмыслялся сам по себе, без опоры на семантику компонента «память». В данном случае воспользуемся двойной терминологией – «семантический» / «когнитивный», поскольку речь идет о традициях, сложившихся до широкого распространения когнитивной лингвистики, и поскольку все, что будет сказано далее, имеет отношение и к семантическому, и к когнитивному анализу. В процессе образования фразеологической единицы задействованы оба компонента, но в итоге этого процесса переосмысленным видится только один. Однако без участия второго компонента переосмысление вряд ли произошло бы. То же самое можно сказать и о пословично-поговорочной, в терминологии В.П. Жукова, единице *На сердитых воду возят*. Часть *воду возят* не может участвовать в метафоре сама по себе, без предшествующей части.

Во всех случаях в процессе образования новой единицы задействована семантика всех составляющих, но в итоге один (или более) компонент входит одновременно в содержательный план (когнитивный уровень) значения и внутренней формы в неизменном виде, а другому (или другим) компоненту внутренней формы соответствует иной (или иные), полученный в ходе этого процесса компонент значения фразеологического словосочетания или пословицы. Принципиально важным является то, что весь содержательный план внутренней формы соотнесен с содержательным планом значения. Данные уточнения являются важными для проведения исследований, связанных с моделированием процесса образования пословицы (или фразеологического словосочетания),

В то же время, как и всегда при анализе сложных языковых процессов, можно говорить и о действии обратной тенденции: при повторе

направления метафорического осмысления похожих ситуаций происходит образование устойчивых ассоциативных связей между отдельными компонентами внутренней формы пословицы и ее денотативного значения. Об этом, в частности, пишет А. Крикманн [Krikmann 1974: 29-30].

Таким образом, в семантическом (когнитивном) пространстве пословицы, с одной стороны, существует отношение в целом между внутренней формой и значением, с другой стороны, могут существовать устойчивые ассоциативные связи между компонентами внутренней формы и компонентами значения. Это оказывается важным при моделировании пословичных концептов и прототипов, о чем речь пойдет ниже.

Помимо метафорических пословиц с пересечением или частичным наложением внутренней формы и денотативного значения, или, с позиций когнитивной лингвистики, когнитивных уровней значения и внутренней формы, существуют пословицы с отсутствием подобного пересечения.

Например, в метафорической пословице *The cat shuts its eyes while it steals cream* представлены две соотнесенные друг другом ситуации: ситуация с притворщицей-кошкой, тайком ворующей сливки, и ситуацией с лицемерным человеком, совершающим неблагоприятные поступки под маской добропорядочности. Обе ситуации характеризуются одинаковым уровнем конкретности, одна видится через другую. Пословиц, в которых различные стороны жизни человека воспринимаются через ситуации-сцены с домашними и дикими животными, много в любом языке. Можно смело сказать, что это универсальная характеристика пословичных фондов, обусловленная тем, что, как отмечает В.М. Мокиенко, человек с древних времен жил в тесном взаимодействии с животным миром [Мокиенко 1975: 74].

Помимо ситуаций с животными во внутренней форме метафорических пословиц представлены разнообразные иные ситуации, связанные, например, с предметами, явлениями природы или веществами. Так, пословицы *Remove an old tree and it will wither to death*, *Great winds blow upon high hills*, *Walls have ears*, *Soft wax will take any impression* через ситуации с пересадкой дерева, сильными ветрами на холмах, подслушивающими стенами или мягким воском описывают соответственно ситуации, связанные с неблагоприятными последствиями переселения старого человека на новое место, опасностями, сопряженными с высоким положением в обществе, с потенциальной возможностью нежелательной огласки сказанных слов или податливостью в воспитании маленьких детей.

Важным является то, что ситуации, соотнесенные с внутренней формой и значением данных метафорических пословиц, находятся на одинаковом уровне конкретности.

По-иному обстоит дело с другими пословицами-метафорами. Рассмотрим следующую группу пословиц, повествующих о постепенном выполнении дел:

Feather by feather the goose is plucked;
Feather by feather birds build their nests;
Grain by grain and the hen fills her belly.

Значение данных пословиц можно описать как *(Important) things are done gradually*. Знание, которое представлено на когнитивном уровне значения, носит гораздо более абстрактный и обобщенный характер, нежели знание, закрепленное на когнитивном уровне внутренней формы. Фактически, конкретная ситуация внутренней формы является иллюстрацией ситуации, соотнесенной со значением. Отношения между ними можно описать следующим образом:

(Important) things are done gradually, for example, feather by feather the goose is plucked;

(Important) things are done gradually, for example, feather by feather birds build their nests;

(Important) things are done gradually, for example, grain by grain and the hen fills her belly.

Между значением и внутренней формой можно явно проследить родовидовые (гипер-гипонимические) отношения, которые, кроме того, можно рассматривать и как отношения общего и частного. В то же время здесь явно присутствует метафора: одна ситуация воспринимается через другую, абстрактная – через конкретную, т.е. перед нами один из четырех видов универсальной метафоры [Гак 1988: 11]. Через конкретное, «наглядное» знание, присутствующее на когнитивном уровне внутренней формы, воспринимается абстрактное, обобщающее знание, содержащееся на когнитивном уровне значения. Происходит одновременное восприятие двух типов знания, что и порождает образность пословицы. Подобный характер семантического взаимодействия двух планов, создающего образность, не свойственен языковым знакам, в основе образования которых лежат гипер-гипонимические отношения.

Приведем еще группу примеров:

Never look a gift horse in the mouth > Never question the value of a present, for example, never look a gift horse in the mouth;

A crust is better than no bread > Better something imperfect than nothing, for example, a crust is better than no bread;

No garden without its weeds > Nothing is perfect, for example, there is no garden without weeds;

No rose without a thorn > Nothing is perfect, for example, every rose has a thorn.

В русском языке встречаем аналогичные примеры:

Что с возу упало, то пропало > Не вернуть того, что потеряно, например, что с возу упало, то пропало;

То пропало, что в море упало > Не вернуть того, что потеряно, например, то пропало, что в море упало.

Метафора подобного типа была названа аллегорической метафорой, поскольку в ней имеет место обозначение общего через частное [Иванова 2002: 42]. Ее также можно было бы назвать гипер-гипонимической метафорой. Этот тип метафоры очень распространен в пословичном корпусе, по крайней мере, в пословичных фондах английского и русского языков. Для этой метафоры характерно образование синонимических рядов (см. тж.: [Федуленкова 1997: 44-46]), подобных вышеприведенным рядам с инвариантным значением, выражающим постепенность выполнения (важных) дел, пословиц о несовершенстве всего в мире или русских пословиц о невозвратной утрате потерянного. Пословицы с такой метафорой также являются ярким подтверждением того, что между языковыми явлениями нет резких границ, что существует большое количество языковых единиц, совмещающих в себе характеристики двух языковых явлений и занимающих промежуточное положение между ними.

Благодаря метафорическим пословицам, в пословичной картине мира оказываются представленными не только концепты абстрактных сущностей, но и многочисленные концепты и прототипы конкретных объектов, например, лошади [Иванова 2002], кошки и собаки [Бутина 2012], птиц [Москаленко 2015], которые можно для краткости условно назвать конкретными или предметными концептами. Конкретные концепты не менее интересны для анализа, чем концепты любви, правды или работы, поскольку в них также отражается общее и национально-специфичное видение объекта. И это тем более интересно, что сам объект является

осязаемым, наглядным и, по сути, одинаковым у разных народов. Но вот видят и интерпретируют его в пословицах они по-разному.

Рассмотрим в качестве примеров пословичные концепты WOLF и ВОЛК. Под концептом будем понимать, вслед за В.Н. Телия, все знание об объекте [Телия 1996: 96], которое в данном случае извлекается из анализа семантики пословиц, т.е. из анализа содержательного пространства пословиц с указанными компонентами, образованного их значениями и внутренней формой. Не вдаваясь в анализ всего многообразия трактовок понятия «концепт», которое существует на сегодняшний день в лингвистике, подчеркнем, однако, что в данном случае речь идет о моделировании концепта, репрезентированного языковыми единицами в парадигматике. Эти единицы в основном просуществовали не одно столетие и отражают мировосприятие социума, слагающегося из множества поколений. Если бы задача заключалась в описании концептов, присущих сознанию современного языкового сообщества, ее было бы невозможно реализовать только на материале пословиц ввиду их малого употребления. Хотя здесь следует сделать оговорку, что все зависит от понимания понятия «концепт» исследователем. Таким образом, моделируемые концепты WOLF и ВОЛК имеют множественную репрезентацию в языке, которая, однако, в данном случае ограничена пословичным корпусом. Более полное описание концептов предполагает анализ всех репрезентирующих их языковых единиц – фразеологических словосочетаний, производных слов, лексико-семантических вариантов слов.

Для моделирования и сопоставления концептов воспользуемся понятием когнитемы. Данное понятие было введено в научный аппарат исследования в силу необходимости в едином подходе к описанию знания, хранящегося в значении и внутренней форме пословиц [Иванова 2002: 57]. Когнитема определяется как пропозициональная единица знания, функционально значимая для описания фрагмента пословичной картины мира, пословичного концепта и прототипа (Там же). В дальнейшем использование этой единицы анализа было распространено на изучение других по структуре языковых знаков (фразеологических словосочетаний, производных слов), была произведена классификация различных типов и видов когнитем (см. работы Е.В. Ивановой 2015, А.А. Бутиной 2012, В.В. Подгорной 2016, О.Н. Мужиковой 2016, В.А. Бруквиной 2016). Однако в данном случае воспользуемся самым общим определением когнитемы.

Анализ пословиц с компонентами *wolf/волк* позволяет обнаружить большое количество одинаковых когнитивных. Так, например, в обоих языках концепт волка соотносится с концептом *овцы*. В английских пословицах выделяются когнитивы “a wolf is dangerous for a sheep” (*The lone sheep is in danger of the wolf; 'Tis a silly sheep that makes the wolf her confessor*), “a wolf eats a sheep” (*The wolf eats counted sheep; If men become sheep the wolf will devour them*).

В русских пословицах – когнитивы «волк опасен для овцы» (*Волк и со счету овец крадет*), «волк плох для овцы» (*Плохо овцам, где волк воевода*), «волк ест овцу» (*И волки сыты, и овцы целы; Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел*).

И английский, и русский пословичные волки живут в лесу: в пословицах выделяются когнитивы “a wolf lives in a wood” (*Hunger drives the wolf out of the wood*), «волк живет в лесу» (*Сколько волка ни корми, всё равно в лес смотрит; Волков бояться – в лес не ходить*).

Пословичные волки воют: “a wolf howls” (*Who keeps company with the wolf will learn to howl*), «волк воет» (*С волками жить – по-волчьи выть*).

В обоих языках концепт волка связан с концептом человека, в пословицах присутствуют когнитивы “a man is like a wolf”, “an aggressive man is like a wolf”, «человек похож на волка», «агрессивный человек похож на волка». (В данном случае обнаруживается непосредственная ассоциативная связь между компонентом внутренней формы и компонентом значения).

Вместе с тем в русских пословицах концепт волка соотносится с концептами кобылы, коня, козы, зайца, реконструируются когнитивы, не встречающиеся в английских, например, «волк опасен для кобылы», «волк ест кобылу» (*Кобыла с волком тягалась, только хвост да грива осталась; Кобыла с волком мирилась, да домой не воротилась*).

Присутствует характеристика цвета: «волк серого цвета» (*Волк каждый год линяет, а все сер бывает*). Представление о сером волке является устойчивой чертой русского фольклора.

В целом, «портрет» волка в русской пословичном фонде более подробный, чем в английском: концепт ВОЛК складывается из большего числа когнитивов, чем концепт WOLF. Такая более детализированная репрезентация большинства концептов в целом свойственна русскому пословичному корпусу [Иванова 2002: 144]. Значительное сходство английских и русских когнитивов, а также пословиц обусловлено сходством

социально-исторического и культурного опыта двух народов, что привело к образованию похожих пословиц или к заимствованию одной и той же пословицы из третьего языка, например, из латыни, или к возникновению пословиц на основе одних и тех же библейских текстов (см. тж.: [Федуленкова 2012: 163; 2014]).

Когнитема является не только единицей анализа, но также и его целью. С одной стороны, введение этого понятия в научный аппарат исследования позволяет подойти с «единой меркой» ко всему содержательному пространству пословицы, связанному как с ее значением, так и внутренней формой, выделить отдельные компоненты знания, на основе которых возможно моделировать пословичные концепты, прототипы и фрагменты пословичных картин мира. При этом в когнитивный анализ, помимо пословиц, могут быть инкорпорированы иные по своей структуре номинативные единицы – фразеологические словосочетания, производные слова, лексико-семантические варианты слова. Когнитема обеспечивает единство подхода к содержательному (когнитивному) пространству разноструктурных единиц и дает возможность моделировать ментальные конструкторы, репрезентированные этими единицами. Она обеспечивает переход от семантики языковых знаков в концептуальную или же когнитивную плоскость, соотнесенную с данными знаками.

С другой стороны, зафиксированные в когнитемах компоненты знания, отражают важные для социума мельчайшие концептуальные элементы, из которых и складывается представленная в языке картина мира. Когнитемы могут пересекаться друг с другом, быть частью более обобщенной когнитемы, они могут быть выраженными эксплицитно или имплицитными, могут быть базовыми, выводными или интерпретативными, кластерными, видовыми, этимологическими и пр. (См. ссылки на указанные выше работы). Известный произвол исследователя при их выделении неизбежен, но он не представляется большим, чем, например, при выделении сем.

Завершая рассмотрение некоторых направлений изучения пословиц, необходимо сказать, что эти столь богатые по содержанию языковые знаки, каждый из которых является небольшой, но многоплановой «картинкой фрагмента мира», еще таят в себе много нерешенных загадок не для одного поколения исследователей. Можно не сомневаться в том, что пословицы, просуществовавшие в языке и культуре народов столь длительное время,

продолжат в них свою жизнь и дальше, в полном соответствии с вынесенной в заголовок данной главы пословицей.

Библиография

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.

Барли Н. Структурный подход к пословице и максиме // Паремнологические исследования. Сб. статей / Под ред. Г.Л. Пермякова – М.: Наука, 1984. – С. 127-148.

Бруквина В.А. Концепты животных и птиц в языковой картине мира (на материале нестандартной лексики английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2016. – 21 с.

Бутина А.А. Концепты CAT и DOG в английской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2012. – 22 с.

Гаевая А.И. Структурно-семантическая характеристика пословиц качественной оценки лица современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 15 с.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.

Жуков В.П. Предисловие к Словарю русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1991. – С. 9-21.

Иванова Е.В. Пословичные картины мира. – СПб: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. – 160 с.

Иванова Е.В. Интерпретация мира в языке: Избранные работы. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. – 90 с.

Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970. – 344 с.

Мелерович А.М. Роль структурно-семантических моделей фразеологических единиц в категоризации и концептуализации действительности // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, 21-25 сентября 2007 г. – Варна, 2007.

Мелерович А.М. Смысловая структура пословиц // Семантика языковых единиц. Докл. VI Межд. конф. – М., 1998. Т. 1. – С. 275-277.

Мокиенко В.М. В глубь поговорки. – М.: Просвещение, 1975. – 174 с.

Москаленко А.В. Концепт «Птица» в английской фразеологической картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2015. – 22 с.

Мужикова О.Н. Концепты цвета в картине мира английского сленга: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2016. – 21 с.

Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Минск, 2016. – 48 с.

Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей / Сост. Е.М. Мелетинский, Е.Ю. Нехлюдов. – М: Наука, 1975. – С. 247-274.

Подгорная В.В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2016. – 21 с.

Проблемы фразеологической семантики / Отв. ред. Г.А. Лилич. – СПб.: Изд. СПбГУ, 1996. – 173 с.

Тарланов З.К. Язык. Этнос. Время. – Петрозаводск, 1993. – 221 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. – М.: Яз. рус. культ., 1996. – 288 с.

Тепкеева В.В. Концептосфера “Love-Marriage” в английской фразеологической картине мира: АКД. – СПб, 2016. – 24 с.

Федуленкова Т.Н. Английская фразеология: Курс лекций. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. – 132 с.

Федуленкова Т.Н. Изоморфные и алломорфные отношения английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2004. – 158 с.

Федуленкова Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учеб. пособие. – М.: ИД АЕ, 2014. – 148 с.

Федуленкова Т.Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2006. – 196 с.

Федуленкова Т.Н. Синонимия в пословицах // Романо-германские лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков: М-лы Международ. конф. – Ч. 2. – Томск: ТГПУ, 1997. – С. 44-46.

Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. – М.: ИД АЕ, 2012. – 220 с.

Федуленкова Т.Н. Фразеологическая компрессия (на материале современного английского языка) / Моск. пед. гос. ун-т, М., 2001. – 32 с. – Рук. деп. в ИНИОН РАН от 27.08.02 № 57414.

Швыдкая Л.И. Синонимия пословиц и афоризмов в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1973. – 24 с.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – 800 с.

Carnes P. The fable and the proverb. Intertext and reception // Wise words. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder. – N.Y.: Garland Publishing, 1994. – P. 467-493.

Cram D. The linguistic status of the proverb // Wise words. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder. – N.Y.: Garland Publishing, 1994. – P. 73-97.

Grzybek P. Foundations of semiotic proverb study // Wise words. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder. – N.Y.: Garland Publishing, 1994. – P. 31-71.

Krikmann A. On denotative indefiniteness of proverbs. – Tallinn: Academy of Sciences of the Estonian SSR, 1974. – 48 p.

Mieder W. Proverbs are never out of season: popular wisdom in the modern age. – N.Y. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – 284 p.

Mieder W. Paremiological minimum and cultural literacy // Wise words. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder – N.Y.: Garland Publishing, 1994. – P. 297-316.

Obelkevich J. Proverbs and social history // Wise words. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder. – N.Y.: Garland Publishing, 1994. – P. 211-252.

Yankah K. Do proverbs contradict? // Wise words. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder – N.Y.: Garland Publishing, 1994. – P.127-142.

Словари

The Penguin dictionary of proverbs / Ed. by R. Fergusson. – L.: Penguin Books Ltd, 1995. – 331 p.

Mieder W., Litovkina A.T. Twisted wisdom. Modern anti-proverbs. – Vermont: The University of Vermont, 2002. – 254 p.

Даль В.И. Пословицы русского народа. – СПб: «Диамант», 1996. – 1200 с.

Другие источники материала

Hardy T. Far from the madding crowd. – L.: Peng. Books Ltd, 1994. – 374 p.

Глава 4

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ ПОСЛОВИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ С КОСТЮМНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ)³

М. Л. Ковшова

1. Введение. Костюмные образы в пословицах. В пословицах, образная семантика которых формируется с помощью костюмных компонентов, последние обычно находятся в структурной позиции «выдвижения», если воспользоваться терминологией И.В. Арнольд [Арнольд 1978: 24]. Ср.: *По платью встречают, а по уму провожают* [Даль 1957: 698]; *Рубище не дурак, а золото не мудрец* [Даль 1957: 95]; *Сапог лаптю не чета* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 783]; *В чужом платье не покрасоваться* [Даль 1957: 615]. Значимость костюмного кода в пословицах как конденсаторах национальной культуры обусловлена самой значимостью одежды в истории, ее окультуренного выбора – костюма, отвечающего обычаям и требованиям в ту или иную эпоху в том или ином этнокультурном социуме для той или иной ситуации. Одежда погружена в быт, но «быт – это не только жизнь вещей, это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон» [Лотман 1994: 12]. Одежда относится к тем универсальным реалиям, которые преодолевают свое прямое назначение и получают свое осмысление в духовных областях культуры – истории, фольклоре, религии, философии, литературе, искусстве. Исследование традиционной культуры связано с таким феноменом, как народный костюм [Ефимова 1989]; способы создания, модели народного костюма являются фактами быта, материальной культуры и необходимой частью «культурного текста» [Толстой 1995]. В одежде, ее предметах и деталях находят свое воплощение выделенные в культуре ценностные смыслы пользы, защиты, соответствия, социальной

³ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

значимости, красоты, величия, уникальности, обновления; костюмный код культуры дает ключ к пониманию мировоззрения народа [Ковшова 2015].

Костюмные образы в пословицах являются наиболее естественной формой для выражения прескрипций и установок культуры. В будни и в праздники, в быту и в труде, в соблюдении обычаев и обрядов, ритуалов главенствовала одежда; народный костюм наделен многомерной культурной семантикой, обогащен мистическим, религиозным, символическим содержанием. Выбор одежды всегда соотносится с представлениями, организованными в кодекс отношений и ценностей. В пословицах содержатся присущие этнической ментальности «когнитивные схемы» осмысления всего происходящего в мире и его означивания. В силу основных функций, нравоучительной и превентивной, пословицы усиливают выражение ценностно значимых смыслов, заостряют их в императивной форме приказов и предупреждений; ср.: *Береги платье снову, а честь смолоду* [Даль 1957: 306]; *Продай кафтан да купи буквицу* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 403]; *Купи шубу шитую, а избу крытую* (то есть суди по результату) [Даль 1957: 586]; *Не осуди в лаптях, сапоги в саях* (говорит гость шутя) [Даль 1957: 91]. Оценка внешних качеств человека, его характера, поведения, образа жизни, достатка, вкусов и привычек в народной культуре часто опирается на костюмные характеристики; ср.: *Житье скупое – платье носит худое* [Даль 1957: 109]; *У неряхи да непряхи нет и путной рубахи* [Даль 1957: 487]. Основная тема в пословицах, для описания которой используются костюмные образы, это тема бедности. Одежда, как и еда, есть условие существования человека; отсутствие необходимой одежды, ее количество, изношенность означают в образах пословиц бедность, нищету. Наличие, как и отсутствие, одежды отождествляется, по стереотипным представлениям, с имущественным состоянием человека. Если создать семантическую шкалу, оценивающую данное состояние, то на середине шкалы, в нулевой позиции нормы, помещается отметка «наличие одежды», фиксирующая естественную потребность человека. В левой, отрицательной, стороне шкалы предельную позицию занимает отметка «отсутствие одежды», такое состояние дел понимается как знак бедности. Ср.: *За голым гнать – нечего снять* [Даль 1957: 94]; *Житьё, житьё: наготё да босотё* [Даль 1957: 90]. Также в отрицательной стороне шкалы по направлению к норме одну общую позицию занимают две отметки: «плохая одежда»; «недостаточное количество одежды». Ср. «плохая одежда»: *Голь беднее лохмотья* [Даль

1957: 91]; *Заплаточки с лоскуточками беседуют* [Даль 1957: 105]; *Тужил дед, что худо одет* [Даль 1957: 97]. Ср. «недостаточное количество одежды»: *Платья, что на себе, а хлеба, что в себе* [Даль 1957: 91]; *С пуговки на петельку перебивается* [Даль 1957: 89]; *У него и рубаха заложена* [Даль 1957: 90]; *Холодно, на ком платье одно, а и двое, да худое – не лучше того* [Даль 1957: 97]. О бедности говорят и пословицы, в которых сопоставляются одежда человека и шкура, оперение животных. Ср.: *Сорока в платье, ворона в платье, будет платье и на нашей братье* [Даль 1957: 585]; *Есть шуба и на волке, да пришита* [Даль 1957: 586]; *Есть шуба, и сшита, да на волке пришита* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1004]. В правой, положительной, стороне шкалы помещается отметка «хорошая одежда», такое состояние дел понимается как знак обеспеченности, богатства, щёгольства, нарядности. В пословицах «положительные» костюмные образы зачастую переосмысливаются в эстетических и этических категориях. Ср.: *Алый малый – синь кафтан* [Даль 1957: 474]; *Не кидается девица на цветное платье, кидается девица на ясна сокола* [Даль 1957: 700].

По народным представлениям, сущность может находиться во взаимодействии с наружностью – сущность обнаруживается; одежда согласуется с качествами, свойствами человека, а также с социальным положением. Ср.: *По Сеньке шлык, коли косенько сшит* [Даль 1957: 232]; *Каков Пахом, такова и шапка на нём* [Даль 1957: 232]; *По Сеньке шапка, по таковскому и колпак* [Даль 1957: 632]. Однако внутренние свойства человека важнее, чем его внешний вид, богатая или, напротив, бедная одежда. Ср.: *У бедного шуба овечья, а та же душа человечья* [Даль 1957: 304]; *Не всяк умён, кто в красне наряжён* [Даль 1957: 697]. Зачастую правила в костюмной сфере «примериваются» к морально-нравственным правилам, установленному порядку. Параллельные конструкции и рифма подтверждают действие общих правил для разных ситуаций, представленных в пословице. Это правило своего как подлинной ценности, а чужого – как ценности мнимой; ср.: *Чужая шуба не одёжа, чужой муж не надёжа* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1004]. Это правило терпения и принятия обстоятельств: *Носи платье не складывай; терпи горе, не сказывай!* [Даль 1957: 142]. Это правило соответствия, для выражения которого костюмные образы составляют синонимичную пару; ср.: *Сапог с сапогом, лапоть с лаптем* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 783]. Смысл несоответствия раскрывается в характеристике непарных реалий с

помощью парного образа; ср.: *Два сапога пара: гусь да гагара* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 783]. В «неправильном» мире разные действия сходятся в самом способе нарушения; ср.: *Выменял кукушку на ястреба. Променил сапоги на лапти* [Даль 1957: 482]. Параллельные конструкции способствуют смысловому сближению сходных образов, ступенчатому выражению иронии, ее «удвоению»; ср.: *В одном кармане сочельник, в другом чистый понедельник* [Даль 1957: 91]; *Стыд под каблук, а совесть под подошву* [Даль 1957: 307].

Человек, по самому его созданию, будучи своего рода «артефактом», уподоблен предмету одежды: человека можно скроить, сшить и т.п. Ср.: *Человек божий обшит кожей* [Даль 1957: 308]; *Не ладно скроен, да крепко сшит* [Даль 1957: 699]; *Я тебе язык ниже пяток пришью* [Даль 1957: 222]. Сама возможность уподобить тело человека – одежде обусловлена онтологически близким их сосуществованием: одежда, пусть и отчуждаемая, но постоянная принадлежность человека; одежда «срастается» с телом; человек обычно представляется в «одетом» образе. Физические особенности человека уподоблены тем или иным особенностям одежды на основании сходства, воспринимаемого зрительно или тактильно. Ср.: *Шитая рожка, вязеный нос* (о щербатом) [Даль 1957: 310]; *Суконный язык; язык с подбоем* (о картавом или косноязычном) [Даль 1957: 318]. Встречаются выражения, в образах которых нагота иронически уподобляется одежде; ср.: *Шапка волосяная, рукавицы своекожаные* (т.е. нет ничего) [Даль 1957: 90]; *С нагого снять, кому отдать?* [Даль 1957: 94]; *Берегись, чулки обморозишь!* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 998].

Ирония является свойственным народной культуре выражением негативного отношения к тому, что противоречит сложившимся представлениям о правильном устройстве мира. Абсурдность образов усиливает иронию; ср.: *Житье хорошее – семерых в один кафтан согнали* [Даль 1957: 90]; *Оделся клушей, окутался кувалдой* [Даль 1957: 586]. Ироничные пословицы легко «соскальзывают» в смеховую сферу, где костюмные образы сближаются по доминирующей развлекательной функции с прибаутками. Ср.: *Один балахон, да и тот из торговой бани унесён* [Даль 1957: 90]; *Четыре полы – четыре голы, да и то не своё – в людях выпрошено* [Даль 1957: 106]; *Седлай порты, надевай коня!* [Даль 1957: 564]. В прибаутках и небылицах глупые и ленивые персонажи зачастую обряжены в «неправильную» одежду; ср.: *Мужик серый, кафтан рослый, на босу ногу топоры, лапти за поясом, под носом румянец, а во всю*

щёку – что в носу [Даль 1957: 979]. В докучных сказках насмешка демонстрируется; ср.: *Был себе человек Яшка (Сашка), на нём серая сермяжка, на затылке пряжка, на шее тряпка, на голове шапка – хороша ли моя сказка?* [Даль 1957: 979]. В игре вербальный элемент соединяется с акциональным. Ср.: *Кузька да Васька ездили на Вятку, купили две шапки о четырех углах – туда угол, сюда угол, посередке кисть, по затылку хлысть* (дерут за волосы в карточной игре) [Даль 1957: 560].

В пословицах костюмный лексикон, как правило, ограничен. Обычно используются гиперонимы: *платье, одежда*; гипо-гиперонимы: *шапка, сапоги*, а также гипонимы: *рубаша, кафтан, сарафан, шуба, лапти*. Гипонимы используются редко; также в пословицах почти не встречаются названия моделей одежды или костюмных аксессуаров, такие как: *пальто, плащ, юбка, сарафан, шляпа, картуз, чулки, носки, чеботы, кика, ремень*. Ср. отдельные примеры: *Под картузом не заработал, под шапкой не заработаешь* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 402]; *Носки новые, а пятки голые* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 604]; *Купил чеботы, да не избыл босоты* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 981]. В пословицах не используются многие наименования, которые широко бытовали, например, в песенных жанрах: *халат, передник, поддёвка, бекеша, бешмет, накидка, пуховая шляпа, грешневик, шарф, вуаль, козловые башмаки, сафьяновые сапоги* и т.п. Ср. в лирической песне: *Канаватные бешметы в нитку строчены* [Русские народные песни 1988: 414]; *Сам хозяин во наряде, / Во коричневом халате* [Русские народные песни 1988: 415]. Привлечение самых разных «костюмных слов» обусловлено жанровой спецификой песен. Так, в лирической песне наглядность и эстетика костюмных образов передают особенности эмоционального состояния персонажа (обычно в ступенчатом описании его действий); ср.: *Надевал Ванюша зелен кафтан, нараспашку, / Надевал сафьян сапог на босу ножку, / надевал красну шапочку на одно ушко <...>* [Собрание народных песен П.В. Киреевского 1986: 124]; ценностные идеи удали, праздничного торжества; ср.: *Как на друженьке чулки / Белы шелковые, / <...> Как на шейке-то платок, / Будто аленький цветок, / Во кармане-то другой, / Итальянский голубой* [Русские народные песни 1988: 241]. Костюмный образ активно «включен» в язык танца и потому значим в плясовой песне; ср.: *Какая девушка хороша: / У ней кисейны рукава, / Кисейны рукава, / В косе ленточка ала, / вы пожалуйста сюда* [Русские народные песни 1988: 76].

Несмотря на ограниченность костюмного лексикона в пословицах, скупые и сдержанные образы создают убедительную наглядность, будят эмоциональное восприятие, участвуют своими смыслами в выражении прескрипций культуры. Ср.: *Широко шагаешь – штаны порвёшь* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1004]; *Чёрные ризы не спасут, а белые не погубят* [Даль 1957: 49]; *Сапожник без сапог, портной без рубахи* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 784].

Перед тем, как перейти к вопросу референции, заметим, что обобщенные образы основных видов крестьянского народного костюма достаточны для выполнения основных функций пословицы – нравоучения и предупреждения от ошибок. Кроме того, пословицы издревле описывали мир «своих» и предназначались для «своих». Костюмные образы «чужой» среды (*перчатки, фрак, пряжка* и т.п.) если и используются в пословицах, то прежде всего для экспликации противопоставления «свой / чужой». Традиционная культура консервативна; отгораживание от нового и чужого происходило в сознании и проявлялось в быту. В традиционной культуре осуждается страсть модничать, т.е. следовать моде, подражать чужим национальным, социальным, местным обычаям, и это осуждение высказывается в пословицах со всей прямолинейностью, выраженной императивами запрета и указа; ср.: *Полно мóдиться, живи, как вóдится!* [Даль 2004, II: 286]. «На пути этого подражания стоит консерватизм всего коллектива. Подражание костюму и другим сторонам жизни <...> возможно только после отрыва из среды своего коллектива» [Богатырев 2006: 115]. Мода в пословицах интерпретируется как навязанная народному костюму, чуждая ему одежда, привносимая происходящими социальными изменениями; ср.: *В нынешних обрядах и фóфаны (простаки, глупцы) в нарядах* [Даль 1957: 586]; *По старой вере, да по новой моде* [Даль 2004, II: 286]. По пословице, немодная одежда более привычная и удобная; ср.: *Одежка вряд (т.е. средней руки) не обобьёт пят* [Даль 1957: 586]. Одежда модная не может восприниматься как одежда, тесно связанная с коллективом; она не успевает стать с ним одним социальным целым. Вопрос о традиционной одежде и моде как факторе развития народного костюма очень сложен. Мода выступает как антагонист традиции, а в деревенском обществе отношение ко всему, что является не только новым, но и чуждым, недоверчивое и осторожное. Поэтому в паремиях выражается неоднозначное отношение ко всему, нарушающему национальные, социальные или региональные обычаи; ср.: *И наша дура коты* (вид женских

башмаков) *обула. И мы в немцах* [Даль 1957: 587]; *Широки рукава, видно, что с трубецкого двора* [Даль 1957: 587]. В пользу темы нарядного и модного можно сказать, что только в данной группе пословиц упоминаются разнообразные детали костюма, аксессуары одежды: *пуговики литые, петельки витые, шапочка с ушами, пряжка, застёжка, шлык, перчатки* и т.п. Тем не менее, все эти красивые вещи переосмысливаются как «излишество и вычурность» [Фролова 2013: 90] и являются объектом порицания в аспекте всего наносного, искусственного для традиционной, т.е. подлинной, эстетики. Щёгольские, модные детали костюма изображаются как нечто дорогое и непрочное, бессмысленное, не оправданное обычаями. Ср.: *Щёголь Матрёшка – полтора рубля застёжка* [Даль 1957: 588]; *Пряжки с искорками, да вон повыскакали* [Даль 1957: 588]. Негативное, ироническое отношение к щёгольской и модной одежде подчеркнуто эксплицируется в оценочных и эмотивных лексемах, проявляется в абсурдных образах. Ср.: *Рожей подгулял, так запонкой взял* [Даль 1957: 586]; *Он в перчатках моется* [Даль 1957: 588]; *Щёголь собака: что ни год, то рубаха, а портам и смены нет* [Даль 1957: 587]. Эстетическая семантика нарядности в пословицах не так развита, как этическая семантика увлечения нарядами, «жалкого модничанья» [Даль 2004, II: 286]. Пословицы и поговорки, согласно жанру, поучают и предупреждают: *Не выбирай нарядную, а выбирай догадливую* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 582]; *Щеголял смолоду, а под старость умирает с голоду* [Даль 1957: 588].

Итак, костюмные образы в пословицах используются для кодирования важных смыслов, извлеченных из опыта в самых разных ситуациях. Пословицы с костюмными образами подчеркнуто антропоцентричны; описание мира антропоморфно. Семантика пословиц содержит культурные прескрипции в отношении всех сфер жизнедеятельности человека, которые по разным признакам уподоблены костюмной сфере.

2. Референция. Общие сведения. Особенности референции пословиц. В современной лингвистике референция исследуется в русле лексической семантики, логического анализа языка, в лингвокультурологическом и дискурсивно-коммуникативном аспектах. Под референцией понимается «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)»

[Падучева 1990: 411]. Референциальный статус определяется как способ соотношения языкового выражения с действительностью при его употреблении в речи. «Объект или множество объектов, с которыми соотносится языковое выражение в конкретном высказывании, называется референтом данного языкового выражения» [Шмелев 2002: 28]. Под денотацией понимается отношение между словами и реалиями, которые они именуют и вербальными заместителями которых они являются; отношение референции приравнивается к денотации при условии ее связи с актуализованной речью, с конкретным высказыванием. Считается, что денотативный статус выражения актуализируется при его употреблении в речи; об исследовании согласования денотативных статусов именных групп и видовременных характеристик предиката; о релевантном денотативном пространстве и т.п. см., например: [Шмелев 1988]. В логическом анализе языка исследование референции ориентировано на высказывание, позицию субъекта в котором занимают референтные имена, идентифицирующие, их функция – обозначать конкретные внеязыковые объекты; позицию предиката занимают нереферентные имена, характеризующие, их функция – приписывать признак субъекту высказывания [Арутюнова 1982]. Выделяются классы единиц, способных и неспособных к референтному употреблению [Падучева 1985: 87-93]. Так, различаются референтные (конкретно-референтные), нереферентные (субстантивные, не обозначающие никакие конкретные объекты) и предикатные имена, именные группы (характеризующие, не соотносимые с внеязыковыми объектами). Референтные употребления могут быть определенные (известные адресанту и адресату), слабоопределенные (неизвестные адресату) и неопределенные (неизвестные адресанту). Нереферентные имена включают в себя: экзистенциальные, универсальные, атрибутивные, родовые. Экзистенциальные неререферентные имена подразделяются на дистрибутивные, неконкретные, общеэкзистенциальные именные группы (ИГ). «Дистрибутивные обозначают участников, распределенных по некоторому множеству однотипных событий <...> Неконкретные ИГ фигурируют в контексте снятой утвердительности <...> Этот контекст создают модальные слова *может, хочет, должен, необходимо*, а также повелительное наклонение и будущее время глаголов, вопрос, отрицание <...> Общеэкзистенциальные ИГ позволяют говорить о предметах речи с определенными свойствами, не имея в виду конкретных объектов» [Падучева 1985: 94]. Универсальные неререферентные имена определяются

по кванторам общности; они актуализируются дейктическими и генеративными местоимениями (*этот, всякий, каждый, все*) и словами с квантитативной семантикой (*один, оба, всегда* и др.). Различают интенциональную и экстенциональную референцию [Кронгауз 1989: 10]. Атрибутивные нереферентные имена выделяются на основании презумпции существования референта. Родовые нереферентные имена соотносятся с классом объектов или с типичным его представителем. Полагают, что интерпретация высказывания на уровне смысла предшествует уровню референции, что интерпретация высказывания на уровне референции не является обязательной и возникает лишь в случае нарушения смысловой связности между компонентами высказывания [Кронгауз 1989; Фролова 2007]. Разрабатываются понятия «референтное пространство» и «референтная ситуация», которые соединяются с категориями модальности, когерентности и т.п., выводят референцию из высказывания в текст, исследуют отношение референции в рамках того или иного жанра [Селиванова 2002; Демьянков 1983; др.]. Появляются все новые понятия, например понятие «расщепленной референции» в пространстве художественного текста [Смирнова 1999]. Согласно О.Е. Фроловой, «описывать референцию текста невозможно без учета его жанровых механизмов <...> жанровые характеристики текста (система субъектов речи) определяют его референцию» [Фролова 2007: 45]. Понятие референции тесно связано с темой внеязыковых знаний о мире, с понятием коннотации и культурной коннотации, с анализом когнитивных механизмов интерпретации языковых знаков. Согласно В.Г. Гаку, всякий толковый словарь является инвентарем не только слов, но и понятий, объектов, знаний, составляющих достояние людей, говорящих на данном языке [Гак 1972]; смысловое содержание слова соотнесено с внеязыковым знанием о мире, заключенном в «культурные рамки» [Косериу 1989: 64]. Понятие культурной коннотации обусловлено функцией культурной памяти и «установкой на дискурс»: политический, социально-идеологический, философский, литературный, религиозный, мифологический, народнопоэтический [Брагина 2007: 11-12]; тем самым, референциальный статус языкового знака детерминирован дискурсом. В лингвокультурологии разрабатываются понятия культурной коннотации, культурной интерпретации, культурной референции. Согласно В.Н. Телия, под культурной референцией понимается соотнесение знаков естественного языка с «языком» культуры. Владение способностью опознать в языковых

сущностях культурно значимое содержание характеризует культурно-языковую компетенцию субъекта речи, «что предопределяет способность к культурной референции, а также ту или иную глубину когнитивной по своему характеру процедуры культурной интерпретации языковых сущностей» [Телия 1999: 23]. В лингвокультурологическом аспекте исследуются идиомы как знаки языка, в чью семантику «вплетена» культурная коннотация, которая создается референцией идиом к предметной области культуры [Ковшова 2012].

Тем самым, исследование референции от своих логических начал в лексической семантике берет направление на речевую коммуникацию, текст и дискурс, уходит в пространство культурных смыслов. Исследование референции пословиц исходит из интерпретации их семантической структуры, синтаксического строения, директивной и других функций [Николаева 2013]. Пословицы – «законченные изречения (устойчивые фразы)» [Мелерович, Мокиенко 2016: 172]; в законченной, цельнопредикативной форме пословицы выражают обобщенное суждение о мире, излагают прескрипции культуры, постулаты народной этики. Пословицам свойственны: клишированность в отношении формы, воспроизводимость в отношении употребления, обобщенность в отношении смысла [Прохоров 1997: 355]. Ведущими признаками жанра пословицы признаются «ситуативность, антропоцентричность, клишированность» [Фролова 2007: 140-141]. Принято считать, что в основе внутренней формы пословиц лежит обобщенный и типизированный денотат [Пермяков 1975: 256; Абакумова 2012: 91]. Признание обобщенности в качестве конституирующего признака пословиц подкрепляется разными аргументами. Ср.: «Способность пословицы выражать обобщение традиционно связывается с характеристиками предиката, не локализованного в пространстве и времени» [Фролова 2007: 49]; «Свойство афористичности подразумевает способность высказывания восприниматься как имплицитно содержащее более широкую информацию, чем та, которая эксплицитно выражена непосредственно в его тексте» [Черкасский 1978: 37]. С когнитивных позиций, «в пословице денотатом является ситуация, представленная во внутренней форме паремии образами предметов народного быта с их символикой и культурными ассоциациями (образный фрейм), это ситуация, действительно имевшая место когда-то, за ней закрепляется название и ценностная характеристика. Язык выбирает те или иные параметры, соотнося языковые единицы с определенными

фрагментами концептуальной сферы <...> Сигнификатом пословицы является обобщенная ситуация, ситуационная модель, ядром которой является квалитативный предикат, который в обобщенном виде передает отношения между объектом и его свойствами или отношения между объектами и их свойствами, абстрагируясь от их лексического наполнения» [Абакумова 2012: 91]. Согласно типологии логико-семиотических инвариантов пословиц, предложенной в: [Пермяков 1975], пословица представляет собой словесную (или мыслительную) модель (схему) той или иной жизненной (или логической) ситуации. «Своеобразие поговорок, пословиц и примет как особой группы паремий состоит в том, что референтами их служат не отдельные предметы, а ситуации <...> Отнесенность к ситуации содержится прежде всего в синтаксическом оформлении паремий. Именно стандартное, клишированное, оформление позволяет расширять референтную отнесенность, выступая в качестве знака носителя инвариантного значения» [Фаттахова, Кулькова 2013: 35-36]. Однако если в приметах (класс паремий) именные группы «имеют родовой статус и соотносятся именно с теми экстралингвистическими реалиями, которые называют» [Фролова 2007: 49], то в пословицах именным компонентам присущ родовой статус, но референциальная полисемия. С темой референтности связан также вопрос образности пословиц, имеющий широкий охват изучения на материале разных языковых знаков (А.А. Потебня, Г.Л. Пермяков, В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, Л.Б. Савенкова, Ю.А. Левин, О.Е. Фролова и др.). Важным фактором в обсуждении референции пословиц становится режим употребления: неактуализованный (восприятие пословицы без ее применения к конкретной ситуации) и актуализованный (использование пословицы в конкретной ситуации). В описании референциального статуса компонентов пословиц может возникать некоторый сдвиг в сторону формального описания референции. Так, О.Е. Фролова присваивает образным компонентам в пословице презумптивный референциальный статус (*Гусь свинье не товарищ*), безобразным компонентам – родовой референциальный статус (*Человек человеку – друг*), и различает референцию буквального прочтения пословицы от референции пословиц в их актуализованном использовании. Ср.: «Референциальное пространство пословицы меняется в зависимости от режима: при неактуализованном режиме пословица не приложима к конкретной внеязыковой действительности, поэтому ее референциальное пространство можно считать фикциональным: это мир, населенный

людьми, животными и предметами, находящимися между собой в сложных взаимоотношениях. Второй режим актуализирует пословицу и меняет тип референциального пространства на нефикциональный. При актуализации пословица направлена «вовне», не на вымышленную, а на реальную внеязыковую действительность. При этом режиме проявляется антропоцентризм пословицы, и за богатой труппой зооморфных персонажей стоят люди» [Фролова 2007: 140-141].

Думается, что максимализм такого утверждения искажает суть пословицы как логически и синтаксически законченного образного изречения афористического характера, имеющего пояснительный или назидательный смысл относительно происходящего. И этот смысл присущ пословице как в неактуализованном режиме употребления, так и в актуализованном, в противном случае отрицается характеристика пословицы как жанра; пословица сводится к маленькой неразвернутой сказке. А между тем пословицы – готовые народные формулы с поучительным смыслом, максимы жизненной мудрости. Представляется, что неверно сужать референцию пословицы до той ситуации в действительном мире, которая дана в буквальном прочтении пословицы, в ее образно мотивированной внутренней форме. Само обращение к неактуализованному собранию пословиц и выбор той или иной пословицы с целью ее актуализованного употребления предполагает существование референции к действительному миру. Пословица и в словаре, и в конкретный момент речи всегда направлена «вовне», на ситуацию (модель, схему), к которой приложима данная пословица, на внеязыковую действительность. Поскольку пословицы – произведения словесного творчества, то можно согласиться, что в пословице референция «расщеплена», она «идет» и на образ, данный в буквальном прочтении пословицы («гусь свиные»), и на макроситуацию (схему, модель), в которой обобщены и типизированы самые разные актанты («кто-то / что-то кому-то / чему-то»). В актуализованном режиме референция пословицы конкретизируется («конкретный X не подходит конкретному Y»). Повторим еще раз: не стоит путать чувственно воспринимаемый образ пословицы, денотат пословицы и ее сигнификат. При таком подходе к образно мотивированным языковым знакам любая лексическая метафора или идиома будут рассматриваться как единицы с фикциональной референцией, и их описание будет двухступенчатым: референция к тому, что представлено в образе; референция к тому, что этот образ призван

обозначать. Такая двуступенчатость отвечает восприятию образа и смысла пословицы, и референция пословицы не ограничивается лишь первой ступенью восприятия. Метафора или метонимия, лежащие в основе внутренней формы пословицы, чувственно воспринимаются, но не материализуются при восприятии пословицы – оно не оканчивается, например, видением гуся и свиньи и их недружественных отношений. В то же время, материализация метафоры или метонимии может осуществляться в языковой игре путем изменения компонентного состава пословицы, например введении дейктических компонентов, автонимических замен и т.д. Ср.: *Этот гусь известной свинье не товарищ*. Изменение референциального статуса пословицы в неактуализованном и актуализованном режимах употребления неверно сводить к переходу от буквального прочтения пословицы – к ее переносному, иносказательному восприятию. Пословица и в «спящем» режиме не читается буквально, а воспринимается как иносказание, свернутая притча; пословица «отображает традиционные смыслы, а не изображает непосредственно существующее» [Мальцев 1981: 19-23].

Универсальность пословицы как формулы жизненной мудрости подтверждается ее широкой денотативной валентностью, которую при описании пословицы в словаре можно было бы обозначить условными вопросами: *Не та швея, которая шьёт, а та, которая порет кто?* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1000]; *Хоть кафтан и сер, а ум не чёрт съел у кого?* [Даль 1957: 699]; *Не к розе платочек, утрись рукавичкой! кто? о ком?* [Даль 1957: 310]; *Крой новый кафтан, а к старому примеряй о чем?* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 403]. Данные валентности, как правило, открыты; денотативная поливалентность пословиц обусловлена гносеологической функцией метафорических процессов, собирания в одном образе признаков, релевантных для различных ситуаций в различных денотативных сферах действительного мира. Пословица действительно «выступает как текстовое местоимение, способное менять референцию в зависимости от ситуации» [Фролова 2007: 140-141]. Референция пословицы направлена на «исходную мотивировку» [Мелерович, Мокиенко 2016: 148] и в то же время на некую макроситуацию, которая при актуализованном употреблении пословицы конкретизируется.

Но и в «спящем» режиме пословица: *В платье и пень пригож* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 665] направлена не на пень и не на платье как на реалии действительного мира. Данные реалии были выбраны

в качестве образной аналогии; совокупность образных компонентов пословицы порождает в сознании смеховую картинку, создает впечатление о наряженном в одежду пне/ о пнях (в лесу). Но одновременно с этим осуществляется референция пословицы к типизированной, обобщенной денотативной ситуации – невысокий человек неказистого вида украсил свой внешний вид, внешне изменился к лучшему. «*И пень*», то есть любой, даже невзрачный человек «*в платье*», то есть если его нарядить, будет выглядеть хорошо, – вот пропозиция пословицы и ее вариантов. Ср.: *Наряди пень в вешний день, и пень будет красавчик* [Даль 1957: 585]. В соответствии с регулярно реализуемой в языке полисемией – от описания физических качеств человека переходить к описанию его способностей, характера и т.п., пословица может выражать два значения: 1) о внешнем виде человека; 2) о внутренних качествах и свойствах человека. Образная семантика пословицы в первом значении делает акцент на значимости наряда, преображающего человека, выводит в фокус эстетические смыслы. Образная семантика пословицы во втором значении соотносится с архетипическим противопоставлением «внешнее – внутреннее», которое переосмысливается в духовно-нравственных категориях. Согласно установкам традиционной русской культуры, внешние атрибуты не изменяют сущности человека.

«Актуализировать понятие, – писал Ш. Балли, – значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта» [Балли 2001: 87]. Актуализировать пословицу значит соотнести образно мотивированный языковой знак текстовой протяженности с конкретным предметом или ситуацией действительного мира. Актуализованный режим сужает макроситуацию пословицы, ее денотативную поливалентность до одной конкретной ситуации (конкретного денотата), привязывает смысл пословицы к этой ситуации, соотносит актанты при предикате пословицы с конкретным определенным референтом. Ср. пример употребления, в котором одновременно реализуются и первое, и второе значение пословицы: *Филя талантливый но увы большой ребенок. И как его Алла назвала Нарциссом то с этим увы ему и суждено идти по жизни. <...> Не зря поговорка гласит: Одень пень в ясный день и тот будет красивый. Ума пусть лучше побольше будет.* [<https://deti.mail.ru/news/filipp-kirkorov-gotov-snova-stat-otcom/>].

3. О культурной референции пословиц. Попробуем описать референцию пословицы не только в контексте употребления, но и в

широком культурном контексте. Как в неактуализованном, так и в актуализованном режимах пословица была и остается словесным произведением народной культуры. Логично предположить, что в процессе восприятия пословицы и в ходе ее употребления в речи осуществляется референция пословицы к предметной области культуры. При описании культурной референции мы несколько пренебрегаем делением имен по их функции на идентифицирующие и характеризующие, референтные и нереферентные. Для нашего исследования важно выявить взаимосвязь языковых знаков с пространством культуры; обосновать референцию компонентов пословицы к кодам культуры, архетипам, мифологемам, символам и т.п.; описать «вплетение» (по Н.И. Толстому) культурной семантики в языковую семантику.

Обратимся к материалу. Пословица *Сапог с сапогом, лапоть с лаптём* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 783] вызывает наглядное впечатление о соединенных в пары предметах обуви, и это впечатление усложнено, «окультурено» представлением о данных предметах. Восприятие предметов (ситуаций) действительного мира основывается на тех смыслах, которые закрепились за предметами (ситуациями) в культуре, вошли культурной коннотацией в семантику их имен, привнесли те или иные культурные смыслы в содержание пословицы. Например, в данной пословице с помощью костюмной метафоры, а именно парных костюмных предметов, воплощена важнейшая идея соответствия как условия упорядоченных отношений между предметами действительного мира. Идея соответствия переосмысливается в этикетных, этических и социальных категориях; ср.: *Сапог лаптю не ровня* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 783]; *Сапог лаптю не чета* [Там же]; *Сапог лаптю не дружка* [Там же]; *Променял сапоги на лапти* [http://detskiychas.ru/proverbs/poslovitsy_pro_lapty/]. Сапог или лапоть, будучи не только предметами костюмной сферы, но и знаками костюмного кода культуры, воплощают в себе разные идеи, символизируют те или иные смыслы; этот культурный «багаж» костюмные компоненты привносят в семантику пословиц. Так, многие пословицы объединены закрепленным за лаптем смыслом 'простое'. Ср.: *И мы не на руку лапоть обуваем* (не простые, многое умеем) [Даль 1957: 476]; *Это – как лапоть сплесть* (просто); *Не учась (не умеючи) и лаптя не сплетишь* (не сделаешь самого простого дела); *Жениться – не лапоть надеть* (не просто); *И мы не лаптем щи хлебаем* (не простые, многое понимаем) [<https://ru.wikiquote.org>

[/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%BF%D1%82%D0%B8](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%BF%D1%82%D0%B8)]. В большинстве пословиц *лапоть* означает простой социальный статус человека, его «простое», т.е. бедное имущественное состояние. Лапоть замещает своего носителя – человека, находящегося на нижней ступени в социальной иерархии. По виду обуви распознается социальный статус человека, дорисовывается весь костюм и облик в целом, расставляются действующие лица на сцене социального «театра». Ср.: *Лапоть знай лаптя, а сапог сапога!* [<https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%BF%D1%82%D0%B8>].

Откуда возникают эти смыслы, закрепленные за тем или иным костюмным предметом? Почему лапоть является экспонентом идеи простого в отношении выполнения какого-либо дела, в описании имущественного положения, социального статуса человека? Основной наш тезис заключается в том, что костюмные компоненты в образе пословиц соотносятся не с тем или иным костюмным предметом материального мира – обобщенным и типизированным, и даже не с человеком, который обут в лапти или сапоги. Костюмные компоненты соотносятся со знаками костюмного кода русской культуры, с окультуренным представлением о лаптях или о сапогах. Костюмный предмет, будучи социальным феноменом, никогда не является «чистой вещью», он «бывает одновременно и вещью, и знаком», выступает «то как вещь, то как знак» [Богатырев 2006: 44]. Значимость костюмных образов подтверждена фактами и текстами. Так, в фольклоре, в литературе, живописи, скульптуре, в самой истории костюма лапоть – символ русского крестьянства, знак низшего социального ранга, простоты и бедности. Согласно истории русского костюма, «обувь простого народа была – лапти из древесной коры. <...> Обувь достаточных людей составляли сапоги, чоботы, башмаки и четыги. Все эти виды делались из телячьей кожи, из коровьего опойка, из конской кожи, из юфти, а у богатых из персидского и турецкого сафьяна. <...> Сапоги служили вместо штанов для нижней части тела и для того подтягивались холстиною <...> При сапогах и чоботах носились чулки шерстяные или шелковые, а в зиму подбитые мехом» [Забылин 1880: 498-499]. Богатые люди могли себе позволить сафьянные сапоги; ср.: «Знатные люди и великие князья носили по большей части голенища короткие, унизывали их золотыми или серебряными прошвами, галунами, жемчугом и камнями. <...> В XI и даже в XV столетиях мы встречаем сапоги с загнутыми вверх носами. Их снабжали высокими железными подковами и подборами со множеством

гвоздей по всей подошве; у царей и знатных лиц эти гвозди были серебряные <...> Женская обувь была почти та же, что у мужчин, и была с такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблук. При них были шерстяные или шелковые чулки. Посадские жены носили также сапоги до колен <...> Бедные крестьянки ходили в лаптях, как и мужья их» [Там же, с. 499]. Запечатленные в образах пословиц культурные смыслы сформировались в материальной культуре и получили свое развитие и дальнейшее насыщение в этикетных, этических, социальных категориях духовной культуры. Лапти, как и сапоги, помимо своего прямого назначения, стали знаками костюмного кода культуры. В народном сознании сапог как символ богатства и знатности занимает верхнюю позицию на социально-иерархической шкале, а лапоть как символ бедности и простонародности – нижнюю позицию (предельной будет «босота»). Ср. иронические пословицы: *Богат стал – вместо лаковых сапог одел липовы* (т.е. лапти); *Идёт в сапогах, а след босиком* (о нищем) [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 783]. В образах пословиц компоненты *сапог* и *лапоть* передают стереотипные представления о «костюмной иерархии» в традиционной культуре, а также являются символами: *сапог* символизирует социальный «верх», а *лапоть* – социальный «низ» на шкале этой иерархии. Данное представление когнитивно релевантно и для современного сознания; ср. выражение: *В лаптях да по паркету* – 1. ‘нарушать правила этикета’; 2. ‘не соответствовать, быть недостойным чего-л.; не иметь права пользоваться какими-л. социальными благами’. Приведем отдельные примеры: 1. Ходить в лаптях, да по паркету несообразно этикету (Вячеслав Щедрин) [<https://www.chitalnya.ru/work/979764/>]; ср. также: <...> как лапоть нищего в великолепной гостиной [К.Д. Ушинский. Труд в его психическом и воспитательном значении (1860)] [НКРЯ. Эл. ресурс]. 2. <...> куда мне за Анонимом в лаптях да по паркету... Из низшего мы сословия-с. Ношу я бижутерию, немного, но она реально выручает (сообщение от Герда) [<http://mams-club.ru/forum/40/16376/390573/index.html>].

Исследуя референцию пословицы к предметной области культуры, выделяя культурные смыслы, закодированные в образной семантике пословиц, мы исходим из антропологического принципа, на котором базируется лингвокультурологическое направление: язык – феномен человеческий. «В человеке он связующее звено жизни психической и жизни общественно-культурной и в то же время орудие их взаимодействия. На

основе этой триады терминов – язык, культура, человеческая личность – могла бы быть создана другая лингвистика» [Бенвенист 1974: 45]. Эта «другая лингвистика» развивается в антропологической парадигме науки о языке. Отличительной чертой «другой лингвистики» является постулируемое ею положение о том, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной» [Степанов 1974: 14-15].

Язык зарождается в культуре, растет и развивается в культурной среде, и потому неестественным будет отделять семантику языковых единиц от семантики культуры, в которую язык включен и с которой он взаимодействует. Важный методологический принцип лингвокультурологии заключается в том, что языковые единицы исследуются как знаки языка и культуры, как вербальные знаки тех или иных кодов культуры [Телия 2006; Гудков, Ковшова 2007]. Идея кодов культуры, базовая для лингвокультурологии, сопоставима с предложенной ранее Ю.С. Степановым идеей концептуализированной области смысла, возникающей «при слиянии языковых и культурных тем на более высоком уровне абстракции, чем языковая и культурная модели мира. В результате такой корреляции между языковой темой и культурной темой у исследователя появляется возможность привлекать собственно языковые темы к объяснению культурных феноменов и *vice versa*. В результате такого подхода культурная тема устанавливает «рамку» и позволяет соотнести языковые данные в пределах определенных микромотивов» [Степанов, Проскурин 1993: 14-15]. Исследование костюмных (и любых других) компонентов в «культурной рамке», в архетипах культуры, в кодах культуры выявляет ценностный ранг того или иного образа, слова, предмета, позволяет «замерить» их коннотативный объем.

Итак, суть культурной референции пословиц состоит в том, что компоненты пословицы соотносятся не с обобщенными и типизированными денотатами – предметами действительного мира, а со знаками того или иного кода культуры. Еще точнее – с воплощенным в этих знаках ценностно значимым содержанием культуры.

И сразу возразим себе и попытаемся ответить на эти возражения. Если так значимо окультуренное представление о том или ином денотате в образе пословицы, то почему так велико разнообразие пословиц для выражения

сходных смыслов? – Разнообразие пословиц для описания одной и той же ситуации и выражения сходных нравоучений детерминировано гносеологическим «поиском» формулы, которая по своему логико-семантическому устройству будет охватывать все сферы жизнедеятельности и станет универсальным выражением. Если закрепленные за словом культурные коннотации влияют на формирование семантики пословицы и ее прескрипций, то почему так широка вариативность компонентов в пословицах? Вариативность говорит, скорее, о неопределенном и даже пустом референциальном статусе этих компонентов, чем об их культурном «весе», их значимости в кодах культуры, неслучайном их выборе при самом создании пословицы. – Денотативная поливалентность пословиц обуславливает потенциальную полисемичность каждой пословицы, что приводит к «пренебрежению» референциальным статусом тех или иных компонентов, к вариативности этих компонентов, выражается в контаминации паремий в речи, в небрежном их воспроизведении. Действительно, материал показывает, что семантика исследуемых нами костюмных компонентов (актантов при предикате) в пословицах редуцируется. На это указывает их абсолютная синонимия, механическое замещение (субституция). Ср.: *Хоть шуба и сера, да воля своя* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1004]; *Свитка сера, да воля своя* [Даль 1957: 842]; *По Ереме шапка, по Сеньке кафтан* [Даль 1957: 632]; *По Сеньке и шапка (по Ерёме колпак)* [Даль 1957: 232]. Создается впечатление, что в пословицах костюмные компоненты не так значимы, как синтаксическая модель и пропозиция, или «семантический инвариант» [Арутюнова 1990: 401]; об этом свидетельствуют многочисленные ряды, построенные по одной и той же модели, с одной и той же пропозицией, но с разным лексическим наполнением, т.е. с разными образами. Образная «тематика», например костюмная, при таком разнообразии синонимических замен и варьирования может сохраняться; ср.: *Хоть телешом, да в шапке* [Даль 1957: 568]; *Хоть без штанов, да в позументах* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1003]. На факт механического замещения (субституцию) лексических компонентов указывает их простое перечисление в скобках при описании в сборниках пословиц; ср., например: *Кафтан (сапог, лапоть) каши просит* [Даль 1957: 586]. И в то же время нельзя не признать, что мир в пословицах изображен с антропологических позиций, отражающих отношение человека к миру, к определенным предметам действительности, составляющим этот мир, отношение, сложившееся в деятельности, в

культуре и потому закрепленное в сознании человека. В непрекращающемся процессе семиотизации окружающего мира человеку должно быть небезразлично, используется образ шубы, или образ кафтана, или образ рубахи для иносказательного выражения нравоучения. В то же время материал показывает, что в пословицах эти компоненты синонимизируются, варьируются, механически замещаются.

Обратимся к анализу материала, чтобы определить, действительно ли семантически редуцированы, денотативно типизированы и обобщены, референциально опустошены костюмные компоненты в образной семантике пословиц? Включаются ли в подрабатывание смысла пословицы культурные коннотации? Есть ли ограничения на замену костюмных компонентов и каков характер этих ограничений?

Обратимся к пословице: *К кафтану совести не пришьёшь* [Даль 1957: 403; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 403]. В варианте этой пословицы полным синонимом компонента *кафтан* является компонент *шуба*; ср.: *К шубе совесть не пришьёшь* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1004]. Однако в изданиях или рукописных текстах отсутствует вариант с самым активным для пословиц костюмным словом – *рубаха*; действительно, такой вариант представляется сомнительным; ср.: **К рубахе совесть не пришьёшь*. Образы *рубаха* и *кафтан* обычно не заменяют друг друга, а противопоставляются в тексте пословицы; ср.: *Каков кафтан ни близок к телу, а рубашка ближе* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 403]; *Рубашка ближе кафтана. Рубаха к телу ближе кафтана. Рубашка ближе к плечам, чем кафтан. Хоть рубашка платья ниже, да рубашка к телу ближе* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 766-767]. Такое устойчивое отношение противопоставления возникает, прежде всего, на основании онтологии: сначала на тело надевается рубаха, на рубаху надевается кафтан. Нательную рубаху на Руси, в отличие от кафтана, носили все, от рождения до смерти, независимо от возраста, пола, социального статуса и положения. В истории народного костюма рубаха являлась основным видом исподнего платья. У мужчин под рубаху надевались порты, поверх рубахи надевалась верхняя одежда и подвязывалась поясом. Простой и бедный человек зачастую ограничивался рубахой; виды верхней одежды соответствовали сословию, званию, достатку. Женская рубаха, исподница, была длинная, с длинными же толстыми рукавами; в праздник надевалась рубаха красного цвета и т.п. Кафтан изначально был видом дополнительного к рубахе верхнего платья, которое носили князья, бояре,

знатные, богатые люди; позднее кафтан носили состоятельные представители мещанства, крестьянства, фабричные рабочие, городские извозчики и др. [Ефимова 1989]. В народном сознании кафтан связан со смыслами обеспеченности, достатка, богатства. Ср.: *Лиха беда кафтан нажить, а рубаху и дома пошьют* [Даль 1957: 695] – ‘очень хочется обогатиться, хоть это и сопряжено с трудностями, однако, ничего не предпринимая, останешься с тем, что имеешь’. В данной пословице *рубаху* символизирует обычный вид одежды, доступный любому, самому простому человеку, в то время как иметь кафтан доступно не каждому. Ср., например: *Худая слава, что без кафтана Савва* [Даль 1957: 585]. Возникновение любой пословицы мотивируется конкретной ситуацией (жизненной или логической), которая в пословице становится способом семиотизации ценностно значимого содержания культуры, которая ищет и находит подходящие экспоненты для выражения своей семантики. В данной пословице *кафтан* символизирует материальное благосостояние, достаток, и эта значимость костюмного знака, коим является кафтан, с которым соотносится компонент данной пословицы, закреплена в костюмном коде культуры. Здесь нет ненужного удвоения, но есть порядок соотношения: слово *кафтан* в пословице референтно знаку «кафтан» в костюмном коде культуры, его ценностной значимости.

В разные эпохи значимость знака меняется, доступность данного предмета одежды низшим слоям меняет его социальный ранг и корректирует его культурный статус – быть эталоном богатства. Такие изменения находят свое отражение в пословицах; ср.: *Кафтан каши просит* [Даль 1957: 586]; *Рад Епифан, что нажил серый кафтан* [Даль 1957: 864]. Кроме того, состоятельность «человека в кафтане» может быть мнимой; в таком случае образ кафтана в пословицах способствует выражению иронии, поскольку кафтан, будучи признаком обеспеченности, только маскирует подлинное, плохое, состояние дел; ср.: *Пуст карман, да синь кафтан* [Даль 1957: 585]. Образ кафтана соединяется с изначально не свойственной ему темой бедности, тем самым, усиливается экспрессивность пословиц, их ироничность; ср.: *Те ж кафтаны, да не те же карманы* [Даль 1957: 858]. Образ *кармана* в пословицах более устойчиво, чем образ кафтана, связан с темой богатства на основании онтологии: в карманах всегда хранится какое-либо имущество человека. Ср.: *Люби Ивана, да береги кармана* [Даль 1957: 777]; *Не надейся, Роман, на чужой карман* [Даль 1957: 616]; *У Варвары все в кармане* (о запасливом человеке) [Даль 1957: 492]. Образ пустого кармана

символизирует бедность; ср.: *В одном кармане пусто, в другом нет ничего* [Даль 1957: 90]; *Худ Роман (Иван), коли пуст карман* [Даль 1957: 81].

Вернемся к сомнительному, на наш взгляд, варианту: **К рубахе совесть не пришьёшь*. Образованию этого варианта препятствуют культурные смыслы рубахи как знака костюмного кода культуры. Рубаха есть первый и основной предмет русского костюма. Рубаху носят все, она как бы «срастается» с «социальным телом» этноса и потому символизирует нечто, присущее человеку; его естественное состояние. Совесть – также присущее человеку свойство, его конституирующий признак; более того, совесть в народном сознании связывается, прежде всего, с честностью. «Человек в рубахе» социально ясен – он не может обмануть, обсчитать другого человека хотя бы потому, что и сам не имеет большого состояния. «Человек в кафтане (шубе)» также социально маркирован; его имущественное положение ощутимо лучше; от него зависит «человек в рубахе», и потому напоминание о совести в данном случае актуально. *Рубаха* и *совесть* – слова не из одной лексико-семантической группы, но в кодах культуры и рубаха, и совесть являются близкими по смыслу мировоззренческими понятиями, конгруэнтными на основании «микромотива» концептами (по Ю.С. Степанову). Тем самым, культурный багаж того или иного костюмного компонента оказывается значим, а культурная референция пословицы – живой, действующей. Варьирование компонентов оказывается небезграничным; ограничение на варьирование носит культурный характер.

Могут возразить, что *рубаха* и *совесть* не так уж и близки по своей символической значимости, если существуют пословицы, в которых *рубаха* противопоставляется *душе* – понятию синонимичному, но не тождественному понятию «совесть»; ср.: *Рубашка беленька, да душа чёрненька* [Даль 1957: 474]; ср. также прием обратного параллелизма с костюмным гиперонимом в варианте: *Платье чёрненько, да совесть беленька* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 666]. Образ пословицы *Рубашка беленька, да душа чёрненька* восходит к архетипическим противопоставлениям «внешнее – внутреннее», «наружность – сущность», «открытое – закрытое», «тайное – явное» и соотносится с древнейшей цветовой символикой, переосмысленной в этических категориях, а также опирается на религиозные представления о душе как alter ego человека. Образы пословицы интерпретируются в костюмном и духовном кодах, а также в цветовом коде культуры. Совокупность компонентов *рубашка*

беленька выражает стереотипные представления об основном, нательном, предмете одежды как обобщенном ее экспоненте. Смысловой акцент делается на противопоставлении символа внешней чистоты человека: *рубашка беленька* – его скрытой дурной сущности: *душа чёрненька*. Думается, что противопоставление в пословице компонентов *рубашка* и *душа* не устраняет сомнений в возможности варианта **К рубахе совесть не пришьёшь*: рубаха без каких-нибудь оценочных символизированных атрибутов (новая, белая) не противостоит понятию совести, а сближается с этим понятием по смыслам простоты, естественности, первоначальности в жизненном укладе.

Рассмотрим еще одну пословицу с данным костюмным компонентом. Пословица: *Рубаха на теле – смерть в плоти* [Даль 1957: 282] означает, что человек живет, как ему и полагается, но смерть все равно придет; что конец человеку предопределен. Образ пословицы восходит к архетипической (мифологической) модели мира; структура пословицы основана на противопоставлении явного, внешнего, временного порядка в жизни человека (представленного в стереотипном образе человека в надетой на тело белой рубахе) – неявному, внутреннему, вечному порядку (представленному в осознании изначального тлена человеческого тела). В коллективной памяти и культуре есть то, «что – как бы это ни называть – составляет «глубинные праобразы», «архетипы» и т.п.» [Степанов, Проскурин 1993: 24]. Человек словно бы удален из образа; в роли субъекта выступает его одежда; в совокупности с безглагольностью пословицы это создает дополнительную грамматическую мотивированность в изображении порядка, на изменение которого человек повлиять не может. Костюмный образ соотносится не столько с обобщенным денотатом «рубаха» – предметом одежды, компонентом действительности (который будит чувственную реакцию на впечатление, формируемое знанием о денотате, и создает эмоциональное отношение к сказанному), сколько со знаком костюмного кода культуры «рубаха», с теми смыслами, которые воплощены в этом знаке. Что является основанием для такого утверждения? То, что без ущерба для смысла пословицы компонент *рубаха* нельзя заменить на другой костюмный компонент. Ср.: **Кафтан на теле – смерть в плоти*. Ограничения на замену компонента *рубаха* продиктованы сложившимися на основе онтологии стереотипными представлениями и теми символическими смыслами, которые приобрел в культуре тот или иной костюмный предмет. «Слово в фольклоре – это икона, и оно не столько

сигнификативно, сколько, так сказать, онтично (онтологично) <...> это комплекс традиционных смыслов» [Мальцев 1981: 19-23]. Сложившееся онтологически место и функции рубахи в костюмном «порядке» переосмыслено в социальных, этических, духовных категориях, что обусловило их символьное значение. В русской костюмной культуре человек начинал жизненный путь с белой рубашечки новорожденного, которая выполняла свое первичное назначение, но имела и вторичный смысл – магический. Согласно поверьям, основанным на фетишизме, рубашка давала жизненную силу; шилась и надевалась с заговорами в ходе обрядового действия, которое имело в разных местах свои отличия и от которого в настоящее время остались лишь следы. Родиться в органических плёнках уподоблялось рождению в рубашке и считалось отличительным знаком, счастливой метой судьбы, что увеличивало ценностный ранг рубашки как знака культуры, символа по сравнению с другими костюмными предметами. Согласно обычаям и ритуалам, белая рубаха надевалась на чистое тело в праздничный день (календарный, семейный, религиозный), новая рубаха надевалась на особое торжество; обряжение в смертную белую чистую рубаху символизировало окончание жизни и очищение от грехов; см. также: [Толстая 2011: 411-412]. В этих практиках создавался и закреплялся стереотипный и символичный смыслы в культурной семантике «рубахи». В пословице *Рубаха на теле – смерть в плоти* [Даль 1957: 282] содержится скупое, сообразно специфике знака, выражение народного воззрения на мир. В образе пословицы *рубаха* – стереотип необходимой одежды в русском костюме, а также символ естественного существования человека, – противопоставлена смерти; нахождение рубахи на теле в образе пословицы указывает на одежду как отчуждаемую принадлежность, на ее временное, поверхностное соединение с человеком. Образный компонент пословицы *смерть в плоти* указывает на внутреннее, истинное, изначальное свойство тела – оканчиваться, умирать, на присущее телу тление. Ср.: *Рубаха к телу близка, а смерть ближе* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 766]. Пословица в целом выражает идею временности человеческой жизни, содержит прескрипцию предопределенности смерти. Тем самым, образ рубахи в пословице вызывает в сознании квинтэссенцию того содержания, которое «накоплено» костюмным предметом, получившим, в добавление к своему первичному назначению, и культурные смыслы, ставшим знаком костюмного кода культуры. Культурные смыслы входят

добавками в языковое значение лексемы *рубаша*, составляют ее культурную коннотацию, которая выходит на первый план в семантике пословицы.

Костюмный образ *рубаша (рубашка)* может поворачиваться разными сторонами своих культурных смыслов, быть многомерным. В многомерности костюмного образа заключается его долгая жизнь как знака культуры; «рубаша» («рубашка») – знак костюмного кода культуры, ее символ и потому – многозначное иносказание. «В символическом мышлении есть пространство для неисчислимого многообразия отношений между вещами. Ибо каждая вещь со своими свойствами может быть символом множества других вещей, и даже одно и то же свойство может обозначать различные вещи» [Хёйзинга 1995: 206]. Конвенциональность символа парадоксальным образом не отрицает его догматичности; «символ всегда помещается в центр отношения человека и мира и служит интерпретатором окружающей реальности» [Иванов 2002: 112]. А.М. Мелерович такие символные элементы в единстве с эксплицирующими их компонентами в составе фразеологизма называет внутрифразовыми символами. Согласно А.М. Мелерович, они обладают абстрактным, обобщающим значением, абстрагированным от семантики выражающих их слов [Мелерович 1979: 48]. О потенциальных отдельных внутренних формах внутрифразовых символов писал В.Г. Гак [Гак 1972: 377]. Важнейшим критерием символности компонента является его участие в многомерной смысловой парадигме: «Компонент с символным прочтением избирает средой обитания парадигму, обретая свойства символа *sui generis*: 1) чтобы стабилизировать форму, закрепив за ней прочные, хотя и не всегда четко очерченные ассоциации; 2) чтобы упрочить семантическую оболочку и в дальнейшем выполнять дейктическую функцию» [Черкасова 1991: 97]. Так, кровь может быть символом близких родственных отношений, духовных связей, верности и, напротив, непримиримой вражды, войны, смерти. Несмотря на то, что содержание символа, которое есть в той или иной форме, разнится от одной культуры к другой и даже от одного человека к другому [Лич 2001], есть универсальные символы и выражаемые ими универсальные смыслы, позволяющие говорить об интернациональности знаков. Так, компонент *хлеб* в образных выражениях разных языков символизирует пищу, является стереотипом гостеприимства, пропитания, заработка, эталоном обеспеченности и, напротив, сведенного к минимуму, полуголодного существования; ср.: рус. *заработать на хлеб; хлебное место; даром хлеб есть; отбивать хлеб;*

посадить на хлеб и воду; иметь свой кусок хлеба; не иметь хлеба; болг. ям хляб и сол – ‘жить очень бедно’; за единия хляб / за хляба (работать) – ‘зарабатывать мало, только на хлеб’ и др. [Георгиева 2007; Ковшова 2012].

Так и компонент *рубаха (рубашка)* в русских пословицах поворачивается разными сторонами, является «межфразовым» (если воспользоваться термином А.М. Мелерович), межпословичным, становится экспонентом разных культурных смыслов. Это отвечает самому мировоззрению народа, в культуре которого эстетическое и этическое, бытовое и морально-нравственное, духовное составляет «абсолютную слитность» [Мальцев 1981: 23]. Образ *рубаха (рубашка)* в семантике пословиц: 1) добавляет стереотипные представления о нарядности, красоте и чистоте в семантику любовных чувств и отношений: *Миленек Ивашка в белой рубашке* [Даль 1957: 741]; 2) будучи обиходным предметом, который еще и шьется по мерке, является эталоном, т.е. мерой, в определении соответствия, адекватности: *По Ивашке и рубашка* [Даль 1957: 232]; 3) служит стереотипом в изображении простого человека, крестьянина: *Позвать Ивашку, белую рубашку* [Даль 1957: 647]; 4) иронически выражает идею соответствия, когда под видом щёгольства описывает бедность, ограничивающую человека в самом необходимом – у бедного всего одна рубашка, он позволяет себе справить новую только раз в год; ср.: *Щёголь Ивашка: что ни год, то рубашка* [Даль 1957: 91].

4. Выводы. Одежда относится к тем универсальным реалиям, которые преодолевают свое прямое назначение и получают осмысление в духовных областях культуры, в том числе в фольклоре и в таком его жанре, как пословица. Семантика пословиц мотивируется конкретной ситуацией, жизненной или логической, и одновременно с этим является способом семиотизации значимого содержания культуры. Костюмные компоненты пословицы соотносятся не с обобщенными, типизированными денотатами – предметами материальной культуры, но со знаками костюмного кода, с тем культурным содержанием, экспонентами которого данные знаки являются. В неактуализованном режиме или в актуализованном употреблении пословицы ее костюмные компоненты взаимодействуют, с теми смыслами, которые закреплены за денотатом в самой истории костюма, в обрядах, ритуалах, обычаях, в религии, философии, литературе, искусстве; с представлениями, организованными в кодекс отношений и ценностей. Семантика пословиц воспринимается и прочитывается в ходе ее референции к предметной области культуры – архетипам, мифологемам,

стереотипам, символам, концептам и т.п. Коннотации, возникающие в результате культурной интерпретации компонентов, входят необходимыми «добавками» в план содержания пословицы, влияют на варьирование компонентов и являются когнитивно релевантными современному сознанию.

Библиография

Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. Монография. – СПб: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. – 354 с.

Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностр. яз. в школе. – М., 1978. – №4. – С. 23-31.

Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII. – М.: Прогресс, 1982. – С. 5-40.

Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 401.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: УРСС, 2001. – 416 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы). – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – 288 с.

Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 521 с.

Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 144-157.

Георгиева С. Фразеологическая активность концепта «хлеб» в русском и болгарском языках // Культурные концепты в языке и тексте. Сб. науч. тр. Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 64-71.

Гудков Д., Ковшова М. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.

Даль Вл. Пословицы русского народа. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 990 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – Т. II. – 669 с.

Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1983. – Т. 42. – № 4. – С. 320-329.

Ефимова Л.В. Русский народный костюм. – М.: «Сов. Россия», 1989. – 311 с.

Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. – М.: КНИГА ПРИНТШОП, 1990. – 610 с.

Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма. Опыт теоретического рассмотрения. – Минск: ПроPILEI, 2002. – 176 с.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. – М.: УРСС, 2012. – 459 с.

Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. – М.: Гнозис, 2015. – 368 с.

Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. – М.: Прогресс, 1989. – С. 63-81.

Кронгауз М. А. Использование механизмов референции при анализе текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 22 с.

Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов: к использованию структурного анализа в социальной антропологии. – М.: Восточная литература, 2001. – 142 с.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб: «Искусство», 1994. – 399 с.

Мальцев Г.И. Традиционные формулы необрядовой лирики // Русский фольклор. Поэтика русского фольклора. Вып. XXI. – Л.: Наука, 1981. – С. 13-37.

Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Учебное пособие. – Ярославль: Ярославл. гос. пед. ин-т, 1979. – 79 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Опыты фразеографической фиксации и систематизации фразеологии в художественном и публицистическом дискурсах русской речи // Современная фразеология: тенденции и инновации. Монография. – М., С.-Петербург, Брянск: «Новый проект», 2016. – С. 123-195.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

Николаева Т.М. Типы индоевропейского предложения, по Ю.С. Степанову, и грамматика русской поговорки // Языковые параметры

современной цивилизации. Сб. тр. перв. науч. конф. памяти академика РАН Ю.С. Степанова. – М., Калуга, 2013. – С. 88-101.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: (Референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 272 с.

Падучева Е.В. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 411-412.

Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. – С. 247-274.

Прохоров Ю.Е. Пословица // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е. – М.: Большая Росс. Энциклопедия, 1997. – С. 355-356.

Русские народные песни / Сост. и введ. тексты В.В. Варгановой. – М.: Правда, 1988. – 576 с.

Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – Киев: Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.

Смирнова Н.В. Референциальность художественного текста (на материале рассказов В. Набокова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 19 с.

Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина. – Т. 2. – Л.: Наука, 1986. – 326 с.

Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 5-16.

Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука, 1993. – 158 с.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13-24.

Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19-30.

Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка.

Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 776-782.

Толстая С.М. (отв. ред.). Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2011. – 512 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

Фаттахова Н.Н., Кулькова М.А. Народные приметы в разноструктурных языках. – М.: Флинта; Наука, 2013. – 248 с.

Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословиц, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: УРСС, 2007. – 320 с.

Фролова О.Е. Пословицы и поговорки о щегольстве // Традиционная культура: Науч. альманах. – № 4. – М., 2013. – С. 89-95.

Хёйзинга Й. Осень средневековья: Соч. в 3-х тт. – Т. 1. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 416 с.

Черкасова И.Н. Символьный компонент в составе идиом // Макет словарной статьи для Автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. – С. 96-98.

Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1978. – С. 35-52.

Шмелев А.Д. Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих операторов // Референция и проблемы текстообразования. – М.: Наука, 1988. – С. 64-81.

Шмелев А.Д. Референциальные механизмы языка // А.Д. Шмелев. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 13-201.

НКРЯ. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения – 03.03.2017).

<https://www.chitalnya.ru/work/979764/> [Электронный ресурс]. (Дата обращения – 03.03.2017).

<https://deti.mail.ru/news/filipp-kirkorov-gotov-snova-stat-otcom/>

[Электронный ресурс]. (Дата обращения – 03.03.2017).

<https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%BF%D1%82%D>

[0%B8](https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%BF%D1%82%D) [Электронный ресурс]. (Дата обращения – 03.03.2017).

<http://mams-club.ru/forum/40/16376/390573/index.html>

[Электронный ресурс]. (Дата обращения – 03.03.2017).

http://detskiychas.ru/proverbs/poslovitsy_pro_lapty/

[Электронный ресурс]. (Дата обращения – 03.03.2017).

Глава 5

ПОСЛОВИЦА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В. М. Мокиенко

2016 год стал для нас годом завершения многолетнего лексикографического начинания – словаря «Фразеология в русской поэзии» (Мелерович, Мокиенко, Якимов 2016). Принципы описания индивидуально-авторских трансформаций фразеологии первоначально разрабатывались нами в основном на прозаических художественных текстах. Так была создана типология фразеологических трансформаций (Мелерович, Мокиенко 1987, 1988, 1997, 2001, 2005, 2008, 2008а, 2011, 2013), апробированная конкретным анализом и нашедшая подтверждения в трудах наших единомышленников (Фокина 2007, Третьякова 2011 и др.). Приступая к работе над словарём поэтической фразеологии, мы сознавали специфику поэтического текста по сравнению с текстом прозаическим. Это осознание подтверждалось и фундаментальными лингвостилистическими исследованиями поэтических текстов, нашедшими отражение и в словарном жанре – особенно в многотомной серии «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП). И тем не менее, конкретная работа над конкретными фразеологическими и паремиологическими преобразованиями в творчестве поэтов показала неизмеримость креативных потенциалов, источаемых энергией стиха.

Стихотворный текст органически соединяет в себе дихотомию формы и содержания. И художники слова, ставя акцент то на первом, то на втором полюсе этой дихотомии, высекают особую эстетическую энергию из их взаимодействия. Один из основателей Пражской лингвистической школы Я. Мукаржовский, посвятивший специальную штудию функционированию пословиц в классическом романе Божены Немцовой «Бабушка» (Mukařovský 1971), назвал эту энергию «вибрацией смысла» (*oscilace smyslu*). Это метафорическое определение как нельзя более точно подходит к характеристике индивидуально-авторских трансформаций пословиц и в поэтическом тексте. Здесь, пожалуй, такая «вибрация» имеет гораздо более широкий диапазон, чем в прозаических текстах, ибо рифма и ритм

«подсказывают» более неожиданные девиации смысла и формы, возносящие поэта иногда и к непредсказуемым ассоциативным высотам.

Следить за таким паремиологическим восхождением и описывать его в словарных статьях – задача необычайно трудная, но захватывающая. Продемонстрируем некоторые примеры описания поэтических употреблений пословиц в нашем словаре.

1. ЧУЖУЮ БЕДУ РУКАМИ РАЗВЕДУ (А К СВОЕЙ УМА НЕ ПРИЛОЖУ). *Посл. Разг.* Трудности, беды других кажутся легко преодолимыми, свои же представляются неразрешимыми.

Смысловые «флюиды» этой пословицы связаны с древними мистическими способами лечения, распространенными в русских деревнях. Знахари исцеляли больного и снимали боль, прикладывая к соответствующему месту руку. Ср. выражение **как рукой снимет** ‘бесследно исчезнет (обычно о боли, болезни, неприятных ощущениях)’, известное и другим европейским языкам (напр., фр. *ôter le mal comme avec la main* – букв. снять боль как рукой). «Снятие» или «разведение» рукой боли и других бед имело и магическое значение, адекватное заговорам и гаданиям на воде – гидромантией. Отсюда вариант пословицы: **Как чужую беду – я руками (водой) разведу, а на свою на беду – сижу да гляжу;** укр. *Чужу біду на воді розведу, а своїй кінця не знайду*. Позднее обороту **руками разведу** в составе пословицы начали придавать более конкретное, «материальное» значение. Логически пословица построена на смысловом противопоставлении иррационального, мистического (**руками разведу**) способа избавляться от невзгод и рационального, требующего интеллектуальных усилий (**ума не приложу**).

Апелляция к исходному «целительному» смыслу пословицы ощущается в некоторых её контекстах. При этом, как нередко бывает в поэтическом тексте, трансформация формы может сопровождать смысловую апелляцию, даже усиливать её. Показательный пример – превращение пословицы в поговорку **чужую беду руками развести** ‘помогать товарищам, близким людям справиться с бедой, облегчить их положение’ в духе процесса имплицирования, сформулированного А.А. Потебней (Потебня 1894, 1976). Ю. Друнина в стихотворении «Памяти Бориса Слуцкого», апеллируя к исходной семантике этой паремии, усиливает её ещё одним поэтическим образом – образом *лаврового венка*, которым был увенчан её герой, обладающий способностью разводить чужую беду руками:

Нам жилось и дышалось легче,
Оттого что был рядом друг,
Не умевший сутулить плечи,
По призванию политрук.
Комиссар, что единым словом
Полк в атаку поднять бы мог...
Знаменитый поэт, *лавровый*
Он с усмешкой носил венок.
Подлецы перед ним смолкали,
Уползали льстецы с пути.
Мог чужую беду руками...
развести.

В другом поэтическом тексте пословица также обретает форму поговорки. Но уже – с отрицанием, в некотором смысле снижающим «сакральность» процесса «разведения беды». Герои стихотворения О. Кучкиной «В деревянном доме» **руками не раз разводили беду**, т.е. ‘многократно («не раз») предотвращали беду «руками», не вооружаясь специально для этого’:

Входили в калитку, к крыльцу поспешали.
тащили поклажу, вино и еду,
весельем заброшенный дом оглашали,
руками не раз разводили беду.
Да где же **беда!**.. Просто что-то попало
в глаза как соринка, и чувство как сон,
что *нечто упало и с возу пропало*,
и муж не жених и уже не влюблён...

Как видим, здесь понятие «беды» релятивизируется, багателизируется. Беда превращается в нечто, безвозвратно потерянное за ненадобностью, хотя некогда раздражающее как соринка в глазу или мимолетный сон. Такую беду и разводить руками не надо – это не стоит мистических, сакральных усилий.

Процесс имплицирования пословицы в поговорку, как показывает специальный лингвистический анализ, нередко диалектически уравнивается противоположным процессом – процессом эксплицирования, развёртывания. И наша пословица тоже демонстрирует такое единство противоположностей. В контексте известного стихотворения А. Ахматовой «Причитание» расширение компонентного

состава пословицы прилагательным **ленинградский** делает её символом блокадного Ленинграда с неизбывными, «не разводимыми руками» бедами. **Ленинградскую беду руками не разведу** – это кричащий поэтический символ всенародного бедствия, горя, которое невозможно забыть:

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В земле не зарюю.
За версту я обойду
Ленинградскую беду.
Я не взглядом, не намёком,
Я не словом, не попреком,
Я земным поклоном
В поле зеленом помяну.

2. ЧУЖАЯ ДУША ПОТЁМКИ. *Разг.* Невозможно узнать, понять, разгадать мысли, чувства, намерения другого человека.

Метафорический смысл пословицы прозрачен, а её народное происхождение маркировано и разговорным словом **потёмки**, и вариантами пословицы, зафиксированными в разных регионах России: **Чужая душа – тёмный лес; Чужая душа – тёмный бор; Чужая душа не гумно: не заглянешь; В чужую душу не влезешь.** Восходит к анимистическим представлениям о невозможности познать душу другого человека, проникнуть в неё. По христианским представлениям, это дано лишь Богу: «Я есмь испытующий сердца и внутренности» (Апок., 2, 23); «Я смотрю не так, как смотрит человек, ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце» (Царств, 16, 7); «Господь испытует все сердца и знает все движения мыслей» (1 Паралипом., 28, 9); «Ты испытуешь сердца и утробы, праведный Боже!» (Псалтырь, 7, 10; Ср. Иеремия, 11, 20). Влезть в чужую душу может также нечистая сила (ср.: в него **бес вселился**), если кто-л. грешен и неосторожен (Мих., 2, 521; Мих., 1, 163).

В поэтических употреблениях эта пословица так же, как и пословица **Чужую беду руками разведу...** претерпевает процесс имплицирования, свёртывания во фразеологизм. При этом исконный «душевный» смысл её не только не теряется, но даже обостряется.

Характерны в этом смысле иронические преобразования пословицы в окказиональные фразеологизмы в «Гариках на каждый день» И. Губермана. В первом случае окказионализм **потёмки души** усиливается негативно

окрашенными словами-сопроводителями, подчёркивающими опасный характер душевной «темноты», доходящей до фашизма:

**Окраины, провинция души,
где мерзость наша, низость и потёмки**
годами ждут момента. А потомки
потом гадают, как возник фашизм.

Во втором случае И. Губерман, создавая тот же окказиональный фразеологизм, уточняет его прилагательным **неустроенный**, чем придаёт ему иную пространственно ориентированную семантическую направленность:

Все вечные жиды во мне сидят –
пророки, вольнодумцы, торгаши,
и, власть жестикулируя, галдят
в потёмках неустроенной души.

И. Губерман. Гарики на каждый день.

Характерны и попытки поэтического «опровержения» народной мудрости, заключённой в этой поговорке. При этом полемика с её смыслом ведётся путём развёртывания контраргументации – например, формулировкой условий, в которых чужая душа может не быть «потёмками» – **Чужая душа не потёмки, если светится мысли ночник:**

Верю я, что оценят потомки
Строки ночью написанных книг, –
Нет, чужая душа не потемки,
Если светится мысли ночник.
И, подвластные вечному чувству,
Донесутся из мрака времен
Трепет совести, тщетность искусства,
И подавленной гордости стон.

А. Гитович. Надпись на книге «Лирика китайских классиков».

К той же полемике подключается и другой поэт, раскрывающий свою молодую душу читателям:

Нам **чужая душа не потёмки**
И не блеск Елисейских полей,
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших людей...

Ю. Кузнецов. «Для того, кто по-прежнему молод...»

Возможно, впрочем, не только оправдание мудрого негативного смысла пословицы, но и расширение этого смысла на более широкие горизонты – например, на всю человеческую жизнь. Путём замены слова **душа** на **жизнь** создаётся, в сущности, новый афоризм **Всякая жизнь чужая – потёмки** с обобщённым смыслом о непостижимости поступков и обстоятельств жизни любого человека:

От ранней подруги своей
Для позднего брака
Ушёл. Захотелось детей,
которые благо.
И сызнава – только держись!
Углы, комнатёнки.
**И всё-таки всякая жизнь
Чужая – потёмки.**
У каждого доля своя,
Судьба или сила.
И новая эта семья
Его оглушила.
Седой. Как мальчишка одет.
С коляскою – в гору.
И видно, что это не дед,
По скучному взору.

К. Ваншенкин. «От ранней подруги своей...»

Поэтический текст нередко подвергает пословицу таким преобразованиям, что её прототип становится почти неузнаваемым. И тогда любой читатель может оспорить атрибуцию такого текста к паремиологическому источнику. Так, на суд читателя можно оставить стихотворение Новеллы Матвеевой «Телепатия», которое возможно, но не безусловно, является перефразировкой пословицы о «потёмках чужой души»

Да, вы гордецы, я уверена в этом!
Вы не поклоняетесь авторитетам.
В особенности не имеющим власти,
Не очень здоровым и плохо одетым.

Такие случаи мы старались отражать в своём словаре минимально, не провоцируя читателя на извечные дискуссии о том, является ли такой

поэтический текст вариантом поговорки или создан художником слова самостоятельно, – боговдохновенно.

3. ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ (ПЕРЕЖИТЬ) – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ.

Жизнь чаще всего не легка; в жизни обычно бывает много трудностей, испытаний; встречается добро и зло, и хорошее и плохое.

Пословица представляет собой отрицательное сравнение, типичное для русского фольклора (ср. *Голод не тетка, Дело не медведь*) и уже потому исконное. Она употреблялась также в вариантах: *Жизнь пережить – не поле перейти, Век пережить – не поле перейти*. Последний вариант, видимо, – самый древний, ибо в записи XVII–XVIII вв. он сохраняет рифмованную форму: *Век пережить – не поля перейти*. Ср. также: *Жизнь изжить – не лапоть сплести; Жизнь прожить – не море переплыть; Жизнь изжить – и других бить, и битую быть* и т. п. Близкие по смыслу поговорки имеют иную образность: *Жизнь прожить – не мутовку облизать; Жизнь прожить – что море переплыть; На веку, как на долгом волоку; На веку – не на боку: всего будет; На веку живёт притчей много*.

Не менее богаты варианты поговорки в близкородственных языках: бел. *Жыццё (жытку) пражыць – не поле перайсці [і не песеньку спець]; Жыццё пражыць – не лаці сплесць; Жыццё пражыць – не штаны знасіць; Жытку пражыць – не люльку выкурыць; Жысць пражыць – не канфетку з’есці; Век пражыць – не кашулю пашыць; Век пражыць – ір не палукашак пашыць; Век зжыць – не мех сшыць; Жыць – не мех шыць; Век звекаваць – не пальцам паківаць; Век пражыць, як у ступе пратаўчы* и др.; укр. *Вік прожити (пережити) – не поле перейти; Вік прожити – не річку перейти; Життя прожити – не поле перейти; Життя прожити – не лапті сплести; Життя прожити – не люльку викурити; Життя прожити – не те, що ложку облизати; Життя прожити – не ябка вкусити; Вік прожити – не дощову годину перестояти; Вік прожить – не цигарку спалити; Вік ізвікувати (провікувати) – не в гостях побувати; Вік ізвікувати – усього повидати; Вік не вилами перепхати* и др.

Такие поговорочные сопоставления позволяют и предельно конкретизировать образ трудной человеческой жизни, противопоставляемой ровному полю. Так, у украинцев она уподобляется уже прямо стерне – сжатому полю с жёсткими остатками стеблей, о которые можно больно уколоться: *Життя як шержиста (терниста) нива: не пройдеши, ноги не вколовиши*. Ясно, что такой образ мог родиться именно у

тех, для кого пахотное поле – и источник жизни, и её многотрудный смысл, т. е. крестьян, землепашцев.

В поэтическом употреблении эта русская пословица обретает особо возвышенную символику. Так, у Б. Пастернака она становится символом осознания лирическим героем всеобщей предопределённости, которая не избавляет от ощущения необходимости выбора решений, поступков, судьбы.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт иная драма,
И на этот раз меня уволь.
Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не поле перейти.

Б. Пастернак. Доктор Живаго.

Почти не выходит за рамки традиционного употребления трансформация, основанная на замене первого глагольного компонента контекстуальным синонимом – **Жизнь пройти – не поле перейти**. Традиционность здесь даже специально оговаривается фразой «в народе говорится»:

Неспроста в народе говорится;
«Жизнь пройти – не поле перейти».

А солдату вовсе не годится
Где-то застревать на полпути.

В. Матвеев. Солдат.

В поэтическом употреблении этой пословицы представлены два основных типа трансформаций, отражающих диалектической характер динамики развития языковых единиц – как имплицирование, так и эксплицирование исходной паремии. Оригинально вычленение из нашей пословицы окказионального оборота **поле пройдено** с заменой первой её части на выражение **сделано дело**. Их сочетанием образуются параллельные конструкции со значением ‘предназначение поэта исполнено’:

У поэта соперников нету
Ни на улице и ни в судьбе,
И когда он кричит всему свету,

Это он не о вас – о себе...

<...>

Но когда достигает предела

И душа отлетает во тьму –

Поле пройдено. Сделано дело.

Вам решать: для чего и кому.

То ли мёд, то ли горькая чаша,

то ли адский огонь, то ли храм...

Всё, что было его, – нынче ваше.

Всё для вас. Посвящается вам.

Б. Окуджава. У поэта соперников нету...

Последняя строфа этого стихотворения, как видим, подчёркивает неопределённость и в то же время судьбоносность предназначения, исполненного лирическим героем.

Фразеологизм **перейти поле**, образованный свёртыванием пословицы, диалектически обогащается расширением эпитета **каменистый**, что усиливает исходную семантику: сочетание **своё перейти каменистое поле** означает ‘прожить трудные годы; испытать горести и радости’:

Мы навек сговорились

не трогать пронзительной боли,

не сходиться глазами

так близко, что холодно близким.

Я своё перешла, ты – своё

Каменистое поле,

Ох, как там клокотало и билось

Высокое с низким!

Ю. Мориц. Синий огонь.

Тип имплицирования пословицы в поговорку представлен и в образовании фразеологизма **идти по жизни** в стихотворении А. Жигулина «Дорогие родители!..»:

И пошёл я по жизни

В извечном душевном раздоре...

Вполне вероятно, однако, что здесь мы имеем дело не с трансформацией пословицы о поле и жизни, а с самостоятельным словосочетанием – ср. **пройти свой жизненный путь**.

Представлен в поэтическом употреблении нашей пословицы и обратный процесс преобразований паремий – её эксплицирование в более развёрнутую языковую единицу. Типично, например, уточнение «полевой» ситуации с помощью конкретного крестьянского земледельческого орудия – сохи:

Век прожить – не поле

Пройти за сохою

Кручину, что тучу,

Не уносит ветром.

А.В. Кольцов. Песнь Лихача Кудрявича.

Расширение компонентного состава здесь характеризует главного героя поэзии А.В. Кольцова – крестьянина и подчёркивает исконный народный колорит пословицы.

Иная символика поля – не пахотного, а боевого – представлена в стихотворении А. Жигулина «Поле боя». При этом глагол **прожить** опускается, структурная «жесткость» пословицы нарушается, а обобщённый смысл её сужается благодаря экспликации заложенной в ней метафоры в формально выраженное сравнение:

Что *жизнь* – она как это поле,

И надо поле перейти.

А. Жигулин. Поле боя.

Сопоставляя употребления фразеологизмов и пословиц в поэтическом и прозаическом текстах, можно обнаружить немало общего и в структурно-семантических типах их трансформаций, и в семантических эффектах, производимых последними, и в стилистическом нюансировании, достигаемом ими. Тем не менее, как показывает анализ конкретных примеров в этой статье, индивидуально-авторские преобразования пословиц обнаруживают и существенные отличия от фразеологических трансформаций. Уже сама законченность структуры пословицы и её дидактический смысл накладывают некоторую специфику на её преобразование поэтами. Пословица, как мы видели, становится объектом диалектического процесса, характерного для развития языковой системы в целом. С одной стороны, она может имплицироваться во фразеологизм, теряя свою логическую и дидактическую законченность и пополняя ряды оригинальных словосочетаний. С другой стороны, она может эксплицироваться, создавая более конкретную, индивидуальную «привязку» к поэтическому тексту и обогащая исходную символику,

заложенную в пословице. Тем самым создаётся особая эстетическая энергия – «вибрация смысла», создающая неповторимость поэтического Слова.

Разрабатывая лексикографическую матрицу индивидуально-авторских (resp. речевых) преобразований пословиц и фразеологизмов, А.М. Мелерович неутомимо прочитывала километры поэтических текстов – от Пушкина до наших дней и посвятила этому творческому прочтению большую часть своей жизни. Словарь «Фразеология в русской поэзии» стал не просто итогом такого прочтения, но и смыслом научной жизни Юбиляра – полем, которое пройдено умелым и опытным словопашцем, у которого, как и у поэта, – «соперников нету...». И можно повторить за поэтом:

Поле пройдено. Сделано дело...

Всё для вас. Посвящается вам.

А читателям Словаря предстоит самим решать – для чего и кому посвящен этот труд, в который Алина Михайловна Мелерович вложила свою исследовательскую и поэтическую душу.

Библиография

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Проспект словаря индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц в современном русском языке // Бушуй А.И. Основные вопросы теории фразеологии. Библиографический указатель фразеологии. – Вып. 6. Самарканд: СамГУ, 1987. – С. 153-236.

Мелерович В.М., Мокиенко В.М. О принципах словаря индивидуально-авторского употребления фразеологических единиц в современном русском языке // Советская лексикография. Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 101-116.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: «Русские словари», 1997. – 864 с.; изд. 2-е. – М.: «Русские словари, Астрель», 2001. – 855 с.; изд. 3-е. – М.: «Русские словари, Астрель», 2005. – 855 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Опыт школьного фразеологического словаря. В 2 т. Т. 1. А–Л. – 341 с. Т. 2. М–Я. – 336 с. / сост. А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, И.Ю. Третьякова и др.; под ред. А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 456 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеология в русской поэзии (проспект учебного фразеологического словаря / Сост. А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, И.Ю. Третьякова, А.Е. Якимов. Под ред. А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 122 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е. Фразеология в русской поэзии. Словарь. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. (в печати).

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб. – Т. 1, 1902. – 779 с. Т. 2, 1903. – 580+250 с.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков, 1894. – 162 с.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // А.А.Потебня. Эстетика и поэтика. – М.: «Искусство», 1976. – С. 464-560.

СЯРП: Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–V– / Отв. ред. В.П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. – М., 2001–2013. (издание продолжается)

Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология: монография. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2011. – 290 с.

Фокина М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX – XX вв.: Научная монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 378 с.

Mukařovský Jan. Přísloví jako součást kontextu // Cestami poetiky a estetiky. Praha, 1971. – S. 277–359.

Глава 6

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПАРЕМИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

О. И. Натхо, Т. А. Ширяева

Паремии являются двухаспектными языковыми единицами, воплощающими языковые и фольклорные компоненты, основной функцией которых является аккумуляция, фиксация, хранение и трансляция определенных традиций этноса. Данные характеристики позволяют паремиям находиться на одном уровне с другими формами культуры и являться зеркалом этой культуры. Системная совокупность паремий образует нечто вроде сети, которая отфильтровывает информационный поток и улавливает в нем узнаваемые и релевантные «сгущения смысла», в чем проявляется базовая аксиоматика естественного языка, а именно: паремия является языковым знаком, обладающим семиотической функцией, осуществляющим перенос необходимой информации, универсальных и личностных знаний в процессе речевого общения, предполагающего, в первую очередь, организационную структурность, в основе которой лежит система знаний человека о мире и осмыслении этих знаний в результате коммуникации. Английские же паремии являются отражением самосознания английского народа при помощи языка, это информация о внешнем и внутреннем мире английской культуры, закрепленная определенными языковыми средствами [Натхо 2008: 37] (см. тж.: [Мелерович 1998: 275; Федулёнок 1998: 122]).

Принимая во внимание, что язык основан на когнитивном приобретении опыта (когнитивная составляющая) и использовании накопленных знаний в процессе коммуникативного взаимодействия (дискурсивная составляющая), считаем, что когнитивно-дискурсивный анализ паремий предполагает определение того, какую роль они играют в процессах когниции и коммуникации.

Изучение единиц паремиологического фонда без учета особенностей их функционирования является достаточно однобоким и зачастую даже малопродуктивным, так как не отвечает базовым методологическим

принципам комплексности, системности и взаимодополняемости [Федуленкова 2011: 206; 2012: 161]. Мы считаем необходимым аргументировано продемонстрировать насущную необходимость изучения паремий именно в рамках их функционально-дискурсивной направленности. Сама функциональная самоорганизация языка обуславливает исследования паремий в дискурсе.

Не секрет, что в основу механизма образования паремиологических единиц положено явление функциональной языковой самоорганизации, базисом которого выступает принцип приобретения всеми единицами языка прагма-семантических свойств, не выводимых из тривиального сложения семантики элементов, входящих в нее. В результате самоорганизации языка происходит формирование нового синергического смысла, отличающегося и не выводимого из простого суммирования значений этих элементов. Данное явление описывал еще Л.В. Щерба, утверждая, что в языке появляются именно новые смыслы, а не сумма смыслов, получившиеся в результате их сложения, и эти правила, как отмечал академик, значительно важнее правил синтаксиса [Щерба 2004: 24]. Именно данный принцип является одним из основополагающих в образовании и функционировании паремий.

Таким образом, очевидной представляется значимость таких единиц, как паремии, для повышения прагмакоммуникативной эффективности дискурса. Это еще раз подчеркивает тот факт, что одним из наиболее актуальных и плодотворных направлений в исследовании паремиологических единиц является анализ их функционирования в различных видах дискурса, в особенности публицистическом (и, как следствие, научно-популярном) дискурсе, так как именно в нем посредством передачи когнитивного содержания от адресанта адресату через текст в его речевом воплощении [Багиян, Шлейвис 2016: 53] функция воздействия приобретает большую, по сравнению с функцией сообщения, роль [Пономаренко 2010].

Следующий аргумент в пользу изучения паремий в рамках их функционально-дискурсивной направленности основан на понимании функциональной системы, которую представляет из себя сам язык.

Согласно «Тезисам Пражского лингвистического кружка», предложенным I Международному съезду славистов в Праге в 1929 г., язык был определен как функциональная система, иными словами, система средств выражения, которые служат определенной цели [Пражский лингвистический кружок 1967]. В данном научном сборнике также

подчеркивается, что синхронному состоянию языка свойственна не только системность, но и динамичность, а языковая эволюция, в свою очередь, имеет не только динамичный, но и системный характер. Именно поэтому неизменной актуальностью отличаются исследования как системных (стабильных), так и эволюционных (подвижных) языковых свойств. К числу обозначенных свойств относится и способность паремий не только иметь устойчивую исходную визуальную форму, но и реализовывать эволюционные трансформации, инициирующие новые различные структурно-смысловые варианты.

Итак, мы, вслед за О.Н. Антоновой, приходим к выводу, что «фонд паремий в английском языке является динамической подсистемой, которая потенциально способна эволюционировать и, следовательно, незамкнутая; она осуществляет обмен информацией с внешней средой (это общая система языка, индивидуальное и массовое сознание участников коммуникации, различные параметры ситуаций общения)» [Антонова 2012: 11].

Теория прецедентности является еще одним фактором, говорящим о необходимости изучения паремий в их функционально-дискурсивной направленности.

Неразрывная связь феномена прецедентности с дискурсом прослеживается еще в работах Ю.Н. Караулова, который впервые ввел данную составляющую в область языкознания, создав понятие «прецедентный текст» и определив его как текст, зафиксированный в ментальном пространстве (сознании) носителя языка определенной языковой общности; являющийся фактом культуры, значимым для языковой личности и всей языковой общности; многократно обновляемый в дискурсе каждой языковой личности [Караулов 2010: 216].

Руководствуясь представленным определением, нельзя не отметить явную связь прецедентных текстов не только с дискурсом, но и с паремиологическими единицами. В пользу данной взаимосвязи говорит целый ряд научных положений, а именно: изначально прецедентные тексты рассматривались лишь в рамках их соотнесенности с художественными текстами. Однако позднее появилось более развернутое определение, согласно которому они являются прецедентными феноменами как национальной, так и мировой культуры, известными каждому носителю языка, закрепленными в их сознании и повторяющимися в повседневном дискурсе. В данном понимании явно прослеживается не просто связь, но соотносимость понятия прецедентного феномена и паремии, так как

наблюдается практически полное совпадение их прагматических установок и особенностей функционирования. Здесь, на наш взгляд, важно подчеркнуть не просто дискурсивную, но когнитивно-дискурсивную составляющую рассматриваемых феноменов. Как видим в приведенном определении, прецедентными текстами демонстрируется способность фиксации знаний в сознании индивида и целой нации (этноса), а также их актуализации.

Исследуя проблему полиноминативности прецедентных текстов и их сложный интердисциплинарный характер, многие ученые [Слышкин 2000; Санчес Пуиг и др. 2001; Díaz Verdín 1970; Fernández-Sevilla 1983; Casado Velarde 2008] также говорили о необходимости причисления паремий как вида «чужого слова», к данной области. А учитывая принадлежность паремий к области фразеологии, важно отметить мнение В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой относительно того, что прецедентные тексты, не являясь словами, воспроизводятся в речи с уже фиксированной структурой, то есть в их «готовом» виде, что, несомненно, сближает рассматриваемый феномен с фразеологическими единицами (а, значит, и паремиями) в широком понимании [Костомаров, Бурвикова 2001: 37]. Здесь, однако, стоит сделать оговорку: несмотря на соотносимость фразеологизмов с прецедентными высказываниями, фразеологизация прецедентных высказываний требует проведения отдельных исследований.

Исходя из рассмотренных определений, можно утверждать, что единицы паремиологического фонда являются прецедентными феноменами, и для проведения их адекватного исследования и восприятия они должны рассматриваться в рамках их функциональной сферы. Об этом, в частности, говорит и Е.О. Наумова, которая считает прецедентные тексты единицами языковой способности, декодирующимися только в процессе их функционирования, т.е. при соотнесении с интенциями языковой личности и с коммуникативной ситуацией [Наумова 2004: 12].

Итак, мы считаем важным особо выделить тот факт, что паремиологические единицы являются в широком понимании прецедентными текстами и вследствие этого обладают тем же набором основных и функционально-прагматических характеристик. Мы придерживаемся точки зрения Л.В. Моисеенко, согласно которой, прецедентные тексты (именуемые также прецедентными единицами и прецедентными феноменами) являются рекуррентным фрагментом любого дискурса (политического, публицистического, художественного,

рекламного, научно-популярного и т.д.), «зафиксированного в сознании языковой личности и функционирующего согласно интенциям говорящего в дискурсе» [Моисеенко 2015: 29]. Из чего следует, что прецедентные тексты (а, значит, и паремии) обладают следующими свойствами:

– представляют собой репрезентанты прецедентных концептов – используемых в мышлении ментально-вербальных единиц для представления, концептуализации, категоризации и оценивания окружающей действительности при конструировании картины мира, а также ее отдельных фрагментов [Нахимова 2007];

– являются эмоционально значимыми для носителей той или иной лингвокультуры [Воропаев 2012];

– представляют собой уникальную систему ассоциативных связей, которые вызываются прецедентом в сознании носителя языка [Голубева 2008];

– в функциональном аспекте имеют четкую продуктивную (со стороны говорящего) и перцептивную (со стороны слушающего) маркированность, особенно ярко проявляющуюся на фоне находящихся рядом нейтральных высказываний;

– являются прецедентными культурными знаками, указывающими на семиотическую природу означаемого, его активную включенность в процесс коммуникации и соотнесенность с комплексом национально-культурных знаний [Пикулева 2003: 23];

– представляют собой редуцированный (свернутый) дискурс со стоящими за ним ситуацией или текстом [Костомаров, Бурвикова 1996: 297];

– являются единицами языкового сознания, актуализирующимися в дискурсе;

– принцип прецедентности является отправной точкой в процессе экстрагирования прецедентных текстов (феноменов) в профессиональной сфере [Астафурова 1999] (что особенно актуально для исследования научно-популярного делового дискурса).

Представленный комплекс сущностных свойств паремиологических единиц с точки зрения теории прецедентности еще раз подтверждает теоретические предпосылки, в числе которых – неразрывная связь английского паремиологического комплекса с концептуальной, эмоциональной, этнокультурологической, семиотической и дискурсивной составляющими, что делает английские паремии неотъемлемым предметом

исследования в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы [Натхо, Ширяева 2016: 53-54].

Нами был проведен концептуальный анализ паремиологических единиц на материале современных фразеологических и паремиологических словарей английского языка. Принимая во внимание проанализированные нами лексико-семантические характеристики англоязычных паремий, равно как и частотность их употребления в современном английском языке, нам удалось выявить наиболее значимые константы, положенные в основание как лексико-семантической классификации, так и концептуального структурирования.

Лексико-семантическая группа	Соответствующие концепты
Изображение жизненных ситуаций и поведения человека в них	«жизненная ситуация», «человек»
Эпизоды повседневного быта	«быт»
Устройство общества и социальной иерархии	«общество», «социальный статус»
Наблюдения за явлениями природы	«природа», «погода»
Отражение обычаев и традиций	«обычай», «традиция»
Факты профессиональной деятельности	«профессия»
Свободное времяпрепровождение	«досуг»
Исторические события	«история», «персоналия»
Попытки осмысления неизвестного и таинственного в окружающем мире	«мистика»

Итак, в рамках проведенного лексико-семантического и концептуального видов анализа было выявлено 14 базовых концептов и 9 коррелирующих с ними лексико-семантических групп, лежащих в основе английской паремиологической картины мира.

Хотелось бы отметить, что в рамках проводимого исследования концепт как одно из основных понятий когнитивно-дискурсивной

парадигмы рассматривается нами, вслед за О.А. Алимуратовым, как дискретная ментальная единица, обладающая системным и структурным характером; она принадлежит к концептосфере, что обуславливает ее сущностные характеристики, а концептосфера, в свою очередь, представляет собой развивающуюся динамически совокупность концептов, которые объединены многонаправленными связями системы [Алимуратов 2006: 5].

На наш взгляд, важно подчеркнуть, что необходимость и продуктивность рассмотрения и анализа концептуального пространства паремий обуславливается тем, что весь когнитивный потенциал паремиологического фонда заключается в выстраивании абстрактного значения паремий на основе привычных, знакомых и, как следствие этого, понятных для представителей определенной лингвокультуры концептов. Таким образом, паремии можно рассматривать как некие мини-теории, объединяющие, подытоживающие и компактно кодирующие множество различных ситуаций [Honeck 1997: 103]. Таким образом, изначально присутствующие паремиологическим единицам полисемантическую, полифункциональную и интенциональную наделяют паремии значительной концептуальной силой [Honeck, Temple 1994].

Итак, будучи когнитивно-дискурсивными феноменами по своей природе, паремии, как показывают исследования отечественных и зарубежных специалистов, эффективно функционируют в различных типах дискурса.

Остановимся более подробно на некоторых особенностях функционирования паремий, вербализующих представленные выше базовые концепты, в разных видах дискурса; последнее будет способствовать более точному выявлению основных функциональных характеристик единиц паремиологического фонда. Учитывая значительное количество выявленных концептов, мы приведем лишь примеры паремиологической вербализации концептов «жизненная ситуация» и «человек», так как, согласно проведенному нами анализу, данная группа является наиболее многочисленной.

В качестве первого примера рассмотрим реализацию в дискурсе паремии *A fool and his money are soon parted*:

You do not want to walk around Las Vegas with a picture in your pocket of a man who went bankrupt. Irrefutable. I asked her to give me hundreds. As she counted out the money, I looked down at sweet, smiling Ben Franklin. I recalled

that he had a weakness for fallen women. I recalled that he said, 'A fool and his money are soon parted'. I recalled that he discovered electricity – so Vegas could one day look like a phosphorescent candy cane. [Smithsonian, 2010].

В данном примере обозначенная паремия представлена в своем полном структурном виде и не сопровождается далее никакими пояснениями, что демонстрирует использование паремии как сугубо «циркулируемого текста», демонстрируя классическое функционирование данных единиц. Тем не менее, при полном сохранении структурной модели паремии автор дискурсивного произведения частично преобразует ее коннотационную составляющую посредством использования контекстуальной иронии. Таким образом, использование паремии в ироническом контексте способствует выражению авторской характеристики персонажа и его мировоззрения. Важно также подчеркнуть, что функционирование паремии в рамках контекстуальной метафоры в данном случае происходит в рамках научно-популярного дискурса (журнал Smithsonian), прагматические пресуппозиции которого позволяют и в некоторой степени даже способствуют использованию подобных языковых единиц:

Tom, the boat shop's ace mechanic, started to explain to me how to put up the boat's tonneau cover, snapping its buttons, putting up its shafts. I kept hitting myself on the head with its support bar. 'Just forget about it, Tom,' I said. 'I'll buy a cover for it with elastic. I'm not getting into this tonneau thing'. Tom shrugged. 'A fool and his money are some party,' as my pal Peter Feirabend says. I think that's what I'll call my boat. 'A Fool and His Money'. [American Spectator, 1995].

Представленный отрывок является примером функционирования паремии в художественном дискурсе, демонстрирующим использование паремии в ироническом контексте и очевидную эффективность их взаимодействия, что закономерно с учетом понимания иронии как комплекса эмоционально-познавательных процессов, а иронического дискурса – как продукта «интеракции между эмоциональным и когнитивным началами в мыслительной и речевой деятельности любой языковой личности» [Заврумов 2014: 220], в котором самой иронией отражается критическая оценка объектов действительности продуцентом дискурса. Таким образом, наличие существенного количества схожих когнитивно-дискурсивных установок делает использование паремиологических единиц в ироническом дискурсе абсолютно закономерным и обоснованным.

В приведенном примере наблюдается изменение изначальной структуры паремии, причем отмечается не простое усечение какой-либо части высказывания, но использование построенного на омонимии каламбура, что делает паремию центральным стилистическим элементом в данном художественном ироническом дискурсе. Подобная трансформация исходной паремиологической формы полностью преобразует всю ее смысловую составляющую и прагматические установки, иными словами, происходит смена эмоционально-прагматической полярности паремиологической единицы.

Оба примера наглядно показывают, что, несмотря на структурное постоянство и в некоторой степени клишированность паремиологических единиц, их нельзя воспринимать как сугубо застывшие семантические сущности, отражающие многовековой опыт народа и сохраняющие его в долговременной памяти индивида. Каждый коммуникативный акт уникален по своей природе, поэтому паремия, используясь в любом из них, каждый раз выстраивает свое значение в коммуникации заново. Данный процесс обуславливается, прежде всего, самой динамической природой того или иного дискурса. Иными словами, паремии используются в дискурсивных произведениях как маркеры речевых ситуаций, имеющих различные речевые цели.

Рассмотрим следующий пример, показывающий использование паремии *A drowning man catches at a straw* в публицистическом дискурсе:

*Warm blood dripped from the cut skin of his hands and congealed tackily on the glass-strewn floor. It took him a long moment to reorient himself, then the full horror of the situation his mind had briefly managed to leave behind resurfaced. His right fist was clenched around his tie like **a drowning man clutches at a straw**. How long had he lain here? Surely dawn-and blessed release from this nightmare-was soon at hand?* [India Currents, 2006]

В данном случае используется один из исходных вариантов паремии *A drowning man catches at a straw*, никоим образом не изменяющий изначального понятия “when you are desperate, you will look for anything that might help you, even if it cannot help you very much” [McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs 2006]. Однако здесь паремия в очередной раз становится неотъемлемым компонентом стилистического конструирования дискурса, являясь основным компонентом развернутого сравнения. Подобное использование подтверждает тот факт, что в основу пословичной категоризации положен принцип аналогического мышления,

являющийся одновременно источником всего комплекса стилистических изобразительно-выразительных средств языка.

*In his eagerness to get at the works themselves, Charlie had not read the introduction, the French text; there was an English translation available but he wanted the original. Now he had to read it. His command of the language was solid. He raced through the two-page, large-print summary history and critique, **grasped at a straw and converted it immediately into a floating raft**: This catalogue does not claim absolute completeness. It is possible a few other works in private collections are not accounted for. [The Virginia Quarterly Review, 2001].*

Данный отрывок является примером художественно-публицистического дискурса. Как и в прошлом примере, использование слова *grasp*, стоящего в одном синонимическом ряду со словами *catch* и *clutch*, хоть и придает немного другой коннотационный оттенок (поспешность действия), тем не менее, не влияет на сдвиг когнитивных структур, лежащих в концептуальной основе рассматриваемой паремии. В данном случае усечение паремии, специально использованное автором, в полной мере компенсируется серией добавочных элементов, в основе которых заложен стилистический прием метонимии (часть → целое = *straw* → *raft*). Использование данного приема включает механизм антиципации (предвосхищения): становится заранее понятен ход мыслей и действий персонажа. Данный пример показывает, что паремиологические единицы, функционируя в дискурсе, сигнализируют о замысле (намерении) адресанта. Иными словами, паремия представляется одним из механизмов коммуникативного акта (*instance of communication*), имеющим стратегическое действие (*strategic action*), обеспечиваемое риторическим ходом (*rheticalical move*), подтверждая, тем самым, понимание паремии как коммуникативной (авторской) стратегии [Burke 1957; Abrahams 1968; Yankah 1989], одним из центральных понятий которой является понятие интертекстуальности [Winick 2003: 571].

Не менее показательны особенности функционирования в различных типах дискурса паремии *Jack of all trades and master of none*:

The problem is, plenty of people don't have one number-one priority, even within the world of work. From an early age, we're taught to feel this is bad, a mark of indecisiveness – a belief exacerbated not just by reading stress-inducing business books, but by the very notion of a single, unitary 'career path'. 'The conventional wisdom [seems] indisputable,' writes Barbara Sher, whose excellent

book What Do I Do When I Want To Do Everything? has made her chief consoler of self-pitying generalists everywhere. 'If you're a jack-of-all-trades, you'll always be a master of none. You'll become a dilettante, a dabbler, a superficial person – and you'll never have a decent career.' [<http://www.theguardian.com>, 2007].

В данном примере поговорка, используемая в массмедийном дискурсе, в целом сохраняет свой структурный состав, однако высказывание членится на составные части авторскими вставками, что способствует его большей суггестивности. Приобретение поговоркой функции суггестии вполне оправдано, если учитывать, что массмедийный дискурс является когнитивно-прагматической средой, реализующей свою сущность через производство и трансляцию для широкой аудитории идеологием и оценочных смыслов, равно как и через именованья и метафорические интерпретации фактов социального бытия [Клушина 2008: 60]. Иными словами, самой сутью рассматриваемого дискурса является воздействие на общественное сознание [Солганик 2000] и осуществление политико-идеологической деятельности [Дускаева 2004: 69], что, безусловно, объясняет прагматическую направленность всех языковых единиц, в том числе и поговорок, которые приобретают ярко выраженную суггестивную направленность.

В приведенном примере автором используется индуктивный метод изложения материала, заканчивающийся основным умозаключением, которое он хочет донести до адресата. Таким образом, поговорка приобретает резюмирующую функцию. Использование поговорок в данной функции вполне логично, если учитывать следующее: во-первых, согласно данным когнитивной психологии, в процесс обобщения, лежащего в основе освоения и создания поговоркологических единиц, заложен когнитивный процесс индукции, который вместе с другими когнитивными процессами ментальной репрезентации, категоризации, инференции и аналогии, выстраивает пословицную когницию (процесс категоризации окружающей действительности и репрезентации полученного знания в дискурсе) [Нонеск 1997: 89]; во-вторых, поговорки обладают *функцией когнитивной экономики*, то есть их необходимо рассматривать в качестве экономичных знаков ситуаций, обладающих значительной когнитивной силой и делающих процесс информационной обработки более эффективным. Данную точку зрения подтверждает А.А. Константинова, по мнению которой поговорки

являются наглядным доказательством функционирования когнитивного закона наименьших усилий [Константинова 2012: 63].

Нельзя не отметить явный пейоративный оттенок используемой паремии, подтверждаемый автором в следующем высказывании через использование единиц с отрицательной коннотацией (*dilettante, dabbler, superficial person*):

*All you need are four: chef's knife, paring knife, boning knife, and fillet knife. The paring knife is for smaller, precise work such as peeling, trimming, coring an apple, and sectioning an orange. The chef's knife is your **Jack-of-all-trades**. Use it to chop, mince, and slice vegetables, fruit, herbs, and meat. The boning and fillet knives are self-explanatory.* [<http://www.menshealth.com>, 2011].

В данном примере кулинарного дискурса инвариант той же паремиологической единицы обладает уже иным семантическим вектором, отражая положительную коннотацию.

Что же касается следующего примера, значение паремиологической единицы полностью развернуто с пейоративного на амелиоративное.:

*The Kansas City Royals, who understand how thin the margin can be, having come so close to winning the World Series last year, picked up Johnny Cueto, the ace pitcher they lacked, and Ben Zobrist, **a jack-of-all trades** who could plug holes at second base or in the outfield.* [<http://www.nytimes.com>, 2015].

Все представленные примеры еще раз наглядно демонстрируют, что значение паремиологических единиц рождается непосредственно в дискурсе. Учитывая такую взаимозависимость единиц паремиологического фонда и дискурса, можем выделить следующую когнитивно-дискурсивную функцию паремии – функцию организации дискурса, суть которой заключается не только в структурировании дискурсивного пространства определенного речевого произведения, но и в его дальнейшем коммуникативном развитии и очерчивании функциональной перспективы [Ширяева 2007: 115].

Что же касается такой широкой шкалы оттенков значения одной и той же паремиологической единицы, то она вполне оправдана не только функцией вариативности значения, зависящей от всевозможных авторских стратегий, но, прежде всего, самой этимологией рассматриваемой паремии. Считается, что этимология паремии восходит к квази-латинскому термину *Johannes factotum*, переводимому на английский как *Johnny do-it-all* и

пользующемуся популярностью в период английского языка елизаветинской эпохи в качестве выражения с нейтральной, а иногда и отрицательной, коннотацией. Имя *Jack* (*Johannes*) стоит воспринимать не как номинатив, а как апеллятив, т.к. в средние века под данным словом понималось следующее: “a man of the common people; a lad, fellow, chap; especially a low-bred or ill-mannered fellow, a ‘knave’” [Oxford English Dictionary, <http://www.oed.com/>]. Данное выражение прочно укоренилось в языке с 1618 года, когда оно было использовано Джеффри Миншлом (Geffray Minshull) в его произведении “*Essayes and characters of a prison and prisoners*”. Вторая часть паремии, предопределившая ее окончательную негативную коннотацию, появилась гораздо позже. Таким образом, использование паремии в ее полном виде, как правило, свидетельствует об отрицательной коннотации, а употребление усеченной фразы является двусмысленным, коннотация присваивается в зависимости от контекста и прагматических установок адресата.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что паремиологические единицы выполняют целый ряд когнитивно-дискурсивных функций, являясь одновременно и концептуальными феноменами, и дискурсивными составляющими.

Итак, подводя итоги, считаем необходимым выделить следующие основные когнитивно-дискурсивные функции английских паремиологических единиц:

– функция структурно-экспликационной организации дискурса (паремия выступает в качестве концептуальной связки, структурирующей уже имеющуюся информацию и интегрирующей вновь поступающую; в силу этого паремия развивает коммуникативную перспективу дискурса, выстраивая его каркас; вместе с этим паремия постулируется как средство, способствующее облегчению восприятия, понимания, запоминания, обработки и переработки информации, а также позволяющее анализировать информацию так, чтобы ее восприятие и передача были наиболее эффективны);

– функция эмоционально-семантического акцентирования (вербализация и преобразование ценностной доминанты паремии, влияющая на эмоциональное акцентирование в дискурсе; вместе с тем выделение наиболее релевантной информации в дискурсе паремией как хорошо запоминающегося сигнала для генерирования этой информации; важность данной функции также подтверждается тем, что весь когнитивный

комплекс мер, направленных на использование языка индивидом, находится в области семантической памяти [Tulving 1972], являющейся «сердцем» интеллектуального функционирования индивида [Кубрякова 2004: 357]);

– функция генерализации (компрессионный характер паремии, способствующий снижению информационной нагрузки и выделению наиболее релевантных информационных элементов, позволяет производить обобщение информации при помощи дедуктивного или же индуктивного способа структурирования дискурса, сводя весь объем информации в единое целое и выстраивая связную модель дискурса; данная функция также способствует реализации принципа когнитивной экономии, в соответствии с которым паремия как экономичный языковой знак, инкапсулирующий большой объем внешне сходных жизненных ситуаций и событий, обладает большой когнитивной силой и делает более эффективным процесс обработки и передачи информации);

– стилистическая функция (паремия, изначально имея определенный коннотационный заряд, зачастую является частью изобразительно-выразительных средств, используемых в дискурсе, тем самым значительно трансформируя его контекстуальную составляющую);

– регламентирующая (осуществляя резюмирующий аспект функции генерализации, паремия обуславливает определенный порядок логики суждений как адресата, так и адресанта, оказывая прямое влияние на формирование их когнитивной базы и некоторых когнитивно-познавательных установок);

– функция эвфемизации (семантическая неоднозначность паремии дает возможность коммуникантам избегать использования нетактичных, оскорбительных и маргинальных языковых единиц, что помогает избегать разного рода коммуникативных конфликтов);

– фатическая функция (в основе паремии заложен принцип установления и поддержания контакта между адресатом и адресантом, что превращает ее в эффективный сигнал ориентации коммуникантов и маркер их социально-культурной принадлежности);

– функция вариативности значения (в зависимости от ряда экстралингвистических факторов, основным из которых является зависимость языковых единиц от авторских стратегий в дискурсе, паремия может как частично трансформировать свой коннотат, так и полностью модифицировать свою семантическую полярность на противоположную).

Итак, английские паремиологические единицы обладают внушительным комплексом когнитивно-дискурсивных функций, во многом определяющих формат и методы коммуникации адресата и адресанта.

Библиография

Алимурадов О.А. К вопросу о структуре концепта и принципа вербализации его областей // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – № 3. – С. 5-16.

Антонова О.Н. Функциональные свойства паремий-трансформов в англоязычном публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 28 с.

Астафурова Т.Н. Деловое общение как инвариант профессиональной межкультурной коммуникации // Обучение иностранному языку как коммуникативному взаимодействию (неязыковые вузы): сб. науч. трудов МГЛУ. – М., 1999. – Вып. 443. – С. 35-42.

Багиян А.Ю., Шлейвис П.И. Функционирование термина в научно-популярном дискурсе: фразеологизация и сленгизация технических детерминологизированных единиц // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 3. – С. 52-57.

Воропаев Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 27 с.

Голубева Н.А. Деривационная активность концепта «прецедент» // Вестник Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. – Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 5. – С. 259-264.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: дисс. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2004. – 359 с.

Заврумов З.А. Ирония в художественном тексте: лингвостилистика или лингвориторика? // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2014. – № 8. – С. 219-226.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.

Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 242 с.

Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012. – 433 с.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 297-302.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб, 2001. – 72 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Мелерович А.М. Смысловая структура пословиц // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. – М., 1998. Т. 1. – С. 275-277.

Моисеенко Л.В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2015. – 404 с.

Натхо О.И. Лингвокогнитивные особенности прилагательных сквозь призму паремиологической картины мира // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер. Лингвистика. – М.: РУДН, 2008. – № 4. – С. 37-45.

Натхо О.И., Ширяева Т.А. Когнитивно-дискурсивные функции паремий в научно-популярном деловом дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – № 2. – С. 52-57.

Наумова Е.О. Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 19 с.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2007. – 207 с.

Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

Пономаренко Е.В. Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка): монография. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 151 с.

Пражский лингвистический кружок: сборник статей. – М., 1967. – 560 с.

Санчес Пуиг М. [и др.]. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. – М.; Мадрид, 2001. – 496 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира [Электронный ресурс] // Публицистика и информация в современном обществе. – URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_6 (дата обращения: 25.01.2016).

Ширяева Т.А. Дискурс сквозь призму институциональности // Вопросы филологических наук. – М.: ООО «Издательство «Спутник+», 2007. – № 2. – С. 115-120.

Федуленкова Т.Н. Английские пословицы с инвариантным денотативным значением и их русские эквиваленты // Вопросы теории и практики перевода: сб. материалов семинара. – Пенза, 1998. – С. 122-126.

Федуленкова Т.Н. Современные направления в изучении фразеологии // Известия Байкальского государственного ун-та. – 2011. – № 3. – С. 203-206.

Федуленкова Т.Н. Сопоставительная типология английского, немецкого и шведского языков. – М.: ИД Академии Естествознания, 2012. – 230 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 428 с.

Abrahams R.D. Introductory Remarks to a Rhetorical Theory of Folklore // Journal of American Folklore. – 1968. – № 81. – P. 143-158.

Burke K. Literature as Equipment for Living // The Philosophy of Literary Form. – New York: Vintage Books, 1957. – P. 293-304.

Casado Velarde M. Algunas estrategias descursivas en el lenguaje periodístico de hoy // Booleetín Hispánico Helvético. – 2008. – Vol. 12. – P. 45-69.

Díaz Verdín G. Indorudción al estilo indirecto libre en español. – Madrid: Gráficas Cóndor, 1970. – 164 p.

Fernández-Sevilla J. Presentadores de refranes en el texto de La Celestina // E. Alacros Llorach et al. Serta Philologica F. Lázaro Carreter natalem sexagesimum celebranti dicata, I. Estudios de lingüística y lengua literaria. – Madrid: Cátedra, 1983. – P. 209-218.

Honeck R.P. A Proverb in Mind. The Cognitive Science of Proverbial Wit and Wisdom. – Mahwah, New Jersey: Lawrence Earlbaum Associates, 1997. – 318 p.

Honeck R.P., Temple J.G. Proverbs: The extended conceptual base and great chain metaphor theories // Metaphor and symbolic activity. – 1994. – № 9. – P. 85-112.

Tulving E. Episodic and Semantic Memory // Organization of Memory. – New York: Academic Press, 1972. – P. 381-403.

Winick S.D. Intertextuality and Innovation in a Definition of the Proverb Genre // Cognition, Comprehension, and Communication: A Decade of North American Proverb Studies (1990-2000). – Baltmannsweiler, Germany: Schneider Verlag Hohengehren, 2003. – P. 571-601.

Yankah K. The Proverb in the Context of Akan Rhetoric: A Theory of Proverb Praxis. – New York: Peter Lang, 1989. – 316 p.

Глава 7

АНТИТЕЗА В ПОСЛОВИЦЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, ГРУЗИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Л. М. Ратиани, З. К. Адамия

Пословицы и фразеологизмы имеют как общие, так и различительные признаки. Взгляды лингвистов подразделяются на две группы по отношению включения их в систему фразеологического фонда. Одни рассматривают пословицы как фразеологические единицы [Мелерович 1998: 275; Федуленкова 2001], а другие не могут их причислить к фразеологической системе. Этот вопрос является среди исследователей самой дискутируемой проблемой по сей день. Г.Л. Пермяков, как и другие лингвисты – А.И. Смирницкий, М.М. Гухман, И.С. Торопцев, А.В. Щерба, А.И. Молотков, Н.М. Амосов – не считает их паремиологическими единицами, они всего лишь народные высказывания, выраженные предложениями [Пермяков 1979: 33]. Пословицы – полные предложения, а фразеологические единицы – нет, для пословиц характерна коммуникативная, а для фразеологических единиц номинативная функция. Между компонентами пословиц существует синтаксическая связь, их общее значение исходит из значения компонентов.

Исследователь грузинского языка Л. Лежава считает, что пословица не является фразеологической единицей, так как она и есть пример народной словесности, художественного произведения. Фразеологическая единица – это языковая единица, входящая в состав лексикологии и поэтому пословица не может быть фразеологической единицей.

Профессор М. Русеишвили не согласна с мнением, что пословицу не считают языковой единицей, так как согласно этому взгляду, если пословица не есть языковая единица, то языкознание, возможно, будет изучать лишь только язык пословиц, а не пословицы в целом, как единицу [Русеишвили 2005: 8].

А.М. Эмирова не включает в состав фразеологизмов пословицы под предлогом, что они логически связаны с обсуждениями и в отличие от фразеологических единиц имеют коммуникативную природу [Эмирова 1967: 40-51].

В современном языкознании не теряет актуальность изучение общих и дифференциальных знаков характерных для различных языков (см. тж.: [Федуленкова 2012; 2016]). Целью типологического исследования является установление и выявление сходств и различий, языковых структур между языками, разъяснение причин отличия языков друг от друга, отличия мировосприятия в разных языках на уровне той или иной подсистемы. Одной из таких подсистем является паремия, или пословица [Звиададзе 2016]. Пословица как своеобразный синтез знания о внешнем мире, представляющая для отдельной культуры и народа характерные и соответственно обязательные формы. Пословица – драгоценнейший материал для изучения законов человеческой речи и характера, лексического значения и грамматических форм. Очевидно, что ни в сказках и эпосах, ни в других, узких формах фольклора не достигнуты та звучность, тот ритм, те ощущения и употребления мысленных глубин слов, как это происходит в пословицах. Это и есть законченное художественное произведение, обладающее своим началом и концом, сюжетом и языковой структурой. Особенно значителен стиль пословиц, который указывает на то, что пословицы создавались в различных слоях народа и сферы их употребления различались. Пословица – это явление языка, мышления и искусства, оно существует в мыслях и языках и далее реализуется в литературе. Как отмечал В. Гумбольдт – «Язык – это внутреннее выражение духа народа, язык народа – это его дух, дух народа – это его язык» [Гумбольдт 1984]. В языке проявляется и выражается вся история говорящих на этом языке. Немецкий, грузинский и русский – неродственные языки, исторически у этих языков нет ничего общего, но схожесть, общность житейских явлений часто способствует появлению похожих пословиц.

Проявление интереса к пословицам и их исследование с научной точки зрения имеет довольно долгую историю, о чем ярко свидетельствует первое научное определение пословиц, датированное XII веком.

Иностранные исследователи выделяют в изучении пословиц пять периодов:

I – период с XVI по XVIII века, в котором был создан сборник пословиц, без систематизации и анализа.

II – период с XVII века до середины XIX в. В этом периоде пословицы изучались с точки зрения поэтики и философии.

III – период со второй половины XIX века до начала XX. Этот период был значителен тем, что появляются первые исследования, в которых рассматриваются вопросы исторического и сравнительного анализа пословиц.

IV – период тридцатых годов XX века. В работах этого периода рассматривается психологический аспект пословиц.

V – период с шестидесятых годов XX века по сей день. В этом периоде производится контекстуальное, структурное и семантическое исследование пословиц [Камададзе 2016: 11].

Современным лингвокультурологическим исследованием послужила работа Г.Л. Пермякова, объединяющая фольклорные, литературоведческие и лингвистические аспекты. В пределах такого исследования пословицы и пословичные поговорки, рассматриваются, как объединяемые народной философией и психологией, как достояние народной мудрости, своеобразное зеркало, отражающее не только обиход, но и историю, веру, традиции и обычаи народа.

В пределах лингвокультурологического подхода углубляется исследовательский интерес к анализу их социально-психологических и культурно-философских границ. С этой точки зрения интерес представляют труды Б.А. Ларина и А.А. Потебни.

В изучении русских пословиц огромный вклад также внесли такие русские исследователи, как Ф.И. Буслаев, В.И. Даль, И.М. Снегирев, В.М. Мокиенко и многие другие. Вопросы смысловой структуры пословиц и их структурно-семантической моделируемости как фразеологических единиц в языке и речи рассматриваются в трудах А.М. Мелерович [1998: 275; 1993: 9]. Квантитативному и функциональному изменению пословиц уделяется внимание в трудах по сопоставительному исследованию фразеологии современных германских языков: английского, немецкого и шведского [Федуленкова 2012; Fedulenkova 2005].

В зарубежном языкознании методы и подходы к изучению паремиологического фонда имеют свою специфику. В тенденциях развития обозначаемого научного направления, отмечается определенное единство. Пословицы интенсивно изучаются с точки зрения их этнокультурной, лингвокультурной специфики и когнитивного подхода.

Часть современных иностранных лингвистов (Taylor, Krikman, Mieder), рассматривают пословицы в контексте конкретных проблем западного общества. Другая часть лингвистов обращает должное внимание

на употребление пословиц в педагогических целях, указывающие на дидактическую ценность пословиц (паремий) в процессе изучения иностранных языков. Они отмечают, что невозможно изучить иностранный язык отрываясь от паремиологического фонда, поскольку ни один лингвистический материал не может отображать историю народа, говорящего на этом языке, особенности его культурного и экономического развития так, как пословицы (Кин).

В современной западной лингвистике пословицы изучаются с когнитивной точки зрения очень активно. Собственно, это и есть изучение основ когнитивных процессов пословиц, изучение употребления и понимания пословиц и так же на основе исследования, реально существующих пословиц немецкого, английского и других языков выявляют следующие пять направлений:

1. Диахронное и синхронное изучение отдельных пословиц и их функционирование в речи.
2. Лингвокультурологический аспект функционирования пословиц.
3. Сравнение типологического фонда с пословичным фондом нескольких языков.
4. Психологический аспект функционирования пословиц.
5. Использование пословичного фонда с дидактической и методической целью в изучении немецкого и английского как иностранного языка [Камададзе 2016: 12].

В данной работе представленный анализ ограничивается значительным образом антитезными пословицами, так как они, рассматриваются показателями культуры народов и менталитета, которые являются значительным источником описания их особенностей. Сферой реализации антитез представляются отдельные фразы, предложения, определенные отрезки текстов из художественной литературы, но особой и богатой почвой для выявления этого феномена являются пословицы.

Антитеза основывается на противоположности явлений и предметов, воспроизводящие с субъектом, получавшие в контексте дополнительные значения. К семантике противоположности добавляется ситуация, обусловленная значением иллюстрации, которую возможно осуществить также с помощью пословиц. На основе анализа материала нам удалось выявить стереотипную среду для реализаций антитезных пословиц в немецком, грузинском и русском языках.

Некоторые выразительные, меткие предложения из художественной литературы со временем приобрели такую популярность, что могут вполне считаться пословицами, поскольку имеют устойчивую структуру и обобщенный назидательный смысл: нем. *Die Axt im Haus ersparrt den Zimmermann*, груз. *Nadschjachi thua sachlschi, masch ra sachiroa durgali, roza tavadaz scheid sleba kwelapheri scheni chelebit gaaketho*, рус. *Коль в доме есть топор, то плотник ни к чему, все можно сделать самому*.

Другие устойчивые словосочетания, такие как предложения, цитаты не принадлежат оборотам речи. Некоторое количество этих сочетаний перешли в группу поговорок и устойчивых выражений. По ту сторону формальной верхней границы поговорок стоят следующие виды выражений, оборотов речи, выраженных предложениями с законченными мыслями:

1. Пословицы: нем. *Schmiede das Essen, solange es heiss ist*, груз. *Sanam thone zxelia, puri unda tschaakrao, chelsakreli schemthchwewa unda gamoikeno*, рус. *Куй железо, пока горячо*.

2. Изречения, нравственные афоризмы: нем. *Wer fremde Sprache nicht kennt, weiss nichts von seiner eigenen* (Goethe), груз. *Winz uzcho ena ar izis, man thaçisi sakuthari enaz ar izis*, рус. *Кто не владеет иностранным языком, тот не знает и свой собственный язык*.

3. Предложения: нем. *Die Axt im Haus ersparrt den Zimmermann*, груз. *Nadschjachi thua sachlschi, masch ra sachiroa durgali, roza tavadaz scheid sleba kwelapheri scheni chelebit gaaketho*, рус. *Коль в доме есть топор, то плотник ни к чему, все можно сделать самому*.

4. Цитаты: нем. *Etwas ist faul im staate Dånemark* (Schakespeare), груз. *Ragaz dampala daniis samephoschi*, рус. *Что-то не ладно в Датском королевстве*.

5. Перевод с иностранного языка: нем. *Es ist nicht alles Gold, was glänzt*, груз. *Is, rac brtskinaws, oqro ar aris*, рус. *Не все золото, что блестит*.

В восприятии большинства крылатых выражений утеряно осознание цитат. Особенно это касается высказываний, которые берут свое начало из Библии (см. тж.: [Федуленкова 2014]). Некоторые заглавия книг и фильмов также приобретают со временем пословичный характер. Даже некоторые припевы из народных песен и шлягеров считаются уже пословицами.

Значительным вопросом в паремиологии считаем проблему определения пословиц. В настоящее время существуют множества дефиниций пословиц, но ни один исследователь не смог дать этому

языковому феномену полноценное и адекватное определение. Значение пословиц и их внутренняя форма не описана и не изучена основательно.

Одним из авторов первого научного определения пословиц является французский ученый Матеу де Винд, по его определению пословица – это популярная фраза, с общепринятым обычаем и традицией, с единой мыслью, которая выражает уже доказанную истину.

Современные ученые указывают на то, что пословица это короткое, в речевой культуре устойчивое, ритмически организованное высказывание с назидательным содержанием, имеющее структуру предложения, в котором зафиксирован многовековой опыт народа (см. тж.: [Кунин 1996]).

По оценке английских лингвистов пословицы – это народная мудрость, короткая популярная эпиграмма или максима: “Proverbs are the wisdom of the streets”, “Proverb is a brief popular epigram or maxim” (Kamadadse 2016).

Согласно грузинской народной характеристике, пословицы – это колено, стержень, сила слова, оружие крестьянина. Грузинский народ воспевает глубокую духовность и высокую художественность пословиц, о чем говорит следующий грузинский стих: *андаза митхар дзмобило, андаза азрис кобия, ситква хорциа ам кобии, миндиас мохаршулиа, винц имас шесчамс гмертия, лексис мткмелзедац мджобиа* [Камададзе 2016: 22].

В научной литературе распространены следующие дефиниции пословиц: а) пословица – это краткое, на длительном опыте основанное, предложение (М. Сервантес); б) пословица – это точно сформулированная жизненная мудрость, обобщающая определенные общественные опыты на высшем уровне; их автор не известен, часто образный, народный; в) пословица – это общеизвестное, устойчивое предложение, выражающие жизненные правила и мудрость в четкой, выразительной, содержательной, в краткой форме; д) цитату похожую на пословицу принято считать крылатым выражением.

Дефиниции и определения пословиц на немецком языке: а) ein Sprichwort ist ein kurzer Satz, der sich auf lange Erfahrung gründet; б) Sprichwort auch Proverb knapp und treffend formulierte Lebensweisheit, die bestimmte gesellschaftliche Erfahrungen in hohem Grade verallgemeinert; ihr Autor ist unbekannt, oft von volkstümlichen Bildhaftigkeit [Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini 1985: 227]; в) ein Sprichwort ist ein allgemein bekannter, fest geprägter Satz, der eine Lebensregel oder Weisheit in prägnanter kurzer Form ausdrückt; д) ein dem Sprichwort ähnliches Zitat wird als geflügeltes

Wort bezeichnet; nach Andre Jolles gehören Sprichwort und geflügeltes Wort zu den sogenannten einfachen Formen.

Большое внимание уделяется изучению пословиц в социально-культурном контексте (см. работы В.Н. Телия и А. Вежбицкой), а также текстуальным проблемам этого языкового феномена. Пословица определяется как мини-текст особого назначения, как один из видов интертекста, как лингвокультурологический текст. Эти статусы друг другу не противоречат.

Пословицы обладают устойчивой формой с характерным дидактическим содержанием. Этим и отличается пословица от оборотов речи и высказываний. Например: а) нем. *Hunger ist der beste Koch*, груз. *Roza gschia saqaria ziwi mtschadiz schaqaria*, рус. *Голодному Федору и pena в oxанку*; б) нем. *Wer lang hustet lebt lang*, груз. *Winz chanhdsliwad axwelebs, is didchans zchowrob*, рус. *Кто долго кашляет, долго живет*; нем. *Wo ein Wille ist, ist auch ein Weg*, груз. *Tu guli gulobs, qada ori chelit itschmeba*, рус. *Где хотенье, там умение*.

Часто форма пословицы скрепляется, наряду с альтерацией, конечной или же внутренней, рифмой, например: а) нем. *Glück und Glas wie leicht bricht das*, груз. *Ra adwilad imschwrewa bedniereba da schuscha*, рус. *Счастье вешее ведро, счастье не постоянно, как хорошая погода*; б) нем. *Was ich nicht weiss, macht mich nicht heiss*, груз. *Ar zodna, ar zodwaaao*, рус. *Чего не знаю, того не вспоминаю*; в) нем. *Je öfter, je doller*, груз. *Metis meti breitis breitiio, Raz uphro chschiria, mith uphro schemadsrziebelia*, рус. *Чем чаще, тем ужаснее/страшнее*; г) нем. *Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen*, груз. *Gadadebuli saqme eschmakisaa*, рус. *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*.

Приобретая генерализированную, обобщенную форму, пословицы своим содержанием охватывают следующие поля:

1. Социальная критика: нем. *Als Adam grub und Eva spann, wo war denn da der Edelmann*, груз. *Kwelapheri adamidan da ewadan izkeba. Kwela adamiani dabadebidan tanaszoria*, рус. *Когда Адам пахал и пряла Ева, где родословное тогда стояло древо*.

2. Критика религии: нем. *Der beste Patron ist der Tierarzt*, груз. *Sauketeso patroni veterinariao avadmkofs eqimi moarchenso*, рус. *Лучший патрон – ветеринар*.

3. Опыт повседневной жизни: нем. *Neue Besen kehren gut*, груз. *Axali zozchi kargad ggwis*, рус. *Новая метла чисто метёт*; нем. *Ein gebranntes*

Kind scheut das Feuer, груз. *Phaphit pirdamzwari dosaz suls uberawdao*, рус. *Обжѣгнись на молоке, будешь дуть и на воду*.

4. Семейные отношения: нем. *Was der Mann mit dem Wagen einfährt, trägt die Frau mit der Schürze hinaus*, груз. *Qali ufro ganzlea da amtani*, рус. *Муж возом не навозит, что жена горшком наносит*.

5. Проблема выбора: нем. *Lieber der Spatz in der Hand, als die Taube auf dem Dach*, груз. *Dgewandeli kwerzchi mirchewnia chwalindel qathams*, рус. *Лучше синица в руках, чем жаворонок в небе*.

6. Назидание: нем. *Es ist nicht alles Gold, was glänzt*, груз. *Kwelapheri oqro ar aris rac brzkinaws*, рус. *Не все золото то, что блестит*; нем. *Wer nicht hören will, muss fühlen*, груз. *Roza sxwisi ar gesmodes scheni ar gagegoso, Wisaz ar surs mosmena, unda igrdsnoso, dedis zin morbelnal kwizs an mgeli scheschams an mglis schwilio*, рус. *Кто не желает слушать, должен почувствовать*; нем. *Verliebe dich oft, verlobe dich selten*, груз. *Gikvardes erti samarmde, darche ertis ertguli*, рус. *Часто влюбляйся, но реже давай обещания/ но реже обручайся*.

7. Осторожность: нем. *Vorgetan und nachbedacht manchen in gross Leid gebracht*, груз. *Schwidschjer gasome, erthchel gastscheri, siprtxele upirwelesad*, рус. *Семь раз отмерь, а один отрежь*.

Исходя из системного характера языка, при изучении антитезных пословиц считаем необходимым выделить понятие языкового субъекта. Соответственно, основой исследования антитезных пословиц считаем культурные достижения народов конкретного носителя языка и одновременно, с помощью национальной культуры, обусловленное прагматическое измерение. Их исследование должно проводиться в двух основных – лингвистических и лингвокультурных – срезах. Как релевантное средство для выражения противоположности в современной лингвистике рядом с антонимией также рассматривается языковой феномен антитезы. Антитезы выражают обычно субъективным восприятием обусловленные отношения. Они субъективные и одноразовые, относятся к речевому уровню и соответственно рассматриваются именно на этом уровне. Различаются контрастные и косвенные антитезы. Контрастные антитезы производятся на логическом уровне, на основе оппозиций двух понятий, а в случае косвенных антитез между противоположными полями нет логической основы. На косвенных антитезах построены множества поговорок, крылатых выражений, таких, как: *Spielen Sie Klavier? – Nein, aber meine Grossmutter schreibt Romane*. Косвенные антитезы употребляются

часто для выражения сатиры и ироний: *In Bologna sind die kleinsten Hunde die grössten Gelehrten zu finden* [Riesel 1975: 32]. Для реализации антитез в контексте может оказаться релевантным слово, предложение, фрагмент, абзац, текст, оборот речи, где антитеза употребляется как определенное стилистическое средство, в результате чего сказанное становится двусмысленным.

При реализации этих феноменов, решающую роль играет лингвистическая прагматика. Антонимы устанавливаются на уровне лексем, а антитезы лишь только в синтаксических конструкциях. По характеру антонимы являются узуальными, нейтральными, созвучны с истинной и объективны. А антитезы наоборот окказиональны, зависят от позиции индивида, стилистически окрашены и субъективны. Различия между антонимами и антитезами хорошо видны в их формальных характеристиках. Члены антиномических пар должны обязательно представлять какую-нибудь одну лексико-грамматическую категорию. В случае антитез допустимо противопоставление двух различных лексико-прагматических классов, из них ни один не выражает в действительности существующих противопоставлений. Обозначенное противопоставление обуславливается с помощью контекста. Антитезы основываются на противопоставлении явлений и предметов, воспринятых субъектом, которые в контексте получают дополнительное значение. К семантике противопоставления добавляется также значение, обусловленное ситуацией. Богатую почву для выявления этого феномена составляют пословицы, например:

нем. *Arme haben Kinder, reiche haben Rinder*, груз. *Garibebs schwilebi chkawt, mdidrebs kisaqonlebi*, рус. *У бедных дети, у богатых скот*;

нем. *Besser zweimal messen, als einmal vergessen*, груз. *Asdschjer gazome erthchel gastscher*, рус. *Лучше дважды измерить, чем один раз забыть*;

нем. *Die Alten zum Rat, die jungen zur Tat*, груз. *Achalgazrdam saqmeebi aketos, toxizmta ki iphiqroso*, рус. *Молодой на битву, а старый на думу*;

нем. *Gebrauchter Pflug blinkt, stehend Wasser stinkt*, груз. *Zkali rom dagubdeba, akroldeba*, рус. *Плуг от работы блестит, а стоячая вода издает зловоние*;

нем. *Geteilte Freude ist doppelte Freude, geteilter Schmerz ist halber Schmerz*, груз. *Gaziarebuli sicharuli ormagi sicharulia, gasiarebuli tkiwili-nachevari tkiwilia*, рус. *Разделенная радость – двойная радость, разделенное горе – полгоря*;

нем. *Gezwungene Liebe und gemalte Wange dauern nicht lange*, груз. *Sikwaruli ar iqneba dsalada, rogorz mowa, zawa thawisthawada*, рус. *Насильно мил не будешь*;

нем. *Haben ist gewiss, Kriegen ist miss*, груз. *Dgewandeli kwerzchi mirtschewnia chwalindel kathams*, рус. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*;

нем. *Heute Kaufmann, morgen Bettelmann*, груз. *Ase tschemo manaseo, chan ise da chan aseo*, рус. *Часом с квасом, а порою с водой / Сегодня купец, завтра нищий*;

нем. *Heute mir, morgen dir*, груз. *Ase tschemo manaseo, chan ise da chan aseo*, рус. *Сегодня мне, завтра тебе*;

нем. *Heute rot, morgen tot*, груз. *Ase tschemo manaseo, chan ise da chan aseo*, рус. *Сегодня венчался, завтра скончался*;

нем. *Heute stark, morgen im Sarg*, груз. *Arz schen schegrtscheba erthi droeba, giszrebs sibere, gadakrueba*, рус. *Сегодня живой, завтра святой*;

нем. *Heute zechen, morgen nichts zu brechen*, груз. *Chan sul arao, xhan sul warchalalao*, рус. *То густо, то пусто. Когда есть, так густо, а нет так пусто*;

нем. *Innen Schmutz, aussen Putz*, груз. *Schignidan tschutschkiani, garedan suphtha*, рус. *Снаружи красота, внутри пустота*;

нем. *Ist der Wein im Manne, ist der Verstand in der Kanne*, груз. *Gwino kazz tschkuas, simschwides akargwinebso, gwino tsurtelshii skdeba, torem tuzelschi gjidebao*, рус. *Вино в человеке – ум в кувшине / Не жаль вина, а жаль ума*;

нем. *Je grösser eines Mädleins Putz, je minder ist sie selber Nutz*, груз. *Garegnoba gwazdunebso*, рус. *Не украшай платье, украшай ум. Чем наряднее девушка, тем меньше от нее пользы*;

нем. *Jung getollt, alt gezollt*, груз. *Achalgasrdobis shezdomebisthwis tochizebulobaschi isdschjebao*, рус. *Молодым бесился, старым поплатился*;

нем. *Kein Unglück so gross, es hat ein Glück im Schoss*, груз. *Sogi tschiri mergebeliao*, рус. *Нет худа без добра. Не было бы счастья, да несчастье помогло*;

нем. *Klein, aber fein*, груз. *Pataraa, tagram okro*, рус. *Мал золотник, да дорог / Мал да удал*;

нем. *Kleine Häute, grosse Leute*, груз. *Pataraa dadswirphasi*, рус. *Маленькие кожи, большие люди*;

нем. *Kurze Rede, gute Rede*, груз. *Grdseli sitkwa mokled ithkmis*, рус. *Краткая речь – хорошая речь*;

нем. *Die Pillen der Apotheker sind aussen Gold und innen Galle*, груз. *Schignidan erthia garedan ki schwa*, рус. *Изнутри золото, а с наружи желчь / Пуст карман, да синь кафтан* и др.

В последнем примере антитезы представлены с существительными *Gold / Galle* (золото / желчь) в рамках общего значения *der Stoff-материал*, где обозначены лишь только различные, но не противопоставленные понятия. Такие отношения не могут представлять основу их противоположности. В аналогичных случаях они выделяются с помощью индикаторов, в которых однозначно выявляются значения противопоставления. Такими единицами являются *aussen / innen*, которые без сомнения являются антонимами. Противопоставление таких пар, как *aussen Gold / innen Galle* (*снаружи золото – изнутри желчь*) обуславливают противопоставление слов *Gold / Galle* (*золото / желчь*) и одновременно реализацию антитез. Таким же образом можно установить влияние антитез в следующем примере: нем. *Fleiss bringt Brot, Faulheit Not*, груз. *Uschas satschmeli, aramuschas arapheri*, рус. *Каков работник, таков ему и плата*, где с помощью антонимичности слов *Fleiss* и *Faulheit* / *старание* и *лень* выделяются антитезные отношения лексем ***Brot*** и ***Not*** / *хлеб* и *нужда*. Предпосылкой для реализаций антитез в языке являются в микроконтексте данные антонимические пары, члены которых уточняют основу противоположности антитезных слов и обуславливают формирование антитез.

Анализируя лексический материал, выявляем как релевантные семантические и формальные особенности, так и стереотипную среду для образования антитез на материале трех языков. Антитезные пары в пословицах могут быть представлены следующим образом:⁴

а) существительными:

нем. *Honig auf der Zunge, Galle im Herzen*, груз. *Thethri kbili schawi guli*, рус. *На языке мед, а в сердце лед*;

б) прилагательными:

нем. *Grosse Worte, kleine Werke*, груз. *Enatartara chelebpatara*, рус. *Много слов, дела мало*;

в) глаголами:

⁴ Одной черточкой обозначены актуализаторы антитез, а двумя – антитезы.

нем. *Man empfängt den Mann nach dem Gewand und entlässt ihn nach dem Verstand*, груз. *Adamiani phasdeba tschkuita da gonebit da ara samosit*, рус. *По платью встречают, по уму провожают*;

г) субстантивированными глаголами:

нем. *Reden ist Silber, Schweigen Gold*, груз. *Sitkwa verzchlia, dumili ki oqro*, рус. *Слово серебро, молчание золото*;

д) наречиями:

нем. *Heute oben, morgen unten*, груз. *Ase tschemo manesao, chan ise da chan aseo*, рус. *Сегодня полковник, завтра покойник*;

е) местоимениями:

нем. *Mit vielen lässt sich schmausen mit wenig lässt sich hausen*, груз. *Bevrtan scheidslaba drois gatareba da zotastan tanazhovreba*, рус. *Со многими можно пировать, но не с многими можно уживаться*;

ж) союзами и частицами: для сравнения феноменов

нем. *Die Aufführung hatte sowohl gute Rezensionen, als auch scharfe Kritiken*, груз. *Rogorz dadebiti schephasebis asewe mdsaphri kritikis migeba*, рус. *Получать как хорошие так и резкие отзывы*; (в конкретном случае присутствие прилагательных обязательно и релевантно);

нем. *Sie passen einander, wie Feuer und Flamme*, груз. *Pheri phers da madli gmerts, ertmsnetistwis arian schekmnili*, рус. *Они подходят друг другу, как огонь и пламя*;

нем. *Er ist weder Fleisch noch Fisch*, груз. *Arz gwinoa da arz zkali*, рус. *Ни рыба ни мясо*;

з) прилагательными в сравнительной степени:

нем. *Lieber den Spatz in der Hand, als die Taube auf dem Dach*, груз. *Dgewandeli kwerzchi mirtschewnia chwalindel kathams*, рус. *Синица в руках лучше соловья в лесу / Лучшие синица в руках, чем журавль в небе*;

нем. *Besser eigenes Brot als fremder Braten*, груз. *Sakuthari puri gertschiwnos schwis schemzwar-mochrakuls*, рус. *Свои сухари лучше чужих пирогов*;

и) числительными: нем. *Man glaubt einem Auge mehr als zweien Ohren*; груз. *Asdschjer gagonils ertchel nanachi sdschjobiao.*, русск. *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*;

к) отрицанием:

нем. *Man muss vom Pferde nicht auf den Esel kommen*, груз. *Zchenidan gadmotchtari wirse ar unda dschjebodeso*, рус. *Не променяй сапоги на лапти*.

Рифмованные антитезные пословицы на материале немецкого, грузинского и русского языка:

1) нем. *Heute stark, morgen im Sarg*, груз. *Dges dslieri, xval kuboschi*, рус. *Сегодня сильный, завтра в гробу*;

2) нем. *Frauen haben lange Kleider und kurzen Mut*, груз. *Qals tma grdseli aqvs da chkia tokle*, рус. *У женщин волосы длинные, ум короткий*;

3) нем. *Böses kommt geritten, geht aber weg mit Schritten*, груз. *Boroteba chenebit mova, tagram nabitj- nabitj zava*, рус. *Зло прискачет верхом, а уйдет тайком*;

4) нем. *Breite Stirn, wenig Hirn*, груз. *Pharto schubli, zota tvini*, рус. *Широкий лоб, да мозгу мало*.

Антитезные пословицы из Библии на материале немецкого, грузинского и русского языка:

1) нем. *Es gibt keinen guten Baum, der schlechte Früchte trägt* (Lukas 6:43), груз. *Ar aris ivargisi xe, romelmaz gamoigos ivargisi nakopi* (Saxareba Lukasi 6:43), рус. *Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод* (От Луки 6:43);

2) нем. *So lässt uns ablegen die Werke der Finsternis und anlegen der Waffen des Lichts* (Römer 13:12), груз. *Masch ganvischorot bnelis saqmeni da schevimosot natlis satschurvelit* (Romaelta mimart 13:12), рус. *Отложим дела тьмы, облечемся в доспехи света* (К Римлянам 13:12);

3) нем. *Kann man denn Trauben von den Dornen oder Feigen von den Disteln pflücken?* (Mattheaus 7:16), груз. *Gana ekalze krepem kurdzens, an narze legvs?* (Saxareba Matesi 7:16), рус. *Собирают ли с терновника, или с репейника смоквы?* (От Матвея 7:16);

4) нем. *Die Worte aus dem Munde des weisen bringen ihm Gunst, aber des Toren Lippen verschlingen ihn selbst* (Prediger 10:12), груз. *Brdsenis sitkvebi madlia, brikvs ki misi bageebi guravs* (Eklestiaste 10:12), рус. *Слова из уст мудрого – благодать, а уста глупого губят его же* (Екклесиаст 10:12);

5) нем. *Ein guter Ruf ist besser als gute Salbe und der Tag des Todes besser als der Tag der Geburt* (Prediger 7:1), груз. *Kargi saxeli sdjobs dsvirfas nelsazxebels, dge sikvdilisa gachenis dges* (Eklestiaste 7:1), рус. *Доброе имя лучше дорогой мести, и день смерти – дня рождения* (Екклесиаст 7:1);

6) нем. *Der Gerechte weiss um die Sache der Armen, der Gottlose aber weiss gar nichts* (Sprüche 29:7), груз. *Martalma izis garib-gatakis samartali, xolo boroteuls gageba ara aqvs* (Igavni Solomonisa 29:7), рус. *Праведник*

тщательно вникает в тяжбу бедных, а нечестивый не разбирает дела (Притчи 29:7).

Исследование антитезных пословиц выявило несколько основных типов пословиц, соответствующих друг другу по форме и содержанию, по семантической «схожести», по отличию лексического содержания компонентов, обнаружило возможность выявления единого эквивалента в грузинском, немецком и русских языках. С помощью анализа антитезных пословиц генетически неродственных языков удалось установить существенные различия между системами пословиц различных языков, причины возникновения различий в семантическом, структурном, формальном и смысловом плане языков и причины их обусловленности внутриязыковыми факторами. Проведенный анализ подтвердил наши предположения о том, что в процессе восприятия универсальных фрагментов разница, фиксируемая различными народными культурами, не является случайной и, что выражение идентичных общеязыковых явлений для представителей отдельных языков, обуславливается спецификой мышления, где родной язык играет немаловажную роль.

Библиография

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

Звиададзе Т. Алхазидзе Т. Эквиваленты грузинских пословиц в испанском языке. – Тбилиси. 2016.

Камададзе Л. Структурально-семантические и этнокультурные особенности пословиц (на материале англ. и грузин. языков): дис. ... на соискание докторской степени. Лингвистика. – Батуми, 2016.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1996. – 381 с.

Мелерович А.М. О структурно-семантической моделируемости фразеологических единиц в языке и речи // Диалектические процессы во фразеологии: тез. докл. Международ. науч. конф. – Челябинск, 1993. – С. 9-11.

Мелерович А.М. Смысловая структура пословиц // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международ. конф. – М., 1998. Т. 1. – С. 275-277.

Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. – М. 1975. – С. 33-48.

Русеишвили М. Пословицы. – Тбилиси, 2005.

Телия В.Н. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

Федуленкова Т.Н. Изоморфные и алломорфные отношения английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2004. – 158 с.

Федуленкова Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учеб. пособие. – М.: ИД АЕ, 2014. – 148 с.

Федуленкова Т.Н. Сопоставительная типология английского, немецкого и шведского языков. – М.: ИД АЕ, 2012. – 230 с.

Эмирова А.М. Авалиани Ю.Ю. Некоторые вопросы современной фразеологии. Проблемы фразеологии задачи ее изучения в высшей и средней школе. – М.1967. – 40-45 с.

Fedulenkova T. Derivational tendencies in communicative phraseological units // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2005. – № 1. – С. 44-54.

Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1985. – 227.с.

Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. – М.: Hochschule, 1975. – 314 S.

Глава 8

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Т. Н. Хомутова, Е. А. Дамман

Проблемы взаимодействия языка, мышления и культуры находятся в центре внимания современных лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований (см. тж.: [Волкова 2017: 514; Мелерович 1979]).

Начиная с теории В. фон Гумбольдта, первым представившего язык как картину мира, существует множество теорий и подходов, основанных на том, что язык обеспечивает категоризацию мыслительной действительности, а та, в свою очередь, категоризацию мира, который воспринимает и в котором существует индивид.

Особое место среди теорий о соотношении языка, мышления и культуры занимает теория лингвистической относительности, которая представляет собой попытку связать две сущности: язык и мыслительный образ [Boas 1938; Sapir 1993; Whorf 1956]. По мнению Б.Л. Уорфа «каждый язык представляет собой огромную модель – систему, отличную от других, в которой существуют культурно-предписанные формы и категории, посредством которых личность не только общается, но также анализирует природу, замечает или игнорирует отношения и явления, направляет свои рассуждения и строит мир своего сознания» [Whorf 1956: 252].

Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что вклад авторов теории лингвистической относительности в разработку проблемы взаимоотношения языка и культуры, языка и картины мира является весьма значимым. Тем не менее, справедливо отмечая то, что действительная картина мира отражается в разных языках по-разному, теория лингвистической относительности преувеличивает роль языка, принижая тем самым роль объективной действительности и человеческого мышления.

В этом вопросе мы в большей мере солидарны с М.В. Никитиным, который считает, что «...духовный мир объективирует себя не только посредством языка, но еще другим и изначально гораздо более важным способом – через деятельность мыслящих субъектов. Именно в деятельностных контактах с действительностью изначально и

определяющим образом формируется и структурируется сознание мыслящих субъектов. Язык же с его формальной структурой, с членением его форм в этих процессах вторичен и подчинен им» [Никитин 2007: 800].

По мнению Г.Б. Палмера, «язык погружен в культуру и составляет с ней неразрывное единство» [Sharifian, Palmer 2007: 15]. И поскольку культурные знания составляют основную часть энциклопедического знания, большая часть концептов в любом языке является культурно-обусловленными, то есть не идентичными и в ряде случаев требующими объяснения для носителей других языков и культур.

Что же стоит за понятием *культура*?

Культура представляет собой сложный и многоплановый феномен, дать всеобъемлющее определение которому весьма сложно.

Мы разделяем точку зрения Г.В. Елизаровой о том, что наиболее продуктивным для лингвистики является такое понимание *культуры*, которое демонстрирует ее сходство с природой человеческого языка и представляет ее как *систему ценностей*, заложенных в ментальных структурах индивида, существующую только в обществе и обеспечивающую его целостность и передачу системы ценностей, включая материальные, от одного поколения к другому [Елизарова 2001: 34]. Это еще раз подтверждает неразрывное единство культуры, языка, коммуникативной деятельности, когнитивного и социального пространства, что вызывает необходимость интегрального подхода к их исследованию [Хомутова 2010].

К *универсальным* компонентам культуры относят: формы (материальные формы искусства, быта, поведение, общественные институты и т. д.), пропозиции (отношения между формами), убеждения (истинные пропозиции), ценности (разделяемые всеми принципы, которые придают порядок и направление человеческим действиям и мыслям), модели поведения (обуславливают целостность культуры), обычаи и типичные действия. По мнению ученых, культура определяет систему ценностных ориентаций как общества в целом, так и отдельной личности – носителя определенной культуры. Культурные универсалии позволяют соотнести разные культуры друг с другом и создать основу для усвоения другой культуры.

Для выявления конкретного *национально-специфического* наполнения компонентов культуры используют определенные параметры. Так, выявление ценностных ориентаций проводится с учетом отношения

представителей той или иной культуры к природе, времени, пространству, деятельности, характеру общения, характеру аргументации в ходе общения, характеру мышления, личной свободе и автономности личности, соперничеству, власти, природе человека и т. д. [Maletzke 1996: 42; Федуленкова 1996: 95; Dahl 1998; Елизарова 2001: 25-35; Мелерович 2006: 556].

Именно с конкретным национально-специфическим наполнением компонентов культуры связано понятие *национального характера*. Взгляды на природу и сущность данного понятия весьма противоречивы. В самом общем виде национальный характер трактуют как исторически сложившуюся совокупность устойчивых психологических черт нации, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ жизни людей, их отношение к труду, к другим народам, к своей культуре. Направленность национального сознания людей характеризуется отношением к окружающему [Крысько 1999]. Как указывалось выше, особое отношение к окружающему, представленному в терминах *природа, время, пространство, деятельность* и т.д., есть не что иное как национально-специфические культурные ценности. Исходя из этого, национальный характер можно рассматривать как наиболее типичные проявления культуры той или иной нации.

В национальных культурах сочетание ценностных параметров может быть различным, что придает им уникальность и неповторимость. Следует отметить, что существуют типичные сочетания указанных ценностных ориентаций, характерные для отдельных культур. Так, монохронная ориентация чаще всего сочетается с линейной аргументацией, ориентацией на будущее, склонностью к личной свободе, автономности личности, низкой контекстуальностью и тенденцией к равенству по отношению к власти [Елизарова 2001: 33]. Как правило, так характеризуют западные, в том числе и англоязычную, культуры. К русскоязычной культуре обычно относят такие характеристики, как полихронная, коллективистская, высококонтекстуальная, интуитивная, дедуктивная.

Вместе с тем, следует остерегаться упрощенного понимания характеристик, данных англоязычной и русскоязычной культурам. Культура не является чем-то застывшим, раз и навсегда данным, культурные ценности развиваются и меняются вместе с развитием общества. В эпоху глобализации и усиления межкультурных контактов происходит взаимовлияние культур, при котором возможно смещение полюсов базовых ценностей.

Одной из важнейших функций языка является то, что он хранит культурные ценности определенной нации и передает их из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь важную роль в формировании человеческой личности, в частности, и национального характера народа, в целом.

Каждый национальный язык не только отражает, но и формирует национальный характер. Национальный характер может быть изучен через призму языка. Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика. Из лексических единиц и их значений складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка [Тер-Минасова 2000]. Имеется весьма тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит. В языке находят свое отражение ценности, идеалы, установки людей, а единицы языка, несущие подобную информацию, представляют собой «ключи» к пониманию культуры и национальных особенностей какого-либо народа [Дамман 2012]. С лингвистической точки зрения интерес представляют те явления, которые зафиксированы в языке, прежде всего в его лексике, фразеологии, паремиологическом фонде.

Как указывалось выше, национальный характер непосредственно связан с понятием культурных ценностей (см. тж.: [Федуленкова, Тяжелова 2017]). Ценности – наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения. Параметры, по которым определяются ценностные ориентации конкретной культуры, включают в себя отношение к природе, времени, пространству, деятельности, характеру общения, характеру аргументации в ходе общения, личной свободе и автономности личности, соперничеству, власти, природе человека [Елизарова 2001].

Для проведения нашего исследования мы используем эту классификацию параметров ценностных ориентаций, однако, прежде чем рассматривать вышеперечисленные параметры на конкретных примерах, необходимо внести некоторые уточнения.

Нам представляется обоснованным объединить такие ценности, как *отношение к личной свободе и к соперничеству*, поскольку в обоих случаях речь идет о коллективизме, о сотрудничестве в рамках коллектива или группы людей с одной стороны, и о независимости, самостоятельности и личной свободе человека с другой стороны. Что касается *отношения к аргументации в ходе общения*, то проследить, каким образом этот параметр отразился в пословицах и поговорках довольно сложно. Таким образом, мы

исключаем этот параметр из нашей классификации, поскольку он не представляется достаточно существенным при исследовании пословиц.

Таким образом, классификация культурных ценностей, которой мы будем пользоваться при нашем исследовании, включает в себя отношение той или иной культуры к *деятельности, личной свободе и соперничеству, власти, времени, общению, природе, природе человека, пространству*.

При этом необходимо отметить, что параметры располагаются в соответствии с их частотностью, т.е. наиболее распространенный или многочисленный параметр занимает первое место, а наименее распространенный – последнее.

Само определение базовых ценностей любой культуры достаточно трудно. Мы обратились к языку, в котором, так или иначе, фиксируется весь человеческий опыт. В качестве материала для исследования и изучения вышеперечисленных ценностей мы выбрали пословицы и поговорки. Изучение пословиц обусловлено их способностью к накоплению внеязыковой информации. Пословицы освещают отдельные элементы картины мира, которые, как правило, имеют отношение к проблемам этики, поскольку одна из главных функций данных устойчивых комплексов языка – воспитательная [Добровольский 1997]. Возникая в различных исторических и бытовых условиях, пословицы для выражения одной и той же или сходной мысли часто содержат различные образы. Универсальное при этом проявляется в близости или идентичности значения, а национально-культурное – в выборе образа и его интерпретации с помощью средств соответствующего языка.

Пословицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Во внутренней форме большинства пословиц содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит. Пословицы и поговорки представляют образ жизни, географическое положение, историю и традиции того или иного народа, объединенного одной культурой. Исследуя единицы паремиологического фонда языка, можно обнаружить информацию о системе ценностей, общественной морали, отношении к миру, к людям, к другим народам [Дамман 2005]. Другими словами, пословицы и поговорки являются надежными хранителями этнокультуры [Алефиренко 2010: 405].

В ходе работы мы проанализировали 1250 английских пословиц и поговорок, отобранных из различных словарей английских пословиц и поговорок, таких как Р. Райдаут, К. Уиттинг «Толковый словарь английских пословиц» [1967]; И.М. Деева «English Proverbs and How to Use Them» [1970]; С.Ф. Кусковская «Сборник английских пословиц и поговорок» [1987]; «Английский язык в пословицах и поговорках» (сост. Г.А. Стефанович, Л.И. Швыдкая и др.) [1987]; М.В. Буковская, О.И. Вяльцева, З.И. Дубянская «Словарь употребительных английских пословиц» [1990]; «Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия» (сост. В. Модестов) [2008]. В полученных примерах с помощью ономаσιологического и семасиологического анализа, в том числе, анализа по словарным дефинициям, мы выделили ключевые слова для каждой культурной ценности, при этом проводился анализ их частотности [Дамман 2012]. Наш анализ позволил распределить паремии по исследуемым культурным ценностям следующим образом.

1. Отношение к деятельности.

Этот параметр является наиболее многочисленным среди всех, изученных нами, и к нему относятся 22% пословиц. Здесь мы сталкиваемся со следующими ключевыми словами: *business, venture* и *idleness, pleasure*. Например: ***Business before pleasure***; *Business is the salt of life*; *Nothing venture, nothing have*; ***Idleness is the root of all evil***.

Кроме того, мы считаем, что в рамках данного параметра необходимо рассмотреть отношение английской культуры к нескольким понятиям: во-первых, к *деятельности* как таковой, во-вторых, к *риску* и, в-третьих, к *традициям и родственным связям*. В целом можно отметить, что в английской культуре противопоставляются такие понятия, как *игра, разговоры* и *дело*: ***Deeds, not words***. Высокий результат дается высококачественным трудом: *Nothing to be got without pains*; *He that would eat the fruit must climb the tree*. Для получения результата необходимо приложить усилия и терпение: *No gain without pain*; *The work shows the master*; *What is worth doing at all worth doing well*; *As you sow, so shall you reap*; *Slow but sure wins the race*; *Where there's a will there's a way*; *If you want a thing well done, do it yourself*. Каждый должен заниматься своим делом: *Every man to his trade*; *Everybody's business is nobody's business*.

В английской культуре также существует такое понятие, как *idleness*, но оно оценивается однозначно отрицательно, а количество пословиц, содержащих данное ключевое слово, незначительно: ***Idleness rusts the mind***;

Idle folks have the least leisure или *An idle brain is the devil's workshop*. В пословицах предметом порицания становится лень: *By doing nothing we learn to do ill; Work done, have your fun*. Высмеиваются лентяи и лежебоки: *A lazy man is the beggar's brother*.

Что касается отношения английской нации к риску, то англичанам явно свойственна предусмотрительность и осторожность в поведении, только *глупец (fool)* пойдет на неоправданный риск, например: *If you cannot see the bottom, do not cross the river* или *Fools rush in where angels fear to tread*. Хотя в определенных ситуациях даже англичане готовы рискнуть: *Better risk a little than lose the whole; Nothing seek, nothing find*.

В отношении третьего понятия (традиции) английскую нацию отличает приверженность традициям и, хотя доказательства этому зафиксированы главным образом не в языке, а в самом образе жизни, подтверждение этому можно найти и в пословицах: *Tradition wears a snowy beard*. Возможно, благодаря такому трепетному отношению к традициям, англичане с почтением относятся к своим предкам и высоко ценят родственные связи: *Blood is thicker than water; Blood will tell*. Таким образом, причислить английскую культуру к какой-либо группе достаточно сложно, поскольку она сочетает в себе характеристики нескольких. Однако можно сказать, что английская культура больше ориентирована на прошлое, традиции, хотя это не исключает некоторой склонности к риску.

2. Отношение к личной свободе и соперничеству.

Общее число пословиц и поговорок, отражающих этот ценностный параметр, составляет 17%. При рассмотрении данного параметра необходимо обратить внимание на противопоставление *коллектива* и позиции *одного, независимого* человека.

В английском языке особую значимость приобретают слова *united/divided, company* и все производные местоимения с частицей *self*, например: *United we stand, divided we fall; Misery loves company; Every man is important to himself; Self done is soon done*. Кроме того, в английском языке особую значимость приобретают слова *business* и *perseverance*, поскольку в английской культуре важна конкуренция и настойчивость в достижении своей цели, например: *Perseverance performs greater works than strength* или *Business is the salt of life*.

В англоязычном сознании мы сталкиваемся с противоречивым отношением к концепту *коллектив*: с одной стороны, быть одному – это плохо, но с другой стороны, англичане чаще нуждаются в компании

исключительно для решения возникших трудностей: *Woe to him who is alone*, но *There is safety in numbers; Misery loves company*. Вероятно, все же, что англичанин должен находиться вне *толпы*, поскольку, согласно английской культуре, человек может полагаться только на себя, например: *If you want a thing well done, do it yourself; He travels the fastest who travels alone; A man is known by the company he keeps; The rotten apple injures its neighbours*.

Английская культура выделяет такое понятие, как *личность, индивидуальность*, человек всегда сам несет ответственность за свою деятельность, свои личные интересы всегда ставятся на первое место, при этом «акцент на личном “я” никаким образом не ущемляет интересы других людей» [Минц 1992]: *Self comes first; Every man for himself*.

Кроме того, человек должен проявлять упорство в достижении какого-либо результата и думать, прежде всего, о деле, а не о личных отношениях: *Business is the salt of life* или *Catch as catch can*.

Можно также отметить, что английская нация является более терпимой по отношению к другим людям и ценит их независимость и свободу, о чем свидетельствует большое количество пословиц о разнообразии взглядов, например: *Variety is the spice of life* или *Tastes differ*. Независимость англичан и их склонность к индивидуализму проявляется в умении и готовности «уважать человеческую личность, оберегать человеческое достоинство» [Овчинников 1979].

С понятием личной независимости тесно связаны такие концепты, как *home* и *freedom*. Широко известно, какую роль играет в английской культуре концепт дома/домашнего очага – того, что обозначается словом *home*. Дом наиболее близок по значению к русскому понятию «Родина» и английскому «*homeland*». Сам факт, что родная земля ассоциируется в английском языке с домом, знаменателен. Это подтверждается многочисленными пословицами, крылатыми выражениями: *Home, sweet home; East or West, home is best; An Englishman's home is his castle; A cock is valiant on his own dunghill; There is no place like home; Charity begins at home; Every bird likes its own nest best; Men make houses, women make homes; A house is not a home*.

Дом олицетворяет «свое» пространство, и это пространство недоступно никому, кроме семьи; оно противопоставлено «чужому» окружающему миру.

3. Отношение к власти.

По итогам нашего исследования, к этому параметру относится 15% изученных нами паремий. Тот факт, что этой ценности удалось оказаться на третьем месте, вероятно можно объяснить тем, что она сочетает в себе несколько концептов. В рамках этого параметра нам представляется обоснованным проанализировать отношение английской культуры к закону, с одной стороны, и к равенству, с другой. Выделение данных подгрупп объясняется тем, что иерархичность общества отнюдь не всегда исключает равенство людей в правах и почтительное отношение друг к другу.

Что касается первой подгруппы, то в английском языке основным ключевыми словами являются *law* и иногда *king*, например: *Laws catch flies, but let hornets free; A cat may look at a king*. Интересно, что в английской культуре наблюдается отрицательное отношение к власти и законам: *Might goes before right; If you wish to know what a man is place him in authority*. Кроме того, законы могут изменяться в зависимости от того, к кому они применяются; при этом богатые и видные люди избегают наказания: *One law for the rich and another for the poor; Laws grind the poor, and rich men rule the law*. Вероятно, этот факт объясняется тем, что жители Великобритании несколько раз становились жертвами завоевателей, при этом власть переходила из одних рук в другие, а правящая элита не заботилась об интересах порабощенного народа.

Далее, можно также отметить, что в английской культуре большое значение имеет собственность, а обладание ей дает человеку определенное преимущество: *Possession is nine points of the law*. Кроме того, очень интересно проследить, как отражается понятие «равенство» в английском языке. В английских пословицах мы не встречаемся с делением людей на начальников и подчиненных, в английском обществе все люди являются равными в правах, независимо от того, какое положение они занимают, например: *The sun casts beams upon the lowest shrubs* или *When it rains it rains on all alike*. Что касается понятия «вежливость», то оно является более разработанным в английском языке, выступая в виде синонимов: *politeness, courtesy, good words; Courtesy costs nothing; Politeness costs nothing, but yields much; Good words cost nothing, but are worth much*.

Из этого можно сделать вывод, что англичане очень ценят вежливость и хорошие манеры, считая, что эти качества являются неотъемлемой частью воспитанного человека.

4. Отношение ко времени.

Общее число пословиц, в которых нашел свое отражение данный параметр, составляет 14%. Очевидно, что ключевым словом при рассмотрении этого параметра будет *time* в английском языке, а также смежные с ними понятия, такие как *clock* и *life*, например: *Time and tide wait for no man; Time heals all wounds; Time is the great healer; Art is long, life is short; One cannot put back the clock.*

В английской культуре время представляет собой важную ценность: *Thing past cannot be recalled*; оно так же дорого, как деньги (*money*), например: *Time is money*. Англичане не допускают мысли о том, что временем можно пренебречь. Время – это самое дорогое, что есть у человека, а откладывать дела ни в коем случае нельзя, так как жизнь проходит очень быстро: *He who gains time, gains everything; He that has time has life; Wasting time is robbing oneself; Delays are dangerous; Life is but a span; Lost time is never found again.*

Кроме того, очевидно, что англичане воспринимают время монохронно и предпочитают заниматься одним делом, а не гнаться за «двумя зайцами»: *One thing at a time; Everything is good in its season* или *Dogs that put up many hares kill none.*

5. Отношение к общению.

К этому параметру относится 11% проанализированных пословиц и поговорок. В рамках данного параметра необходимо рассмотреть такие ключевые слова, как *speech* и *tongue*, например: *He knows much who knows how to hold his tongue; A still tongue makes a wise head; The tongue talks at the head's cost; Speech is golden.* Таким образом, необходимо уделить внимание отношению английской культуры к общительности и молчаливости, с одной стороны, и к прямолинейности и сдержанности, с другой.

По вопросу общительности и излишней разговорчивости английский язык единодушен в отрицательной оценке: *The greatest talkers are the least doers.* Английская культура признает, что молчание ценно и сравнивает его с золотом, например: *Speech is silver, but silence is gold.* Кроме того, интересно, что английская культура ценит краткость изречения: *Brevity is the soul of wit.* Однако англичане являются скрытными и сдержанными в речи, они видят в чрезмерной болтливости только негативные моменты и считают, что гораздо лучше помолчать и дать собеседнику высказаться. В этом проявляется стремление сохранить комфортную обстановку общения и нежелание смутить собеседника: *Tongue double brings trouble* или *Hear*

much, speak little. Англичане боятся «вторжения в чужую частную жизнь, и именно это заставляет англичан быть замкнутыми и необщительными, особенно с незнакомыми» [Майол 2001: 16]. Кроме того, этот факт, вероятно, можно объяснить исторически, а именно влиянием норманнской культуры. «Норманны были людьми действия. Они презирали красноречие, показной экстаз и считали одной из главных добродетелей способность держать свои чувства в узде» [Овчинников 1979].

6. Отношение к природе.

Этот параметр является одним из малочисленных, и общее число пословиц и поговорок, отражающих данную ценность, составляет 8%. При изучении данного параметра на пословицах необходимо обратить внимание на такие ключевые слова, как *fate* и *fortune*, например: *No flying from fate; Every man is the architect of his own fortune*. Однако в большинстве пословиц мы не встречаем подобных слов, а идея существования какой-либо высшей силы отражается имплицитно, с помощью образов: *Every bullet has its billet* и другие.

В английском языке также можно встретить упоминание *Бога* или *God* как понятия, олицетворяющие высшую власть или силу: *Man proposes, God disposes*. По всей видимости, английскую культуру можно отнести к фаталистической, поскольку большая часть пословиц отражает веру в существование судьбы, в неизбежность происходящего и лишь несколько говорят о том, что человек сам выбирает свой путь, например: *Every man is the architect of his own fortune; Misfortunes never come singly*.

7. Отношение к природе человека.

К этому параметру относится 7% рассмотренных нами пословиц и поговорок. В английских пословицах и поговорках мы сталкиваемся с такими ключевыми словами, как *fault* и *nature*, например: *Every man has his faults; A fault confessed is half redressed; Nature is stronger than rearing; Too much knowledge makes the head bald; Every thing has its two sides*. Исходя из изученных нами примеров, становится очевидным двойное отношение английской культуры к человеческой сущности. С одной стороны, все люди имеют свои слабости и недостатки, совершенных людей не бывает: *There are spots even in the sun; Every man has the defects of his own virtues; Homer sometimes nods*.

Осуждать человека не стоит, а лучше всего, не обращать внимание на незначительные слабости: *Wink at small faults*. Кроме того, по мнению англичан, у человека всегда есть шанс измениться к лучшему: *It's never too*

late to mend. С другой стороны, природа и сама сущность человека гораздо сильнее воспитания, и какие-то черты характера человека изменить практически невозможно, каким ты родился, таким и останешься на всю жизнь: *The leopard cannot change his spots; The Wolf may lose his teeth, but never his nature* или *You cannot make a crab walk straight*.

8. Отношение к пространству.

Данный параметр является самым малочисленным среди всех и составляет лишь 6%. Вероятно, этот факт можно объяснить тем, что отношение культуры к пространству гораздо легче определить, изучив манеры поведения в обществе, нежели лексические единицы и паремии. В рамках данного параметра особую значимость приобретает концепт «гостеприимство», а ключевым словом здесь может служить слово *guest*. Наряду с этим словом, с данным концептом ассоциируется и такое понятие, как *welcome*, например: *Good will and welcome is your best cheer; A surprise guest brings unrest; A constant guest is never welcome*.

Очевидно, что если в культуре сложилось в целом положительное отношение к гостям, даже пришедшим без предупреждения, она тяготеет к общественному пространству, а если нация относится к гостям настороженно и сдержанно, то она предпочитает пространство личное. Английская культура не допускает вторжения в личную жизнь человека, необходимо сохранять определенную дистанцию в отношениях, даже между друзьями: *Good fences make good neighbours; A hedge between keeps friendship green*. Каждый человек имеет право на свою частную жизнь и личное пространство, и он не потерпит вмешательства в свои дела. Хотя среди английских пословиц можно найти примеры, отражающие положительное отношение к гостям (*Welcome is the best dish*), такого понятия, как «гостеприимство» не существует в английской паремиологии. В английской культуре о визитах всегда нужно предупреждать заранее, а в связи с этим, такое понятие, как «незванный гость» имеет явно отрицательные коннотации, например: *Unbidden guests are welcome when they are gone; When in Rome do as the Romans do*.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены определенные качества национального характера и социальные отношения, признанные в англоязычном обществе как более или менее важные. В англоязычной культуре ценятся такие качества, как трудолюбие, усердие и молчаливость, последняя часто противопоставляется излишней болтливости. Кроме того, исследованные нами паремии свидетельствуют об

отрицательном отношении представителей англоязычной культуры к власти и законам, которые в большинстве своем субъективны и отражают интересы богатых членов общества, имеющих высокое социальное положение.

Англичане – консерваторы, они ориентированы на прошлое, для них характерна приверженность к унаследованным традициям и недоверие ко всему неизвестному и непривычному. Кроме того, очень большое значение имеют родственные связи и наследственность. Англичане предусмотрительны, осторожны и стараются избегать рискованных и опасных ситуаций. Они ценят независимость, индивидуализм и личную свободу, готовы уважать человеческую личность, оберегать человеческое достоинство как в себе, так и в других людях.

Еще одна ценность, занимающая немаловажное место в англоязычной культуре, это равноправие всех людей, вежливое и почтительное отношение к другому человеку. Англичане ценят время и ответственность за свои поступки, они не демонстративны, сдержаны в речи, предпочитают недосказанность и неприязненно относятся к любому открытому выражению чувств. Как показывает исследованный материал, английская культура в той или иной степени относится к фаталистичным, где признается наличие какой-либо высшей силы, которая управляет жизнью людей, а человеку следует, как можно меньше вмешиваться в естественный ход вещей. Тем не менее, человеку иногда предоставляется право свободного волеизъявления.

К людям англичане относятся терпимо, примиряясь с некоторыми недостатками, при этом осознавая несовершенство любого человека. И, наконец, огромное значение для англичан имеет частная жизнь и наличие своего личного пространства, нарушить границы которого не всегда позволено даже близким родственникам, не говоря уже о чужих людях.

Разумеется, было бы неверным утверждать, что вышеописанный английский национальный характер является полным и исчерпывающим. Необходимо отметить, что эти выводы сделаны нами исключительно на основе изученных материалов, главным образом пословиц и поговорок, с учетом таких факторов, как частотность слов и наличие определенных ключевых слов для английской культуры. Для того чтобы более полно и всесторонне описать английский, русский или любой другой национальный характер, нужно уделить должное внимание не только лексическим, но и грамматическим единицам языка, а также таким экстралингвистическим

факторам, как история культуры, быт народа, формы и модели поведения, обычаи и традиции и др., что может стать перспективным направлением дальнейших исследований.

Библиография

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия / Сост. В.С. Модестов. – М.: Русский Язык-Медиа, 2008. – 467 с.

Английский язык в пословицах и поговорках / Сост. Г.А. Стефанович, Л.И. Швыдкая и др. – М.: Просвещение, 1987. – 95 с.

Буковская М.В. и др. Словарь употребительных английских пословиц. – М.: Рус. яз., 1990. – 240 с.

Волкова Е.Ю., Федуленкова Т.Н. Фразеологическая единица как воплощение лингвокультурологической информации // Военно-гуманитарный альманах: Лингвистика. Язык. Коммуникация. Перевод: Материалы XI Международ. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации 30 июня 2017 г. – Вып. 2. – Т. 2. – М.: ВУ, 2017. – С. 514-521.

Дамман Е.А. Образы мужчины и женщины в пословично-поговорочном фонде разных языков // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005, №11 (51). – С. 61-66

Дамман Е.А. Концепт «поведение человека» в английской языковой картине мира // Международ. науч.-исслед. журнал. №5-1 (5), 2012. – С.74-76.

Деева И.М. English Proverbs and How to Use Them. – Л.: Просвещение, Ленинград, 1970. – 90 с.

Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37-48.

Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб: Изд-во «СОЮЗ», 2001. – 291с.

Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ, 1999. – 343 с.

Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. – Минск: Выш. Шк., 1987. – 253 с.

Майол Э. Эти странные англичане. Пер. с англ. И. Тогоевой / Э. Майол, Д. Милстед – М.: Эгмонт Россия лтд., 2001. – 72 с.

Мелерович А.М. О способах репрезентации фрагментов национальной языковой картины мира в словаре Х. Вальтера и В.М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» // Слово в словаре и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М., 2006. – С. 556-570.

Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Учебное пособие. – Ярославль: Ярославл. гос. пед. ин-т, 1979. – 214 с.

Минц Л.М. Сто народов, сто языков: Этнографические очерки / Л.М. Минц, А.С. Миловский, К.А. Сафиев и др.; под ред. Л.М. Минца. – М.: Просвещение, 1992. – 208 с.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.

Овчинников В. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах // Новый мир. – 1979. – № 4-6 // <http://www.e-reading.club/book.php?book=42483>.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – 264 с.

Федуленкова Т.Н. Фразеология языка – зеркало истории и культуры его носителя // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. – Ч. II: Язык в социально-культурном пространстве: Материалы Всероссийской науч. конф. – Томск: Томский гос. пед. ун-т, 1996. – С. 95-100.

Федуленкова Т.Н., Тяжелова Е.В. Роль коммуникативной фразеологии в формировании социокультурной компетенции // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 5; URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26708> (дата обращения: 04.09.2017).

Хомутова Т.Н. Научный текст: интегральный подход: монография / Т.Н. Хомутова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 333 с.

Boas F. General anthropology / F. Boas, R. Benedict. – New York: D.C. Heath and Co., 1938. – 718 p.

Dahl S. Communications and culture transformation. Cultural Diversity, Globalization and Cultural Convergence. – Project presented to the European University. – Barcelona, 1998. Retrieved from the www: <http://www.stephweb.com/capstone/1.htm>.

Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation: Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen/ G. Maletzke. – Opladen: Westdt, Verl, 1996. – 226 S.

Ridout R. & C. Witting. English Proverbs Explained. – London, 1967.

Sapir E. The psychology of culture: a course of lectures. Reconstructed and edited by J.T. Irvine. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. – 266 p.

Sharifian F. Applied Cultural Linguistics: Implications for Second Language Learning and Intercultural Communication/ F. Sharifian and G.B. Palmer (eds.). – John Benjamin Publishing Company, 2007. – 186 p.

Whorf B.L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. J.B. Carroll. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956. – 278 p.

Глава 9

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОСЛОВИЦЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Т. Н. Федуленкова

Пословицы рассматриваются как коммуникативные фразеологические единицы, которые занимают особое место в языковой картине мира, так как, во-первых, они обладают полной совокупностью признаков языкового знака, то есть, номинативным значением, денотативным значением и часто коннотативным значением, и, во-вторых, они в обобщенной форме, характеризуют не только предмет или явление, но и, как правило, целую ситуацию (см. тж.: [Мелерович 1998; Алефиренко 2009]). Считаю необходимым уточнить, что к области фразеологии относятся лишь те пословицы, которые обнаруживают признаки семантической трансформации компонентного состава и способны функционировать как единицы вторичной номинации (см. тж. [Кунин 1970: 211]). Пословицы с буквальным значением всех компонентов относятся к устойчивым фразеоматическим образованиям [Кунин 1996: 341].

С одной стороны, пословицы как коммуникативные фразеологические единицы являются языковыми знаками, обладающими независимым от контекста значением. С другой стороны, их форма может изменяться под влиянием стратегии и тактики конкретного дискурса. Сопоставительное изучение парадигматических особенностей коммуникативных фразеологических единиц современного английского языка и специфических характеристик их контекстуально-дискурсных реализаций в текстах современной англоязычной научной и художественной прозы предоставляет возможность наблюдать мощную тенденцию к сокращению количества компонентов в изучаемых языковых знаках фразеологического характера. Актуальность данного исследования определяется необходимостью не только констатировать собственно наличие сокращения формы коммуникативной фразеологической единицы как языкового знака, но и произвести классификацию некоммуникативных

и номинативно-коммуникативных фразеологизмов, являющихся результатом изучаемого процесса компонентного сокращения пословичных КФЕ.

Известно, что пословица всегда является предложением [Федуленкова 1997: 44], но, в отличие от коммуникативных фразеологических единиц других типов, пословицы часто имеют форму сложных предложений: *One may live without father or mother, but one cannot live without God* [Fergusson 1995: 201]; *If you leap into a well, Providence is not bound to fetch you out* [Fergusson 1995: 207]; *He that is needy when he is married, shall be rich when he is buried* [Fergusson 1995: 153].

Большинство пословичных КФЕ современного английского языка представляют собой краткие, лаконичные высказывания, состоящие из четырех – семи компонентов: *Fair face, foul heart; Still waters run deep; Desire has no rest; Soon ripe, soon rotten; Will is no skill; Nothing seek, nothing find; All is not gold that glitters; Care killed the cat; Fight fire with fire; Every medal has its reverse.*

Самые короткие распространенные пословичные коммуникативные фразеологизмы в современном английском языке представлены трехсловными устойчивыми оборотами с полной или частичной семантической трансформацией компонентного состава: *Fortune is blind; Woes unite foes; Plenty makes poor; Misfortunes hasten age; Measure is treasure; Pardon makes offenders; Thought is free; Words bind men; Flesh is frail; Time has wings.*

Тенденция к сокращению компонентного состава характерна для пословиц более, чем для каких-либо других типов фразеологических единиц. Замечено, что длинные пословицы, т.е. те, которые состоят более чем из десяти слов, постепенно начинают выходить из употребления в полном своем составе, порождая эллиптированные дериваты. Так, например, пословичная коммуникативная фразеологическая единица *The pitcher goes once too often to the well but is broken at last* (букв.: кувшин слишком часто ходит к колодцу и в конце концов разбивается), состоящая из 14 слов, и имеющая значение «человек многократно совершает обман или преступление, но в конце концов его разоблачают», в современном английском языке редко употребляется в своем полном компонентном составе. Естественное стремление носителей языка к языковой экономии приводит к сокращению рассматриваемой пословицы в речевом

употреблении. В процессе первичного усечения данной КФЕ происходит опущение конечных пяти слов (*but is broken at last*), в результате чего в речи появляется 9-словный количественный дериват *The pitcher goes once too often to the well*, имеющий тождественное первоначальному выражению значение, сравним:

(e.g.1) *“He went after the poachers, did he not?” said I. “Yes, as usual,” replied my Tutor; “he has done it before scores of times.” “The pitcher goes often to the well, but is broken at last,” returned I. “I should not be surprised if the wretched man has been murdered by some of those against whom he waged such unceasing war.”* (J. Payn). – Сэр Массингберд охотится за браконьерами, не так ли? – спросил я. – Да, как обычно, – ответил мой учитель. – Не первый раз и не последний. – *Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить*, – заметил я. – Не удивлюсь, если этого несчастного укокошат те, с кем он непрестанно воюет.

(e.g.2) *“It was fun scooping money from banks, trains and post-offices and the so-called security vans! It was fun planning and deciding, glorious fun and I’m glad I had it. The pitcher goes to the well once too often? That’s what you said just now, wasn’t it? I suppose it’s true. Well, I had a good run for my money.”* (A. Christie). – Здорово было сгрести деньги из банков, поездов и, так называемых, бронированных фургонов! Здорово было планировать и решать, потрясающе здорово, и я рад, что я испытал это. *Повадился кувшин по воду ходить?* Так ты сказал только что, да? Думаю, что это верно. Да, хорошенькая у меня была пробежка за деньгами.

Такое развитие компонентного состава пословицы в сторону сокращения числа составляющих ее слов закрепляется в речи, как устной, так и письменной:

(e.g.3) *“...the thief, or the kleptomaniac, is always the same – convinced that she can get away with it.” Battle nodded his head. “That’s true enough. Incredibly stupid. The pitcher goes to the well time after time ...”* (A. Christie). – ...воровки и kleptomанки все на один манер: всегда уверены, что останутся безнаказанными. – Бэттл кивнул головой. – Да, правда. И это ужасно глупо. *Но повадился кувшин по воду ходить...*

При этом количественное изменение формы пословичной КФЕ сопровождается окказиональными изменениями в ее грамматической структуре с целью достижения максимального прагматического эффекта:

(e.g.4) *Rich tourists arriving in France and not worried unduly by the Customs because the Customs don’t worry tourists when they’re bringing money*

into the country. Not the same tourists too many times. The pitcher mustn't go to the well too often. (A. Christie). – Богатые туристы, прибывающие во Францию. И таможня их не слишком беспокоит, потому что таможня не беспокоит туристов, когда они везут деньги в страну. Но не одни и те же туристы, и не слишком часто. *Кувшин не должен слишком часто по воду ходить.*

Закрепленный в речи усеченный квантитативный дериват пословичной КФЕ фиксируется в словарных статьях современного английского языка. Но поскольку исходная форма пословицы продолжает функционировать в речи, то та часть пословицы, которая подвержена опущению, указывается в словарной статье в скобках: *The pitcher goes once too often to the well (but is broken at last)* [Буковская и др. 1990: 143].

Дальнейшее сокращение компонентного состава рассматриваемой коммуникативной фразеологической единицы приводит к образованию трехсловного фразеологического оборота *once too often*, обладающего некоммуникативным характером [Кунин 1972: 142] и выполняющего в предложении функцию адвербиального модификатора:

(e.g.5) “*Glory be to the White Magic!*” he cried. “*Glory be to the silver bullet! The hellhound has hunted **once too often**, and my brothers are avenged at last.*” (G.K. Chesterton). – Слава Белой Магии! – воскликнул он. – Слава серебряной пуле! Поохотился цербер *слишком часто*, и мои братья наконец-то отомщены.

В современном английском языке фразеологизм *once too often* функционирует как квантитативно-усеченный дериват пословичной, или коммуникативной, фразеологической единицы *The pitcher goes once too often to the well but is broken at last*. В пользу данного утверждения приводим следующие аргументы. Во-первых, обе анализируемые языковые единицы обладают лексико-структурным инвариантом. Во-вторых, результирующий некоммуникативный фразеологизм, утрачивая в результате двухстороннего эллипсиса часть компонентов, не только сохраняет при этом основную сему КФЕ, обозначающую частотность совершения какого-либо противоправного, аморального или другого осуждаемого действия, но и имеет ту же пейоративную стилистическую окраску, что и оригинальная пословица, см., например:

(e.g.6) *No sudden catastrophe had overwhelmed them, no grand conflict in which they could at least die nobly. They had simply got drunk **once too often** and lost their money...* (R. Aldington). – Никакая внезапная катастрофа над ними

не разразилась и не участвовали они и ни в каком социальном потрясении, благородно рискуя жизнью. Они просто *слишком часто* прикладывались к бутылке и, в конце концов, остались без цента...

Рассматриваемая КФЕ в результате двухстороннего клиппирования теряет почти 80% своего компонентного состава (11 слов из 14), сохраняя при этом ассоциативные связи со своим генетическим прототипом. Это далеко не единичный случай в современном английском языке. Такое же процентное соотношение компонентного состава наблюдается и между другими пословичными КФЕ и их усеченными дериватами. Например, в пословичной КФЕ *Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise* также имеется четырнадцать компонентов, из которых в результате речевой элиминации также остается три компонента *early to bed*, и при этом результирующая некоммунитивная фразеологическая единица демонстрирует рост абстракции своего номинативного потенциала [Мелерович 2000: 3; Fedulenkova 2009: 45], сравним:

(e.g.7) *Well, it was not like the doctor to hold his peace at this glaring opposition to his favourite theory, and yet, to Tom's astonishment, he forbore to quote that threadbare and detestable adage, 'Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise' – proverbial and uncomfortable philosophy that Tom hated with all his foolish young heart.* (J. Cary). – Ну, на доктора не было похоже, чтобы удержать равновесие при этой вопиющей оппозиции, противостоящей его любимой теории, и все же, к изумлению Тома, он воздержался от того, чтобы процитировать это избитое и отвратительное изречение «*Будешь рано ложиться и рано вставать – станешь здоровым, богатым и мудрым*», – общеизвестная и неудобная философия, которую Том ненавидел всем своим глупым молодым сердцем.

(e.g.8) *'I can't bear to tear myself away from the fun,' she said, and it was clear that she really meant it. 'But early to bed, you know. I'm sure I could do with a lot more wealth,' she added with a sigh.* (M. Wilson). – Для меня невыносимо отрываться от удовольствия, сказала она, – и было ясно, что она говорила то, что думала. Но *рано в кровать*, видите ли. Я не сомневаюсь, что меня устроит гораздо большее богатство, добавила она со вздохом.

Тенденция к сокращению многокомпонентных коммуникативных фразеологических единиц характеризуется устойчивостью в современном английском языке, о чем свидетельствуют многочисленные зафиксированные в словарях примеры:

a) Do not count your chickens before they are hatched > *count one's chickens*.

(e.g.9) “*My dear,*” said Cosmo, “*I do wish you would not count all your chickens so long before they are hatched. You’re not fair to yourself. I’ve told you so before.*” Her elation disappeared. Yes, she told him, that was just his way, wasn’t it? To destroy her confidence? (P. Johnson). – Мой дорогой, – сказала Космо, – весьма сожалею, что ты считаешь всех своих цыплят до того, как они вылупились. Ты несправедлив к себе. Я уже говорила тебе об этом. – Ее приподнятое настроение исчезло. Да, она сказала ему, это ведь было характерно для него. Чтобы разрушить ее уверенность?

(e.g.10) ...he had his superstitions, and one of them was that **counting your chickens in advance brought bad luck.**” (P.G. Wodehouse). – ... достопочтенный Галахед верил в дурные приметы; он думал, например, что считать цыплят заранее значит – обязательно потерпишь неудачу.

б) Talk of the devil and he is sure to appear > *talk of the devil*.

(e.g.11) *The next morning she had a letter. When she saw the handwriting she thought, ‘Talk of the devil and he’ll appear.’ And her heart leaped suddenly.* (Bromfield). – На следующее утро она получила письмо. Когда она увидела почерк, то подумала: «Заговори о дьяволе, и он объявится». И ее сердце внезапно подпрыгнуло.

(e.g.12) “*Oh, it’s you, Mr. Wormold. I was just thinking of you. Talk of the devil.*” – he said, making a joke of it, but Wormold could have sworn that the devil had scared him. (Gr. Greene). – А, это вы, мистер Вермолд. Я как раз думал о вас. Заговори о дьяволе, – сказал он, превращая это в шутку, но Вермолд мог бы поклясться, что дьявол испугал его.

в) What is bred in the bone will come out in the flesh > *bred in the bone*.

(e.g.13) “*With wise and careful training many of her faults may be cured,*” said uncle Wallace, pompously. “*I doubt it,*” said Aunt Ruth, in a biting tone. “**What’s bred in the bone comes out in the flesh.** As for Douglas Starr, I think that it was perfectly disgraceful for him to die and leave that child without a cent.” (Montgomery). – Посредством мудрого и продуманного обучения многие из ее недостатков могут быть устранены, – напыщенно произнес дядя Уоллес. – Сомневаюсь, – сказала тетя Руфь, ядовитым тоном. – **Что вскормлено в кости, то и проявится во плоти.** А что касается Дугласа Старра, то я считаю абсолютным позором с его стороны умереть и не оставить этому ребенку ни цента.

(e.g.14) “*I suppose you are devoted to your profession?*” “*Yes,*” he said simply. “*It’s bred in the bone, we’ve always had a sailor in the family.*” (J. Galsworthy). – Вы, наверное, любите свою профессию? – Да, – просто ответил Тасборо. Это у меня в крови. У нас в семье всегда кто-нибудь был моряком.

г) It is an ill bird that fouls its own nest > *foul one’s own nest.*

(e.g.15) “*Do you mean to say, you scoundrel, that an Englishman is capable of selling his country to the enemy for gold?*” “*Not as a general thing I wouldn’t say it, but there’s men here would sell their own mothers for two coppers if they got the chance.*” “*...it’s an ill bird that fouls its own nest.*” (B. Shaw). – Вы хотите сказать, негодяй, что англичанин способен за деньги продать свою родину врагу? – Вообще, я бы этого не сказал, но здесь найдутся люди, которые родную мать продадут, если представится случай. – ...Скверная это птица, которая поганит свое собственное гнездо.

(e.g.16) *You’ll soon tell me I’m fouling my own nest, and I shall retort that it’s foul enough without any assistance from me.* (R. Aldington). – Вы скажете мне теперь, что я гажу в собственном гнезде, а я отвечу вам, что оно достаточно загажено и без моего участия.

д) It is the last straw that breaks the camel’s back > *the last straw.*

(e.g.17) *It is the last straw that breaks the camel’s back, though under many of the previous ones it has been cracking; and (although in reading of it, the cause seems absurdly disproportioned to the effect) at the request for the fish sauce recipe, she feels as if she must begin sobbing – begin and never stop.* (R. Broughton). – Это именно та последняя соломинка, которая переламывает хребет верблюду; хотя под многими предыдущими он давно трещит; и (хотя в этой формулировке причина кажется абсурдно диспропорциональной результату) при требовании рецепта для рыбного соуса она чувствует себя так, как будто она должна разразиться рыданиями – разразиться, да так и не остановиться.

(e.g.18) *This was the last straw. He was throwing up her lawless girlhood to her as an offence.* (Th. Dreiser). – Эта капля переполнила чашу. Он ставит ей в вину ее безрассудную девичью любовь к нему.

В своей последней работе по фразеологии современного английского языка А.В. Кунин отмечает способность длинных пословиц, т.е. пословиц, состоящих более чем из десяти лексем, устаревать [Кунин 1996: 340]. Нельзя не согласиться с этим утверждением, хотя категоричность автора может быть дискуссионной в том смысле, что жизнь поликомпонентных

пословиц продляется за счет их квантитативно-усеченных дериватов, которые вследствие своего структурно-семантического состава не могут не служить постоянной аллюзией, указывающей на свой многословный прототип.

Но не только поликомпонентные пословичные КФЕ подвергаются активному усечению в современной английской речи с последующей фиксацией в словарной статье. Многие малокомпонентные пословицы современного английского языка, состоящие из пяти-шести и даже четырех компонентов, демонстрируют явную тенденцию к сокращению своего лексемного состава, обогащая соответствующую лексико-фразеологическую парадигму малокомпонентными, двухсловными, фразеологизмами некоммуникативного характера, о чем свидетельствуют следующие примеры:

а) *A new broom sweeps clean > a new broom.*

(e.g.19) *Everybody said how well the new Secretary was doing, but old Mr. Carr said shortly, 'Yes, new brooms sweep clean'.* (B. Henderson). – Все говорили, что новый министр действует успешно, но старый мистер Карр вскоре заметил: «Новая метла всегда чисто метет».

(e.g.20) *...D'ye know what they're callin' him round here? The 'New Broom', because he's always sayin' he'll sweep the idea of God clean outa th' mind o' man.* (S. O'Casey). – ...А знаешь, его все прозвали «новой метлой», потому что он всем прожужжал уши, что выметет начисто всякую мысль о боге из человеческого разума.

б) *Habit is (a) second nature > second nature.*

(e.g.21) *Do you remember the good old saying, "Do what you ought, that you may do what you like"? Habit is second nature. Were I told that I might lie in bed every morning till nine or ten o'clock, as a great favour, I should consider it a great punishment.* (Wood). – Вы помните хорошую старую поговорку «Делай то, что должен, чтобы иметь возможность делать то, что любишь»? Привычка – вторая натура. Если бы мне сказали, что каждое утро я могу лежать в постели до девяти или десяти часов в качестве особого одолжения, я бы посчитал это великим наказанием.

(e.g.22) *Those rules of deduction laid down in that article which aroused your scorn are invaluable to me in practical work. Observation with me is second nature.* (A.K. Doyle). – Правила дедукции, изложенные в той статье, которая вызвала ваше презрение, являются бесценными для меня в практической работе. Наблюдательность для меня – вторая натура.

в) There is safety in numbers > *safety in numbers*.

(e.g.23) *After seeing him she thought at first that she would question him, but later decided that she would wait and watch more closely. Perhaps he was beginning to run around with other women. **There was safety in numbers** – that she knew.* (Th. Dreiser). – После того, как Эйлин видела Фрэнка с Антуанетой Новак, ей очень хотелось учинить ему допрос, но она пересилила себя и решила сначала последить за ним. Может быть, он волочитя сразу за несколькими женщинами? *Тогда это не так страшно.*

(e.g.24) *“I might join you too,” he said, “if no other arrangements have been made for me. It would be a bit like staying on shipboard if we stuck together.” “**Safety in numbers,**” the purser agreed.* (Gr. Greene). – Я бы тоже к вам мог присоединиться, – сказал он, – если ничего другого для меня не организовали. – *Надежность в количестве,* – согласился начальник интендантской службы.

г) Second thoughts are best > *second thoughts*.

(e.g.25) *Your inclination is to close with the offer. My advice is wait and think more about it, **second thoughts are best.*** (B. Henderson). – Вы склоняетесь к тому, чтобы принять это предложение. Советую вам подождать и подумать. Как говорится, *семь раз отмерь, один – отрежь.*

(e.g.26) *Influenced by **a second thought** she readily obeyed.* (Th. Hardy). – *Подумав еще раз,* она согласилась.

д) Forbidden fruit is sweetest > *forbidden fruit*.

(e.g.27) *Such is the contrariness of the human heart, from Eve downwards, that we all, in our old Adam state, fancy **things forbidden sweetest.** So Mary dwelt upon and enjoyed the idea of some day becoming a lady, and doing all the elegant nothings appertaining to ladyhood.* (E. Gaskell). – Таково своенравие человеческой души со времен Евы, что мы все, в нашем старом Адамовом государстве считаем, что *запретный плод сладок.* Так размышляла Мэри, тешась мыслью когда-нибудь стать леди, занятой всеми сопутствующими элегантными безделушками, связанными с этим статусом.

(e.g.28) *It is somewhat ironic that many places which need water most critically have huge reserves in their front yard – California and Texas for example. Yet the salt in the sea water makes it **a forbidden fruit.*** (R.E. Lapp). – Как это ни парадоксально, но районы, более других страдающие от недостатка влаги, например, Калифорния или Техас, имеют буквально под самым носом колоссальные запасы воды. Но, увы, это *запретный плод,* потому что в морской воде растворены соли.

Проведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что сокращение компонентного состава в сфере пословичной, или коммуникативной, фразеологии носит массовый характер и затрагивает как поликомпонентные, так и малокомпонентные КФЕ. Результатом такого сокращения являются квантитативно-усеченные дериваты исходных пословиц, которые используются в речи в качестве самостоятельных фразеологических единиц, сохраняющих ассоциативную связь со своим прототипом.

Итак, рассматриваемая в данной работе тенденция клиппирования, или усечения, пословичной, или коммуникативной, фразеологии реализуется посредством опущения одного компонента или целой группы компонентов фразеологической единицы. В зависимости от того, какая структурная часть КФЕ подвергается усечению – конечная или начальная, или обе части одновременно, – предлагаю классифицировать результирующие фразеологические обороты на три группы с присвоением им, соответственно, следующих терминов: 1) инициально-усеченные фразеологические дериваты, 2) терминально-усеченные фразеологические дериваты и 3) билатерально-усеченные фразеологические дериваты.

I. Инициально-усеченными фразеологическими дериватами называем такие фразеологические обороты, которые образовались в результате усечения, или опущения, начального компонента или группы компонентов пословичной, или коммуникативной, фразеологической единицы, например: *stand on one's own bottom* (от пословицы: *Every tub must stand on its own bottom*; буквально: каждая кадка должна стоять на собственном днище; со значением: каждый человек должен отвечать за себя); *return to one's vomit* (от посл.: *The dog returns to his vomit*; букв.: собака возвращается к своей блевотине; знач.: человек снова предается прежним порокам); *call the tune* (от посл.: *He who pays the piper calls the tune*; букв.: тот, кто платит волынщику, заказывает мелодию; знач.: у того, кто берет на себя расходы, есть право распоряжаться); *the better part of valour* (от посл.: *Discretion is the better part of valour*; букв.: осторожность – лучшая часть доблести; знач.: следует избегать неоправданного риска) и многие другие.

Компонентный анализ инициально-усеченных дериватов коммуникативных фразеологических единиц, наиболее активно функционирующих в современном английском языке, дает возможность выделить их следующие структурно-грамматические виды (см.: [Аракин 1976: 156-172]):

1) глагольно-объектные фразеологизмы: *make a silk purse out of a sow's ear* < *You cannot make a silk purse out of a sow's ear* (букв.: нельзя сделать шелковый кошелек из свиного уха – грубый и тупой по природе человек не станет умным и благородным); *stick to one's last* < *The cobbler should stick to his last* (букв.: сапожнику следует придерживаться своего ремесла – каждый должен делать свое дело, не берясь за то, в чем он не разбирается); *put back the clock* < *One cannot put back the clock* (букв.: нельзя отвести часы назад – нельзя изменить ход истории); читаем контекст:

(e.g.29) “*I have friends too,*” *I said furiously. “One word and I could have you torn in pieces, Ranjit. I could **put the clock back** here and in Bhighat a long way, back to the time they killed your policeman down here! I could destroy your career, and the Governor’s. I’ve only got to raise my finger and you’ll have a thousand men in rebellion in these hills.”* (E.S. Gardner). – У меня тоже есть друзья, – сказал я, полный ярости. – Одно слово и тебя разорвут на куски, Ранджит. Я могу *повернуть время вспять* здесь и в Бхигате далеко назад к тому времени, когда убили здесь вашего полицейского! Я могу разрушить твою карьеру и карьеру управляющего. Стоит мне только пальцем пошевелить, и тысячи повстанцев поднимутся на этих холмах.

2) двухкомпонентные атрибутивно-именные фразеологизмы: *second nature* < *Habit is a second nature* (букв.: привычка – вторая натура – привычки почти невозможно изменить); *desperate remedies* < *Desperate diseases must have desperate remedies* (букв.: отчаянные болезни должны иметь отчаянные лекарства – в крайних ситуациях нужны крайние средства); *a silver lining* < *Every cloud has a silver lining* (букв.: каждая туча имеет серебряную подкладку – даже в самой мрачной ситуации можно найти светлые стороны); *spilt milk* < *It is no use crying over spilt milk* (букв.: бесполезно плакать над пролитым молоком – бесполезно жалеть о том, что сделано и что невозможно исправить):

(e.g.30) “*But she wouldn’t cry; she was fortified by all the conventional remarks which came automatically to her mind about **spilt milk** and will be the same in fifty years.*” (Gr. Greene). – Но она не будет рыдать; ее уверенность укреплялась каждой общепринятой фразой, которая автоматически приходила ей на ум, об *утраченной возможности*, которая будет такой же и через пятьдесят лет.

3) трехкомпонентные предложно-именные фразеологизмы: *nine points of the law* < *Possession is nine points of the law* (букв.: собственность – девять пунктов закона – богатые люди, владеющие частной собственностью, в

глазах закона имеют все преимущества); *wise after the event* < *It is easy to be wise after the event* (букв.: легко быть мудрым после события – после того, как что-то случилось, легко говорить, что ты это предвидел); *a rose without a thorn* < *There is no rose without a thorn* (букв.: нет розы без шипов – во всем хорошем есть неприятные стороны); что подтверждается контекстом:

(e.g.31) *On Richmond Hill there lives a lass, More sweet than May day morn, Whose charms all other maid surpass. A rose without a thorn.* (McNelly). – На холме Ричмонд живет девушка, приятнее, чем майское утро, чьи чары превзошли всех других девушек. *Роза без шипов.*

II. Терминально-усеченными фразеологическими дериватами называем такие фразеологические обороты, которые образовались в результате усечения, или опущения, конечного компонента или группы компонентов пословичной, или коммуникативной, фразеологической единицы, например: *a burnt child* (от пословицы: *A burnt child dreads the fire*; буквально: обжегшийся ребенок боится огня; со значением: человек, потерпевший в чем-то неудачу, в будущем проявляет большую осторожность в подобных ситуациях); *ill-gotten goods* (от посл.: *Ill-gotten goods never prosper*; букв.: дурно нажитое добро никогда не плодоносит; знач.: материальные блага, приобретенные нечестным путем, не приносят удачи); *it is an ill wind* (от посл.: *It is an ill wind that blows nobody good*; букв.: дурной тот ветер, который не надует ничего хорошего, знач.: не все страдают от приключившегося несчастья); и многие другие.

В результате терминального клиппирования пословичных, или коммуникативных фразеологических единиц современный английский язык пополняется следующими видами фразеологизмов с характерной для них грамматической структурой словосочетания (см.: [Аракин 1979; 1983]):

а) субстантивными фразеологизмами: *barking dogs* < *Barking dogs seldom bite* (букв.: лающая собака редко кусает – люди, грозные на словах, редко бывают грозными на деле); *a good beginning* < *A good beginning makes a good ending* (букв.: хорошее начало определяет хороший конец – в любом деле важно сделать правильное начало); например:

(e.g.32) “*Catherine*” – *Fraser hesitated* – “*you don’t really know much about Larry, do you?*” *Catherine felt her back stiffening.* “*I know I love him, Bill,*” she said evenly, “*and I know that he loves me. That’s a pretty good beginning, isn’t it?*” (Sheldon). – Катерина, – Фразер помедлил, ты в самом деле очень мало знаешь о Лари, не так ли? Катерина почувствовала, что

холодок пробежал у нее по спине. – Я знаю, что люблю его, Билл, – сказала она ровно, – и я знаю, что он любит меня. *Не плохо для начала*, не так ли?

б) глагольными фразеологизмами: *spare the rod < Spare the rod and spoil the child* (букв.: пожалей розгу и испортишь дитя – с малолетства детей следует держать в строгости); *pay the piper < He who pays the piper calls the tune* (букв.: тот, кто платит волынщику, заказывает мелодию – у того, кто берет на себя расходы, есть право распоряжаться):

(e.g.33) *Of course, I am a poor man, and my uncle was a rich one – in other words, he **paid the piper!*** (A. Christie). – Конечно, я бедный человек, а мой дядя был богатым, другими словами, он *оплачивал музыку!*

в) адвербиальными фразеологизмами: *When in Rome < When at Rome, do as the Romans do* (букв.: когда ты в Риме, делай так, как делают римляне – надо приспособливаться к привычкам и обычаям тех людей, среди которых живешь); *out of sight < Out of sight, out of mind* (букв.: прочь из виду, прочь из памяти – отсутствующих быстро забывают):

(e.g.34) *He got in, slammed the door and started up the engine. In a moment the Volkswagen was on its way, across the piazza de Duca Carlo and **out of sight.** And out of my life as well.* (Maurier). – Он сел, хлопнул дверью и завел мотор. Через мгновение фольксваген тронулся и поехал по площади де Дука Карло и *исчез из вида*. И из моей жизни тоже.

Для количественно-усеченных дериватов, образующихся в результате терминального сокращения компонентного состава изучаемых коммуникативных фразеологических единиц, нередко характерна полная предикативность и сохранение грамматико-синтаксической организации предложения, которая может быть классифицирована по следующим структурно-семантическим видам:

1) Изъявительное предложение со значением провозглашения некоторой истины в качестве универсальной: *needs must < Needs must when the devil drives* (букв.: нужда заставляет, когда дьявол погоняет – нужда заставляет действовать); *it's never too late < It's never too late to mend* (букв.: никогда не поздно починить – век живи, век учись); *art is long < Art is long, life is short* (букв.: искусствоечно, жизнь коротка – нельзя попусту растрачивать время, в жизни надо много успеть):

(e.g.35) ***Art is long**, and Time is fleeting, And our hearts, though stout and brave, Still, like muffled drums, are beating Funeral marches to grave.* (H. Longfellow). – *Искусствоечно*, а время летит, и наши сердца, хотя и

крепкие и бравые, все же как приглушенные барабаны отбивают похоронные марши на пути к могиле.

2) Придаточное предложение со значением времени или условия: *when Greek meets Greek* < *When Greek meets Greek then comes the tug of war* (букв.: когда грек встречается с греком, тогда начинается война – когда сталкиваются два противника с одинаково сильными характерами, то борьба между ними будет долгой и упорной); *when the cat is away* < *When the cat is away, the mice will play* (букв.: когда кота нет, мышам раздолье – в отсутствие начальства подчиненные ведут себя более вольно); *while there's life* < *While there is life, there is hope* (букв.: пока есть жизнь, есть и надежда – никогда нельзя терять надежду):

(e.g.36) “Don't you want to speak to your wife?” *The thing voice was decided. “Not me... She'll have her chance later, won't she?” “Yes, yes,” one of the strangers said and he became very cheerful and encouraging. “Don't you worry too much. **While there's life ...**” And suddenly his father tried to laugh.* (Gr. Greene). – Разве вы не хотите поговорить со своей женой? Голос был решительный. – Нет, у нее будет возможность попозже, не так ли? – Да, да, – сказал один из незнакомцев и голос его звучал весело и ободряюще. – Не беспокойтесь слишком. *Пока жизнь идет...* – И вдруг его отец попытался засмеяться.

3) Повелительное по форме предложение со значением условия совершения какого-либо действия: *spare the rod* < *Spare the rod and spoil the child* (букв.: пожалей розгу и испортишь дитя – с малолетства детей следует держать в строгости); *talk of the devil* < *Talk of the devil and he is sure to appear* (букв.: заговори о дьяволе, и он наверняка появится – стоит о ком-то заговорить или подумать, как он появляется); *give a dog a bad name* < *Give a dog a bad name and hang him* (букв.: дай собаке дурное имя и повесь ее – клевета губит человека):

(e.g.37) *I showed him what a fool he was, and as a result he decided that I was a hopeless incorrigible. **Give a dog a bad name** – you know the saw. Very well. Warden Atherton gave the final sanction to the badness of my name.* (J. London). – Я показал ему, какой он глупец, и в результате он решил, что я безнадежно неисправимый человек. *Дай собаке дурное имя* – вы знаете изречение. Очень хорошо. И Варден Адертон вынес окончательный вердикт неблагозвучности моего имени.

4) Повелительное предложение со значением побуждения к действию с целью достижения запланированного результата: *first catch your hare* <

First catch your hare, then cook him (букв.: сначала поймай зайца, потом вари из него суп – нельзя быть уверенным в успехе дела, пока оно не закончится); *make hay < Make hay while the sun shines* (букв.: заготавливай сено, пока светит солнышко – в любых начинаниях надо использовать благоприятные условия); *think twice < Think twice before you speak once* (букв.: два раза подумайте, перед тем как один раз сказать – каждое действие должно быть хорошо продумано):

(e.g.38) *You can't argue with a man who's got a fist like a steam hammer and wouldn't **think twice** about using it.* (W.S. Maugham). – Вы не станете спорить с человеком, у которого кулак как паровой молот и который не будет *думать дважды* прежде, чем пустить его в ход.

III. Билатерально-усеченными фразеологическими дериватами называем такие фразеологические обороты, которые образовались в результате одновременного усечения, или опущения, начального компонента или их группы и конечного компонента или группы компонентов: *lock the stable door* (от пословицы: *It is too late to lock the stable door when the horse is stolen*; буквально: слишком поздно запирать дверь конюшни, когда лошадь украдена; со значением: после того, как неприятность произошла, бессмысленно предпринимать меры предосторожности); *bred in the bone* (от посл.: *What is bred in the bone will come out in the flesh*; букв.: то, что вскормлено в кости, проявится во плоти; знач.: наследственные черты не изменишь, они непременно проявятся); *once too often* (от посл.: *The pitcher goes once too often to the well but is broken at last*; букв.: кувшин слишком часто ходит к колодцу и в конце концов разбивается; знач.: человек многократно совершает обман или преступление, но его в конце концов разоблачают); *sleeping dogs* (от посл.: *Let sleeping dogs lie*; букв.: пусть спящие псы лежат; знач.: оставьте все как есть, не предпринимайте никаких действий, если эти действия могут повлечь за собой неприятности). Например:

(e.g.39) *“The thing's got to be faced; it's not in human nature for **a sleeping dog** like that to be allowed to lie. I don't care about young Desert.” “I do,” said Michael. “It's Dinny I'm thinking of.”* (J. Galsworthy). – Этому надо противостоять, не в человеческой это природе оставлять все как есть и позволять *неприятностям* тихо подкрадываться. Меня не волнует молодой Дезерт. – А меня волнует, – сказал Майкл. – Именно о Динни я и думаю.

Квантитативно-усеченные дериваты изучаемых пословичных, или коммуникативных, фразеологических единиц не представляют собой

окончательные, застывшие новообразования от параллельно существующих в современном английском языке пословичных фразеологических оборотов. Напротив, постоянно развиваясь в условиях дискурса, компоненты квантитативно-усеченных дериватов КФЕ подвергаются спорадическим либо регулярным заменам, последние из которых ведут к образованию лексических вариантов рассматриваемых фразеологизмов. В зависимости от характера заменяемого в дискурсе компонента варианты ФЕ могут быть подразделены на следующие виды:

а) субстантивные варианты – при регулярной замене в дискурсе компонента-существительного: *beer and skittles* < *Life is not all beer and skittles* (букв.: жизнь – это не только пиво и кегли – жизнь не состоит из сплошных удовольствий и развлечений) / *porter and skittles*, например:

(e.g.40) “*It strikes me, Sam,*” said Mr. Pickwick, leaning over the iron-rail at the stair-head, “*it strikes me, Sam, that imprisonment for debt is scarcely any punishment at all.*” “*Think not, Sir?*” inquired Mr. Weller. “*You see how these fellows drink, and smoke, and roar,*” replied Mr. Pickwick. “*It’s quite impossible that they can mind it much.*” “*Ah, that’s just the very thing, Sir,*” rejoined Sam, “*they don’t mind it; it’s a reg’lar holiday to them – all porter and skittles.*” (Ch. Dickens). – Меня поражает, Сэм, – сказал мистер Пиквик, перегибаясь через железную перекладину на лестничной площадке, – меня поражает, Сэм, что тюремное заключение за долги едва ли представляет собой наказание. – Думаете, нет, Сэр? – спросил мистер Веллер. – Вы видите, как эти парни пьют, курят и ржут, – ответил мистер Пиквик. – Совершенно невероятно, что им все равно. – Вот именно, Сэр, – подхватил Сэм, им все равно, это для них обычный выходной – *сплошные радости*.

б) адъективные варианты – при регулярной замене в дискурсе компонента-прилагательного: *wise after the event* < *It is easy to be wise after the event* (букв.: легко быть мудрым после события – после того, как что-то случилось, легко говорить, что ты это предвидел) / *bold after the event*:

(e.g.41) *He liked Bernard... Nevertheless, there were things in Bernard, which he hated. This boasting, for example. And the outbursts of an object self-pity with which it alternated. And deplorable habit of being bold after the event.* (A. Nuxley). – Ему нравился Бернард... Тем не менее, в Бернарде было что-то для него ненавистное. Это хвастовство, например. На смену которому приходили нелепые всплески жалости к себе. И прискорбная привычка *размахивать кулаками после драки*.

в) глагольные варианты – при регулярной замене в дискурсе глагольного компонента: *catch at a straw* < *The drowning man will catch at a straw* (букв.: утопающий человек схватится за соломинку – человек в критическом положении готов воспользоваться любой, даже самой ничтожной возможностью) / *grasp at a straw* / *clutch at a straw*, сравним, например, следующие контекстуальные варианты:

(e.g.42) *She was drowning: Theobald might be only a straw, but she could catch at him and catch at him she accordingly did.* (S. Butler). – Она тонула: Теобальд мог быть только *соломинкой*, но она могла *ухватиться* за него, и, естественно, она за него ухватилась.

(e.g.43) *You could not even go to her father about it. Although anyone who even considered going to John Barclay about anything was already grasping at straws.* (J. Jones). – Нельзя даже было обратиться к ее отцу по этому поводу. Хотя любой, кто только подумывал обратиться к Джону Барклаю по какому-либо поводу, *хватался лишь за соломинку*.

(e.g.44) *“I’ve tried everywhere I can think of, but nobody seems to stock spare parts for these old cars,” said Philip. “What about that junk-dealer in Commercial Street?” suggested his friend. “I’m not saying it’s at all likely, but he may have what you want.” “I’ll shoot round and see him now!” cried Philip, clutching at a straw.* (Ridout & Witting). – Я пытался повсюду, где только можно, но, кажется, ни у кого нет запасных частей к таким старым машинам, – сказал Филипп. – А как насчет того торговца старыми корабельными материалами с Коммерческой улицы? – предложил его друг. – Я не говорю, что это вероятно, но возможно у него есть то, что тебе надо. – Я слетаю к нему сейчас! – воскликнул Филипп, *хватаясь за эту соломинку*.

г) смешанные варианты – при одновременной замене двух или нескольких разнородных компонентов фразеологизма: *catch at a straw* / *clutch at a rope*, например:

(e.g.45) *Yet presently he slipped again, slipped back to the remorse and regrets of the morning time. He clutched at Baynes as a drowning man clutches at a rope, and recovered himself.* (H. Wells). – Внезапно он ускользнул опять, улетел назад к угрызениям и сожалениям утреннего времени. Он ухватился за Бейнса, как *утопающий хватается за веревку*, и очнулся.

Наблюдения за вариативными заменами компонентов изучаемых фразеологизмов в различных контекстах приводят к выводу о том, что они являются одним из надежных источников пополнения фразеологического

фонда современного английского языка, и, следовательно, постоянным средством обогащения языковой картины мира.

Изучение количественных и качественных характеристик усеченных дериватов английских пословичных, или коммуникативных фразеологических единиц позволяет утверждать, что рассматриваемое явление находит широкое распространение в современном английском языке. Действительно, ни один вид дискурса не может обойтись без редуцированных форм КФЕ, в том числе и жанр научного эссе [Baranov & Dobrovol'skij 1996: 414-415]. Читаем, например, заглавие, предпосланное Рене Аппелем его комментариям по поводу статьи Анеты Павленко «Новые подходы к концептам в билингвальной памяти» [Pavlenko 2000: 1-4], которое сформулировано автором так: “Language, concepts and culture: *old wine in new bottles?*” [Appel 2000: 5] (курсив мой – Т.Ф.). Выделенная курсивом часть заглавия представляет собой авторский перифраз окказионально усеченной глагольной фразеологической единицы *to put new wine in old bottles*, имеющей значение «втискивать новое содержание в старую форму». Авторская субстантивация данного глагольного фразеологизма и взаимная перестановка его адъективных компонентов, усиливая его выразительность, подчеркивают критическое отношение автора цитируемого эссе к идее его оппонента как к старому содержанию в новой форме.

Итак, изучение объективных тенденций в эволюции пословичных, или коммуникативных, фразеологических единиц, сопровождающейся устойчивым сокращением компонентного состава КФЕ, дает возможность выявить три основных направления их сокращения, а именно: 1) инициальное клиппирование, 2) терминальное клиппирование и 3) билатеральное, или двухстороннее, клиппирование. Результаты исследования свидетельствуют о том, что выявленные и названные виды клиппирования пословичных, или коммуникативных, фразеологических единиц современного английского языка представляют собой механизмы образования соответствующих усеченных дериватов пословиц, которые приобретают статус самостоятельных фразеологических единиц, так как они обретают собственную форму, собственное содержание и свою собственную, особую функцию в синтагме предложения и высказывания. Выявленным в процессе исследования пословичным дериватам присваиваются следующие термины: 1) инициально-усеченные фразеологические дериваты, 2) терминально-усеченные фразеологические

дериваты и 3) билатерально-усеченные фразеологические дериваты. Не все из находящихся в поле изучения пословичных дериватов зафиксированы в английских идиоматических и фразеологических словарях, но большинство из них нашло свое место среди дефиниций словарных статей что позволяет утверждать факт наличия такого языкового феномена в современном английском языке как фразеологическая компрессия.

Библиография

Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Аракин В.Д. Типология объектных словосочетаний в скандинавских языках // Типология германских литературных языков. – М., 1976. – С. 156-172.

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1979. – 259 с.

Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук в форме науч. докл. – М., 1983. – 38 с.

Буковская М.В., Вяльцева С.И., Дубянская З.И. и др. Словарь употребительных английских пословиц. – 3-е изд. – М.: Рус. яз., 1990. – 231 с.

Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970. – 343 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1996. – 381 с.

Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – М.: ИМО, 1972. – 288 с.

Мелерович А.М. Сопоставительная характеристика фразеологической абстракции в русском и английском языках (на материале фразеосемантического поля «Речевая деятельность» / А.М. Мелерович, М.Е. Дубова // Провинция как социокультурный феномен: Материалы VIII Международ. конф. – Кострома, 2000. – С. 3-7.

Мелерович А.М. Смысловая структура пословиц // Семантика языковых единиц: доклады VI Международ. конф. – М., 1998. – Т. 1. – С. 275-277.

Федуленкова Т.Н. Синонимия в пословицах // Романо-германские лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков: материалы Международ. конф. – Ч. 2. – Томск: ТГПУ, 1997. – С. 44-46.

Appel R. Language, concept and culture: old wine in new bottles? // Bilingualism: Language and Cognition. – Cambridge: Cambridge University press, 2000. Vol. 3, № 1. – P. 5-7.

Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Cognitive Modeling of Actual Meaning in the Field of Phraseology // Journal of Pragmatics, № 25, 1996. – P. 409-429.

Fedulenkova T. Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008 / T. Fedulenkova (ed.). – Arkhangelsk; Aarhus, 2009. – P. 42-54.

Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. – London: Claremont Books; Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1995. – 331 p.

Pavlenko A. New approaches to concepts in bilingual memory // Bilingualism: Language and Cognition. – Cambridge: Cambridge University press, 2000. Vol. 3, № 1. – P. 1-4.

Глава 10

PROVERBS AND SENTENTIAL PHRASEMES OF OTHER TYPES (1)

D. Dobrovol'skij

This paper presents part of my joint work with my colleague Anatolij Baranov – (cf. [Baranov & Dobrovol'skij, 2008: 68-70; 2010; 2013: 77-83]) – using proverbial and phraseological data of English.

Theoretically, proverbs are considered to be part of phraseology, but in practice, paremiology is mostly treated as an autonomous branch of humanities. Proverb scholars are rarely involved in phraseological studies. They seem to have more points of intersection with ethnography, cultural anthropology or folklore research than with phraseology. Some works on paremiology use the structural approach for the analysis of proverbs; cf., for instance, studies of proverbs by G.L. Permjakov [1984]. Nevertheless, from a formal perspective, i.e. from the viewpoint of syntactic structure, the proverb is just a phraseme having a sentence structure. There is a long tradition to subsume proverbs together with sayings under the umbrella term *paremias*. There are various theories in this area. Every theory draws the borderline between proverbs and sayings in a different way. However, in most cases it is hardly possible to find out clear-cut distinctive features which would allow to establish operational criteria (2), though intuitively we are able to distinguish between proverbs and sentential phrasemes of other types. Compare proverbs such as *The first time is always the hardest; God helps those who help themselves; Hard words break no bones; God will give the day, God will give us food*, on the one hand, and sayings like *The party/the game/the ball is over; Things are going from bad to worse; There's the door, why don't you use it*, on the other.

As a result of our research in this field we have singled out some significant features which help to differentiate between proverbs and sayings.

First, a specific distinctive feature of proverbs is that their semantics contains the idea of general truth, i.e. their logical form contains the universal quantifier “for all X”. Cf. *Every dog has his day; Slow and steady wins the race; Trouble comes to him who seeks it; Man proposes, but God disposes*. All the proverbs can be represented by this quantifier: *Whatever man has done man can*

do; A penny saved is a penny gained; If you're going to play with matches, you can't be afraid of getting burned.

Second, a common feature typical for a group of proverbs is the idea of recommendation, e.g., advice to behave in a certain way in a given situation or prohibition. The idea of explanation is central for the other group. Here are some examples for both groups:

(a) *Don't jump the gun; Don't look a gift horse in the mouth; You never know until you try; All is not gold that glitters; Trust in the Lord, but keep your powder dry; When in Rome, do as the Romans do; Look before you leap;*

(b) *Even a wise man stumbles; Misfortunes never come alone; Faint heart never won fair lady; Nobody dies before his time; Charity begins at home; [He] whom God helps nobody can harm; You always talk about what ails you; Every bird likes its own nest; Every cook praises his own broth; Once a wolf always a wolf.*

In proverbs listed under (b) the idea of recommendation is of secondary nature, it is an entailment of the proverb meaning and the context. The central issue here is the attempt to explain the relevant aspects of the situation. For example, the proverb *A bird in the hand is worth two in the bush* explains why it is better to possess something real right now than to count on finding something better in the future. Cf. the following context:

*"Did they agree to the four thousand dollars?" "Shelby wouldn't listen to it. He insisted on going after something big." "I was afraid he might do that. Personally, I'd rather have had **the bird in the hand than gone chasing round after the two in the bush.**"* (Erle Stanley Gardner. The case of the half-wakened wife) – DOP: 17.

The speaker thinks that a small, certain gain is of more value than a large, speculative one. Furthermore, there is a general rule to choose certainty over risk. The advice to act in a way which excludes wrong expectations is also part of the sense of these proverbs. But this is the second layer of the proverb's meaning, it is a pragmatic entailment, rather than part of the core semantics.

Another example. The proverb *The grass is always greener on the other side [of the fence]* explains the situation when other people's lives and careers seem more desirable than one's own. There is always extra attraction or fascination in the striving to possess something one does not have or something that belongs to others.

The context explains that other's possessions, skills and talents may be enviable, but not perhaps objectively desirable, like in the sentence given below:

“Sometimes, I’m disappointed that recognition didn’t happen earlier for me,” he said, “but I guess **the grass is always greener on the other side**. You always want more than you have”. (New York Times Magazine) – APS: 121.

Though the speaker expresses his disappointment that he did not receive recognition earlier, his attitude to the fact is philosophical, because he realizes that there have to be limits to everything.

Cf. also *He who never made a mistake never made anything* meaning ‘if you are paralysed by the fear of making mistakes, you will never achieve your goals’.

Your horoscope for today says “If you never make a mistake, you probably are not trying enough new things”. Remember that – everybody makes mistakes. (Overhead at a class reunion in Princeton, N.J.) – APS: 129.

“Always remember”, he would say, “**that everybody makes mistakes**”. (Lee Iacocca with William Novak. Iacocca) – APS: 129.

The proverb *You scratch my back and I’ll scratch yours* meaning ‘a favour should be reciprocated: you do a favour for me, I’ll do one for you’ can also be regarded as an illustration of explanatory proverbs, i.e. group (b).

“What difference does it make to anyone if I’m in the plane or not?” “No difference.” “Sure, that’s what I mean,” Doc Daneeka said. “A little grease is what makes this world go round. One hand washes the other. Know what I mean? **You scratch my back and I’ll scratch yours.**” (Joseph Heller. *Catch-22*) – APS: 392.

The idea of explanation is also included into the meaning of such proverbs as *Even a wise man stumbles; The first time is always the hardest; God helps those who help themselves; Hard words break no bones*.

Third, proverbs which include either recommendation or explanation are based on shared knowledge, i.e. on some concepts shared by all speakers of a given linguistic community. In this sense, they are culture-specific and culture dependent. The proverbs can be considered to be rules of naïve logic, which have to regulate and control people’s behaviour in everyday situations. As is generally known, these rules often contradict each other, cf. *Little strokes fell great oaks* vs. *Don’t do today what you can put off till tomorrow*.

Sayings or speech formulae can be contrasted with proverbs according to every parameter discussed above. Let us have a look at an example. In the semantics of the saying *The wolves are sated and the sheep intact* there is neither a trace of recommendation or explanation, nor an idea of universality, of general character. This expression is used in a situation when a certain solution satisfies

both opposing sides. It is usually said in situations when somebody wants to please two people or parties with different interests or views, to be a servant of two masters. This explains why this expression is a saying, and not a proverb.

This leads to the following definition of proverbs.

A **proverb** is a phraseme having a sentence structure, general rather than specific validity, expressing recommendation (advice, moral admonition or prohibition) and/or explaining a given situation from the viewpoint of naïve logic (see also: [Melerovich 1998]).

The idea of generality or universality is often explicitly expressed by such words as *all, every, always, whatever, never, nobody*. Cf. *You never know until you try; All is not gold that glitters; Every dog has his day; Whatever man has done man can do; Troubles never come singly; Faint heart never won fair lady; Nobody dies before his time; Whom God helps nobody can harm; You always talk about what ails you; Every bird likes its own nest; Every cook praises his own broth; The first time is always the hardest; Once a wolf always a wolf.*

The illocutionary force of recommendation is often expressed by the imperative form: *When in Rome, do as the Romans do; Look before you leap; Trust in the Lord, but keep your powder dry; Don't jump the gun; Don't look a gift horse in the mouth.*

On the other hand, these ideas can be expressed in a less obvious and explicit way. Cf. *Hard words break no bones; God will give the day, God will give us food.*

An additional aspect of proverbs' specifics that differs them from sayings and sentence phrasemes of other types is the fact that they are less context-dependent or situation-dependent than sayings and sentence phrasemes. This aspect is more or less intuitive by nature and, therefore, was not included into the definition. For example, the saying *What we fought for has been our undoing* occurs in discourse as a reaction on certain aspects of the current situation – when the results achieved work against somebody. Compare a typical context taken from REDI:

*A paradox. I myself, who want the new more than anyone, proved to be the victim of these new relationships between man and woman. “**What we fought for has been our undoing**” (Limonov).*

Here are some additional contexts, typical of the usage of sayings, which express a reaction on the given situation, rather than a kind of general truth.

“I know he wants in and I don’t want him in. He makes me uncomfortable. With that sorehead look of his he couldn’t sell.” “Coke in Sahara,” Charlie finishes for him. (John Updike. Rabbit is rich) – APS: 125.

“Light, Kurak.” Kurt hooded the torch glass and flashed twice across the lough, twice again in the direction of the castle ruins. “That’s for Jason?” I asked. “Possibly.” “We burying the sleepers in the castle ruins?” Kurt waggled a finger. “Curiosity killed the cat, Lovejoy.” (Johnatan Gash. The sleepers of Erin) – DOP: 60.

Another indication of a weaker dependency of proverbs on the current situation is the possibility to use them as titles of literary works, cf. e.g. some titles of well-known plays by the famous Russian playwright of the 19th century A.N. Ostrovskij: «Не в свои сани не садись» (*≈ Don’t bite off more than you can chew*); «На всякого мудреца довольно простоты» (*≈ Even a wise man stumbles*); «Бедность не порок» (*≈ Poverty is no crime*); «Старый друг лучше новых двух» (*≈ There’s no friend like an old friend*).

Proverbs are used not only as titles of literary works, but often as headlines of newspaper articles, song titles etc. Compare, e.g.: *“Dead men tell no tales”* (headline from New York Times article – APS: 47) or *“If April Showers Bring May Flowers, What Do June Brides Bring?”* (ODP: 8).

Many headlines and titles have variations of famous proverbs or are based on a wordplay or a pun:

“Democrats try offense as best defense” (headline of Richard L. Berke’s article on the Democrats’ sweeping attack on the gun lobby, New York Times – APS: 22). The original proverb: *The best defence is a good offense*.

“Beware Postcards Bearing Gifts and 900 Numbers” (headline of Leonard Sloane’s article on telephone fraud, New York Times – APS: 26). The original proverb: *Beware of Greeks bearing gifts*.

“Dead Men do Tell” (title of a book by K. Task – APS: 47); *“The Dead Men Can Tell”* (title of a book by H. Reilly – APS: 47). The original proverb: *Dead men tell no tales*.

“Wall St. Finds Silver Lining in Cloudy Economic Reports” (headline, New York Times – APS: 82). The original proverb: *Every cloud has a silver lining*.

“The Bigger They Come the Harder They Fall” (song title, J. Cliff – ODP: 25). The original proverb: *The bigger they are, the harder they fall*.

Sayings would be less suitable in this function. Compare: ^{??}*“What’s mine is yours”*; ^{??}*“There’s the door, why don’t you use it”*; ^{??}*“Things are going from bad*

to worse". They are possible as titles, in principle, but such titles would sound strange (at least, not quite traditional) because they need further explanations.

Specific features of proverb semantics allow for the application of some diagnostic tests, which enable the researcher to discriminate between proverbs, on the one hand, and sayings as well as other speech formulae, on the other. The following two properties of proverb content plane are relevant here. Firstly, it is an illocutionary force of recommendation, and secondary, it addresses the tacit shared knowledge, i.e. some rules of naïve logic.

The illocution of recommendation is the basis of the first diagnostic test that can be labelled as "Causality Test". The text containing a proverb can be complemented with constructions, introduced by conjunctions or connective words and expressions, such as *therefore, thus, hence, that is why, for this reason* and the like. Therefore, the expression *Even a wise man stumbles* is a proverb because it can be amplified with clauses, such as *That's why me and you can lack foresight and do stupid things*. Such a consecutive enlargement of the context is possible because a proverb is always based on a general rule and connected with the idea of recommendation or explanation. The proverb *Even a wise man stumbles* explains why it is not reasonable to hope that one can be guarded against mistakes or to believe that somebody is faultless. Compare some further examples of this type:

Love is blind; that is why he always proceeds by the sense of touch (DOP: 160).

*Like all the other officers at Group Headquarters except Major Darby, Colonel Cathcart was infused with the democratic spirit. He believed that **all men were created equal**, and therefore spurned all men outside Group Headquarters with equal fervor.* (Joseph Heller. *Catch – 22*) – APS: 6-7.

*A lick of paint will probably improve your chances of a sale, but wallpapering may not. Remember **one man's improvement is another man's eyesore**. So avoid bright colours and make sure any "improvement" is in keeping with the look of the poverty.* (Guardian, 23 January 1993) – DOP: 162.

Some sayings allow for a similar enlargement as well, but in this case the sentence is not based on a causative-consecutive relationship.

The second diagnostic test is based on the idea of shared knowledge: a sentence with a proverb must allow for the combination with meta-communicative expressions pointing to the evidential nature of what has been discussed. Cf. the following usage-conform and frequent conventional expression: *as is generally known*. Compare also the following utterances: *As is*

generally known, even a wise man stumbles or As is generally known, whom God helps nobody can harm.

This test has a number of restrictions. Proverbs with the structure of imperative utterances do not allow for the amplification with the expression *as is generally known*. Thus, it is impossible to say: **As is generally known, don't look a gift horse in the mouth*. In this case, another meta-communicative expression has to be used; such as *according to folk wisdom*.

In general, there is no clear-cut borderline between proverbs and sayings. There are forms which function as proverbs in certain contexts, and as sayings in other. Compare the proverb *The dog always returns to his vomit*, on the one hand, and the use of this paremia as a saying or as an idiom with a noun structure (based on the corresponding saying with situational semantics) in the following contexts, on the other.

The dog is turned to his vomit again. (Bernard Malamud. *The Natural*) – APS: 53.

“O.J. Simpson is reported to have attended Nicole's funeral.” “It's a case of the dog returning to his vomit or, to put it bluntly, to the scene of his double murder.” (Overhead on the subway) – APS: 53.

Another example. The paremia *Dog eat dog* is used in the following context as a proverb, i.e. as a statement with explanatory illocution based on the rules of naïve logic.

He felt a pang of envy as he thought of Whitey Lydon. Everybody was getting ahead of him while he was stuck here. There wasn't anybody you could trust. Dog eat dog. (Norman Mailer, *The Naked and the Dead*) – APS: 53.

However, in the second context it is used as an idiom which goes back to a situational expression, rather than to a “general rule”.

Anyhow I'm quitting at the end of this term and joining the dogs eating dogs eating other dogs in the great big lousy world you're all educating us for. (Bel Kaufman. *Up the Down Staircase*) – APS: 53.

The fact that proverbs can be transformed to idioms and used as a derivational basis for creating new expressions is a well-known linguistic phenomenon (see also: [Fedulenkova 2005]). Much more intriguing is the possibility to use proverbs as sayings, i.e. to interpret expressions designed for pointing out general rules as situational comments.

Notes

1. This paper is based on work supported by the RFFI under Grant 15-04-00507.
2. Cf., for example, the following definition of proverbs, which can also be applied to sayings and speech formulae: “In sich geschlossene Sätze, die durch kein lexikalisches Element an den Kontext angeschlossen werden müssen” (Burger, 1998: 100). Compare also other proverb definitions quoted in (Ďurčo, 2005: 12-13). “Allgemein bekannte, festgeprägte Sätze, die eine Lebensregel oder Weisheit in prägnanter, kurzer Form ausdrücken” (Röhricht & Mieder, 1977: 3). “Feste Satzkonstruktionen mit lehrbarer Tendenz, die sich auf das praktische Leben bezieht, sie haben einen festen, invariablen Bestand, und sie haben in den meisten Fällen eine metaphorische, verallgemeinerte Bedeutung, ... die stellen eigene Mikrotex te dar ... sie werden nicht reproduziert, sondern zitiert; sie weisen keinerlei formale Möglichkeiten des Anschlusses an den Kontext auf” (Fleischer, 1982: 80-83).

Abbreviations

APS = Titelman Gr., 2003. *America's Popular Sayings*. New York: Random House, 468 p.

DOP = Flavel L. and Flavel R., 1993. *Dictionary of Proverbs and Their Origins*. London: Kyle Cathie Limited, 216 p.

ODP = Speake J., 2003. *The Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press, 375 p.

REDI = Lubensky S., 2013. *Russian-English Dictionary of Idioms*. Revised edition. New Haven & London: Yale University Press, 992 p.

References

Baranov A.N. and Dobvol'skij D.O., 2008. *Aspekty teorii frazeologii*. [Aspects of the theory of phraseology.] Moscow: Znak. 656 p.

Baranov A.N. and Dobvol'skij D.O., 2010. Poslovice kak razrjad frazeologizmov (novyj podxod k staroj kategorii). [Proverbs as a class of phrasemes (a new approach to an old category).] In: *Russkij jazyk: istoričeskie sud'by i sovremennost'. Materialy meždunarodnogo congressa*. [Russian language: historical development and the present. Proceedings of the International congress.] Moscow: Moscow State University Press. 736 p.

Baranov A.N. and Dobvol'skij D.O., 2013. *Osnovy frazeologii* [Fundamentals of phraseology] Moscow: Flinta, Nauka. 312 p.

Burger H., 1998. *Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin: Erich Schmidt. 224 S.

Chang L., 2006. *Wisdom for the Soul*. Washington: Gnosophia Publishers. 817 p.

Đurčo P., 2005. *Sprichwörter in der Gegenwartssprache*. Trnava: Trnava Univ., 174 S.

Fedulenkova T., 2005. Derivational tendencies in communicative phraseological units. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 19: Lingvistika i mezhkulturnaya komunikatsia* [Bulletin of the Moscow university. Linguistics and cross-cultural communication]. M., 2005. № 1. P. 44-54.

Flavel L. and Flavel R., 1993. *Dictionary of Proverbs and Their Origins*. London: Kyle Cathie Limited. = DOP. 216 p.

Fleischer W., 1982. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut. 250 S.

Lubensky S., 2013. *Russian-English Dictionary of Idioms*. Revised edition. New Haven & London: Yale University Press = REDI. 992 p.

Melerovich A.M., 1998. Smyslovaya struktura poslovits [Semantic structure of proverbs]. In: *Semantika yazykovykh yedinit: Materialy VI mezhdunarodnoy konferentsii* [Semantics of language units: Proceedings of VI International conference]. M., 1998. P. 275-277.

Permjakov G.L., 1984. Die Grammatik der Sprichwörterweisheit. [The Grammar of Proverbial Wisdom] Übers. von Peter Grzybek. *Kodikas/Code 7* (3,4). P. 292-344.

Röhrich L. and Mieder W., 1977. *Sprichwort*. Stuttgart: Metzler. 137 S.

Speake J., 2003. *The Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press. = ODP. 375 p.

Titelman G., 2003. *America's Popular Sayings*. New York: Random House. = APS. 468 p.

Глава 11

FUTURISTIC PAREMIOGRAPHY AND PAREMIOLOGY: A PLEA FOR THE COLLECTION AND STUDY OF MODERN PROVERBS

W. Mieder

Introduction

As various branches of the study of folklore are making impressive steps forward in theoretical and pragmatic approaches, it is always good to recall the voices of earlier masters who were perfectly capable of pointing to desiderata of future research to be done that would, hopefully, include not only the survival of old traditions but also include newly created verbal and material folklore. In the case of proverbs, Archer Taylor (1890-1973) and Matti Kuusi (1914-1998), the two friends who founded the *Proverbium* journal (1965-1975; rpt. 1987) that helped to legitimize paremiography and paremiology as part of serious folkloric scholarship, come to mind as international giants of the field. Both of them were well aware of the fact that folkloristics in general and paremiology in particular must overcome their dominant retrospective orientation. After all, even the invaluable monographs published in the magisterial Folklore Fellows Communications looked primarily backwards while at the same time ignoring how fairy tales, legends, proverbs, and other folklore genres carried on in the modern age and how new items of folklore continue to be created. In his seminal article ‘Sananparsien suosionmuutoksista’ (1953) that four decades later fortunately also appeared in English translation as ‘Variations in the Popularity of Finnish Proverbs’ (1994), Kuusi contrasted twenty ‘old popular proverbs’ with twenty ‘new popular proverbs’ and demonstrated how the Finnish proverbs of the two sets differed in style, structure, syntax length, metaphor, content, and worldview. He was thus very much aware that new proverbs must be part of the diachronic and synchronic analysis of proverbs. And Taylor definitely agreed with this desideratum, as he emphasized in his article on ‘The Study of Proverbs’ (1939):

In spite of all the collecting from written and printed material, there still remain proverbs in everyday use that are not brought to book. [...] The collecting

of this body of material would be a service both to our own time and to posterity. Especially significant would such a collection be if it were made as complete as humanly possible, showing not only old proverbs and variation of old ones that are still current, but also new ones that have come into use, thus giving a complete cross-section of the proverbs of our time [Taylor 1939: 45].

But, of course, there were also those voices claiming that proverbs are dropping out of existence in the modern age and that new ones are not created any longer. Already in 1931 the sociologist William Albig made the absurd observation that ‘it must be clear that the proverb has largely disappeared from our general communicative culture’ [Albig 1931: 532], with Ruth Ayaß in her otherwise interesting study ‘On the Genesis and Destiny of Proverbs’ (2001) more recently coming to the equally questionable conclusion that ‘proverbs are a communicative fossil and – due to the shape of moral communication in our society – even an endangered species’ [Ayaß 2001: 252]. In fact, I shall never forget with what disbelief I read the following remark on a section on proverbs in Susan Stewart’s ‘Notes on Distressed Genres’ (1991) some twenty years ago:

In its oral form, the proverb is “worn,” in both the positive and negative senses, because of its status as a transcendent and time-proven form of discourse. A new proverb would be as unimaginable to tradition as an original Aesopian fable or a private fad. Thus the literary tradition of the proverb takes one of two paths – that of new collections of previously known proverbs, or that of invented proverbs that never survive to be applied to concrete situations [Stewart 1991: 17-18].

Popular magazine and newspaper articles on proverbs add fuel to such unfounded claims by pointing out that proverbs are antiquated artifacts in modern societies that deserve to die out and that certainly no new proverbs will be coined in the future (see [Mieder and Sobieski 2006]). Nothing could be further from the truth, as a plethora of modern proverbs shows, i.e., proverbs that cannot be found in written sources prior to the year 1900 as a somewhat arbitrarily chosen date as a starting point for new proverbs. But be that as it may, scholars appear to have bought into this misconception of the non-appearance of new proverbs in modernity ‘hook, line, and sinkers’, to put it proverbially, and that so much so that there is still very little known about the new proverbs of the modern age.

Not to be misunderstood, here is one caveat that needs to be added before moving on to the paremiography of new proverbs and the paremiology of such texts. Both paremiographers and paremiologists around the world have published valuable proverb collections and have presented significant dissertations, books, and articles on the multifaceted aspects of proverbs during the twentieth century and more recent times. The *International Bibliography of Paremiography* [Mieder 2011], the two-volume *International Bibliography of Paremiology and Phraseology* [Mieder 2009a] as well as the annual bibliographies of proverb collections and studies in *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship* (1984ff.) with literally thousands of publications bear overwhelming witness to this fact. Many proverb collections continue to be published, but for all general purposes they do not include truly modern proverbs. Even Bartlett Jere Whiting's large collection with the promising title *Modern Proverbs and Proverbial Sayings* (1989) does not really include new proverbs but rather traditional proverbs found in modern (primarily twentieth century) literary sources. And such seminal studies on the use, function, and meaning of proverbs in modern societies as, for example, Outi Lauhakangas' "*Puheesta ihminen tunnetaan*". *Sananlaskujen funktiot sosiaalisessa vuorovaikutuksessa* [*"A Man Is Known by His Words": The Functions of Proverbs in Social Interaction*] (2004), Gulnas Umurova's *Was der Volksmund in einem Sprichwort verpackt ... Moderne Aspekte des Sprichwortgebrauchs anhand von Beispielen aus dem Internet* (2005), Liisa Granbom-Herranen's *Sananlaskut kasvaatuspuheessa – preinnettä, kasvatusta, indoktrinaatiota?* [*Proverbs in Pedagogical Discourse – Tradition, Upbringing, Indoctrination?*] (2008), Anna Lewandowska's *Sprichwort-Gebrauch heute. Ein interkulturell-kontrastiver Vergleich von Sprichwörtern anhand polnischer und deutscher Printmedien* (2008), and my earlier *Proverbs Are Never Out of Season: Popular Wisdom in the Modern Age* (1993a) deal at best tangentially, if at all, with such new proverbs that are still awaiting the registration in proverb collections. That is absolutely not to say that these scholars and others have not provided incredible insights into the modern biology of proverbs, but they occupy themselves with traditional proverbs, even if they include variations, modifications, and parodies in the form of so-called 'anti-proverbs', of which, to be sure, some have become new proverbs in their own right (Litovkina and Mieder 2006). Again, of interest in the following discussion are only truly new proverbs of modernity that have been ignored for far too long by folklorists, cultural historians, linguists, paremiologists, and others.

The identification of modern proverbs

As can be imagined, a major problem arises from the fact that it is difficult to find or discover new proverbs! It is much easier to listen for traditional proverbs in everyday discourse and public rhetoric or to look for proverbs in various print media from literature to newspapers and on to comics. The first task at hand is for paremiographers everywhere to undertake a conscious and deliberate ‘hunt’ for hitherto unrecorded proverbs. For this to happen, it is necessary to cast the proverbial fishing net as wide as possible, starting with going through all proverb collections as well as quotation and mono- or bilingual dictionaries of a particular culture and language to check whether perhaps they do include at least a few proverbs that had not been recorded before the beginning of the twentieth century. When Charles Clay Doyle, Fred R. Shapiro, and I began the work on our *Dictionary of Modern Proverbs* (2012) that can claim to be the first proverb collection dedicated to new proverbs exclusively, we chose the 1900-date as a cut-off point, thinking that this might well qualify as the beginning of the modern age not just for the United States but elsewhere in the world (Mieder 2009). Perhaps other paremiographers might agree to this date as well, so that the forthcoming collections of modern proverbs start with the same basic premise. And we did in fact find some proverbs that qualified for inclusion in some previous collections, notably in Nigel Rees’ *Sayings of the Century. The Stories Behind the Twentieth Century’s Quotable Sayings* (1984), Fred R. Shapiro’s *The Yale Book of Quotations* (2006), Jennifer Speake’s *The Oxford Dictionary of Proverbs* (2008), Gregory Titelman’s *Random House Dictionary of America’s Popular Proverbs and Sayings* (2000), and my own *A Dictionary of American Proverbs* (1992). But culling through twentieth century collections was just the ‘easy’ beginning, for the question very quickly arose how we would find the new proverbs when we did not necessarily know them. How do you look for proverbs that have not been identified as such before!?! Luckily, all of us had over the past decades quite independently from each other begun to collect texts that due to oral and written frequency as well as poetic and structural characteristics combined with an underlying expression of some insight or wisdom qualified to be called a proverb. In fact, Charles Doyle had published a ground-breaking article on all of this with the appropriate title ‘On *New Proverbs* and the Conservativeness of Proverb Dictionaries’ (1996) that became the basis of our subsequent work. It is to be assumed that most proverb scholars have at least some new proverbs in their personal files or archives as well.

The following steps in the establishment of a viable corpus of modern proverbs are much more difficult and will take considerable time and effort. Actual field research will prove invaluable, and the more informants that can be found to participate in the search, the better the results will be. People from various professions, different socioeconomic backgrounds, varying age groups, etc. will help to find proverbs that have not made the jump from a particular ‘folk group’ to the general population. Here is a great example that involved the renowned folklorist Alan Dundes (1934-2005), who some years ago sent me a manuscript on the origin, history, and meaning of the proverb ‘When you hear hoofbeats, think horses, not zebras’ for publication in *Proverbium* [Dundes, Streiff, and Dundes 1999]. He had co-authored the article with his daughter Lauren Dundes and her husband Michael Streiff, who happens to be a physician and who had told his father-in-law about this medical proverb. It is well known among medical students and doctors and expresses the idea that they should first look for common diseases like a cold before jumping to the conclusion that a patient might be gravely ill and in need of costly tests. Neither Dundes nor I had ever heard of this proverb before, and yet it is common among the medical profession! One more personal story about my nephew Tom Skinner, a passionate snow-boarder at the University of Colorado, who, when asked whether his young sports friends have proverbs they use, supplied his happy uncle with the proverb ‘Go big or go home’ that tells snow-boarders to take risks and get a rush from racing down the mountain. Without that thrill, it simply isn’t worth doing it! Our students certainly have supplied us with many other texts we did not know and they continue to do so as they stay in touch after graduation.

But the possible sources for new proverbs are limitless, both in oral transmission and via written publications [Mieder 1989b]. Many new proverbs have their start in popular songs or movies, to wit ‘It takes two to tango’ (1952) from a song with that title or ‘If you build it, they will come’ from the motion picture *Field of Dreams* (1989). Others start with a speech by a politician and then take root among the population by way of television and the rest of the mass media, as for example John F. Kennedy’s ‘Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country’ (1961) uttered during his inaugural address as President of the United States. Literary works continue to be sources for proverbs, just as proverbs originated with William Shakespeare, Friedrich Schiller, and others. A modern example would be the proverb ‘Love means never having to say you’re sorry’ from Erich Segal’s novel *Love Story* (1970). Such proverbs from known literary works and their authors might be ‘literary

quotations' to some, but they have become anonymous proverbs over time. In any case, realizing that proverbs are ubiquitous and that it appears to be part of human nature to couch common experiences and observations into easily maintained and recalled bits of wisdom, it should not be surprising that modern humankind continues this tradition. It is important to keep in mind that 'a proverb is concise statement of an apparent truth which has, had, or will have currency among the people' [Mieder 2004b: 4]. In other words, there are proverbs in actual use at any given time, there are proverbs that have dropped out of use over time by having become archaic or inappropriate, and there will be new proverbs as time goes on.

As we hopefully will zero in more on the modern "monumenta humana", as Matti Kuusi defined proverbs many years ago in his still important book *Parömiologische Betrachtungen* (1957: 52), it is important to make ever increasing use of the modern electronic databases. After all, whenever proverb scholars will identify a particular statement as proverbial, they do well in establishing whether in fact it has gained considerable currency. While this can be done in part by way of electronically distributed questionnaires, computer searches are extremely helpful in this regard. Just a basic Google search alone will establish in a split second whether an apparent modern proverb has established itself beyond a mere 'one-day wonder'. It does make a difference whether Google finds but 3,000 references or more than a million! More sophisticated searches can help in establishing which variant – modern proverbs also often exist in variants – might be considered the standard form which in turn is important for its registration in a new proverb collection. But again, all of this can only be done once a new proverb has been identified. Computers can't really find things for us, when we can't tell them what to look for in the first place! So it will continue to take much listening and much reading as well as a solid proverbial intuition to find new proverbs to be collected and studied. It is not an easy job, but it is a most rewarding and necessary task if we want to establish modern corpora of proverbs that will in turn enable us to study this new wisdom as part of the human communicative processes.

The paremiography of modern proverbs

The fact that paremiography has not made much progress in the collection and registration of modern proverbs is certainly not due to a lack of awareness of such texts. There are definitely some impressive studies that have looked at the modern origin, dissemination, and meaning of individual new proverbs, as for example Alyce McKenzie's 'Different Strokes for Different Folks: America's

Quintessential Postmodern Proverb' [1996, Mieder 1989a: 317-332], Charles Doyle's 'A Good Man Is Hard to Find: The Proverb' (2007a), and my 'The Grass Is Always Greener on the Other Side of the Fence': An American Proverb of Discontent' (1993b). The importance of such detailed studies can best be shown by what happened to us with the proverb 'Use it or lose it' that we had collectively thought of as definitely being of modern origin. But having become particularly interested in this text, Charles Doyle undertook a special investigation and found out that it predates the beginning of the twentieth century; see his intriguing *Proverbium* article 'Use It or Lose It: The Proverb, Its Pronoun, and Their Antecedents' (2009). His discovery meant that we had to delete the proverb from our evolving manuscript of *The Dictionary of Modern Proverbs* (2012). Obviously it is not possible to study every proverb candidate for possible inclusion into a dictionary of modern proverbs in such detail, but an example as this one shows how complex serious paremiographical work can become.

Archer Taylor, having undertaken numerous individual proverb studies which, however, with the exception of his short note on the modern proverb 'The Customer Is Always Right' (1958), deal with traditional proverbs being traced back to antiquity, nevertheless called for paremiographical work on modern proverbs. In an essay with the interrogative title 'How Nearly Complete Are the Collections of Proverbs?' (1969) he made the following statement that unfortunately is still valid today: 'The characteristic deficiency of collections of proverbs is the fact that they copy freely their predecessors and therefore cite proverbs that cannot be reliably asserted to have been in current use at the time when the collection was printed. This deficiency has vitiated collections since the earliest records' [Taylor 1969: 369]. To prove his point that paremiographers have ignored adding hitherto unrecorded new proverbs to their collections, he cites a number of examples that he identified in Jon Wain's at that time modern novel *The Contenders* (1958). It should be noted, however, that his texts are mere proverbial expressions, yet another indication that new *bona fide* proverbs are not that easy to be found and identified. But even though Taylor did not play a significant part in the 'hunt' or discovery of new proverbs, he most certainly was aware that such work must be undertaken. This is also true for Lutz Röhrich (1922-2006), yet another giant among proverb scholars, who in 1977 declared 'es wäre verkehrt, der Gegenwart die Fähigkeit zur Neubildung von Sprichwörtern abzuerkennen' (it would be wrong to deny the present time [modernity] the ability of creating new proverbs; [Röhrich and Mieder 1977: 117]). But just as such other great paremiologists as Grigorii L'vovich Permiakov (1919-1983) in Russia and

Démétrios Loukatos (1908-2003) in Greece and the others already mentioned, Röhrich also did not undertake a concentrated and deliberate study or collection of modern proverbs. Standing on the broad shoulders of these giants, I published my survey essay ‘Prolegomena to Prospective Paremiography’ (1990b) with this concluding statement:

Paremiography cannot remain a science that looks primarily backwards and works only with texts of times gone by. Modern paremiographers can and should also assemble proverb collections that include new texts of the 20th century. While fantastic progress has been made in paremiography over the past dozen years or so, many clear challenges still lie ahead to be tackled by nationally and/or internationally oriented paremiographers [Mieder 1990b: 142].

One of those obvious challenges would be to take all extant African proverb collections and create a data base that would give us an idea of which African proverbs from hundreds of tribal languages have reached a more general distribution that might allow us to speak of a certain common stock of proverbs from that large continent. We have collections that show this for European as well as Asian proverbs, of course. In fact, multi-volume national collections for Czech, Estonian, and Lithuanian proverbs have appeared in more recent times, adding rich materials not only for the study of national proverbs but for the comparative analysis of some of them on the European scale. Kazys Grigas (1924-2002) from Lithuania has described ‘Einige Probleme der modernen Parömiographie und Parömiologie’ (2000) and Julia Sevilla Muñoz even looked at ‘The Challenges of Paremiology in the XXI. Century’ (2009), but while they deal with these modern accomplishments, they say nothing about the need to make a concerted effort to include modern proverbs. It is then fair to state that there has been far too long a definite reluctance to take on the challenging but exciting task to assemble annotated collections of modern proverbs!

Turning to more pragmatic issues of the paremiography of new proverbs, Charles Doyle, Fred Shapiro, and I can perhaps with all humility observe that our combined work on establishing the first corpus of modern Anglo-American proverbs in *The Dictionary of Modern Proverbs* (2012) might serve as a model to follow for other paremiographers. I have already mentioned the difficulty with identifying new proverbs, and it is important to keep in mind that once such a proverb is discovered in oral or written form, the difficult and laborious task of establishing its date of origin begins. For some texts a precise determination will

not be possible, but attempts must be undertaken to see whether a proverb under consideration might be older than the 1900 cut-off year for being considered a modern proverb. The few extant collections and investigations of individual proverbs help with this task, but clearly the majority of new proverbs will each require a painstaking analysis. This is where electronic databases as Google, Google Books, ProQuest Historical Newspapers, LexisNexis Academic, and many others come into play to find the earliest possible citation. The new generation of proverb scholars has done pioneering work in using databases for their work, albeit not primarily for the discovery, registration, and analysis of modern proverbs [Chlosta and Ostermann 2002, Hrisztova-Gotthardt 2010, Kleinberger Günther 2006, Lauhakangas 2001, Steyer 2012, Winick 2001]. While finding the ‘first’ recorded reference is, of course, of much importance (with the caveat that an earlier citation might well be found as more databases become available), the Internet in all of its shapes and forms also helps to locate additional contextualized references over time of a proverb under investigation. This is a time-consuming task of utmost importance, as I stated a few years ago:

Texts alone no proverbs make, and as with all folklore genres, it takes currency and traditionality, usually also variants, for such invented proverb-like statements to become *bona fide* proverbs. This vexing problem is exactly what paremiographers will face when they finally attempt to assemble collections of modern proverbs. It is very difficult in many cases to decide whether a text is in fact in more or less general use beyond being a mere one-day wonder! [Mieder 2009b: 257].

What needs to be done after having identified a textual candidate to be considered as a new proverb is to establish its earliest possible reference and citing it within a context and with precise bibliographical information. Variants should also be included and, where appropriate, short explanatory comments. Databases will help in establishing the currency and frequency of the proverb, thus becoming an indicator of the actual proverbiality of the texts. In those cases where a particular proverb has indeed been registered in a recent proverb collection that information should be added as well as a cross-reference. As can be seen from the following three examples, scholarly collections of modern proverbs should continue the historical documentation of proverbs with as much additional information as space allows, thereby following in the footsteps of Robert Dent,

Archer Taylor, Morris Palmer Tilley, Bartlett Jere Whiting, and F.P. Wilson who have done this in an exemplary fashion for the older Anglo-American proverbs:

If life hands you lemons, make lemonade.

1910 William G. Haupt, *The Art of Business College Soliciting* (Chicago: for the author) 89: “Don’t be a pessimist, but be optimistic. If anyone ‘hands you a lemon’ take it home and make lemonade of it.” 1911 “Health Hints,” *Illinois Medical Journal* 19: 675: “If anyone hands you a lemon, make lemonade of it. It is both healthful and pleasant to take.” (The proverb there seems to have been understood – and misapplied – *literally!*) 1917 *Plumbers, Gas and Steam Fitters’ Journal* 21, no. 4 (Apr.) 29: “If life hands you a lemon adjust your rose-colored glasses and start to selling pink lemonade.” 1919 Homer Randall, *Army Boys in the French Trenches* (Cleveland: World Syndicate) 132: “‘I wish I had your cheery disposition,’ growled Tom. ‘When any one hands you a lemon –’ ‘I make lemonade out of it,’ came back Billy, and there was a general laugh.” *YBQ Modern Proverbs* (51); *ODP* 184. The proverb’s imagery had been anticipated: 1908 *The Real Optimist [Reno NV]* 25 Apr.: “An optimist is a man who can make lemonade out of all the lemons handed to him” (credited to *Biddleford Journal*). (Doyle, Mieder, and Shapiro 2012: 140)

A ms. (miss) is as good as a male.

1942 *Chicago Daily Tribune* 25 May: “Now that women are to be inducted into the army we may revise the old saying to read, ‘A miss is as good as a male.’” 1948 Aldous Huxley, *Ape and Essence* (New York: Harper) 13: “I picked up the nearest of the scripts. ‘A Miss is as good as Male, Screenplay by Albertine Krebs.’” 1974 *Interim Study by the Select Committee on Inter-School Activities, the Montana High School Association and Montana Inter-School Activities* (Helena: Montana Legislative Council) 27, citing the title of a speech by New York state commissioner of education Ewald Nyquist (3 Jul. 1973): “Equity in Athletics; or, A Ms. Is as Good as a Male.” Litovkina and Mieder (2006) 72. The proverb originated as an anti-proverb based on “A miss is as good as a mile.” (Doyle, Mieder, and Shapiro 2012: 175)

Think globally, act locally (Think global, act local).

1942 W.H. Cameron, “Personal Challenge,” *Safety Education* 21: 387: “Our vision of a better world is limited to our vision of better communities. We must think globally, but first act locally” (the words are said to be quoted from

Edgar Dale, in the Feb. 1942 issue of the newsletter of the Bureau of Educational Research, Ohio State University). 1947 *Vidette-Messenger [Valparaiso IN]* 27 Mar. (quoting from a letter from Jane Sense): "... [T]he objective and slogan of the right worthy grand matron and the general grand chapter [of the Indiana Order of the Eastern Star]: 'World Friendship' and 'think globally, act locally.'" *YBQ* Dubos; *ODP* 316-17; Rees (2006) 665.

There are entries in the dictionary that are considerably longer and others that are a bit shorter than these three. It had been our wish and hope to list at least one additional reference for each decade, but Yale University Press did not want *The Dictionary of Modern Proverbs* to grow beyond 300 column-printed pages. It was a shame, since we had collected this wealth of materials for the 1400 proverbs registered in the book. This would naturally be very much possible, if one were to create dictionaries of modern proverbs as electronic books. This is something for the next generation of paremiographers to accomplish. For the moment, it is still of value to produce printed collections for scholar, students, and the general reading public to hold, read, and enjoy!

The paremiology of modern proverbs

It has already been stated that paremiographers have basically failed to make the jump into modernity, as can be seen so well from Charles Doyle's survey of 'Collections of Proverbs and Proverb Dictionaries: Some Historical Observations on What's in Them and What's Not (with a Note on Current 'Gendered' Proverbs)' (2007b). Unfortunately the picture is equally disappointing when looking at what paremiologists have accomplished in regard to modern proverbs. As I have shown in my own survey 'Modern Paremiology in Retrospect and Prospect' (2000), they actually have published superb scholarship regarding the survival of traditional proverbs in modern society:

Modern paremiology is an absolutely open ended phenomenon with many new challenges lying ahead. There is no doubt that proverbs, those old gems of generationally tested wisdom, help us in our everyday life and communication to cope with the complexities of the modern human condition. The traditional proverbs and their value system give us some basic structure, and if their worldview does not fit a particular situation, they are quickly changed into revealing and liberating anti-proverbs. And there are, of course, the new proverbs of our time, such as "Different strokes for different folks," that express a liberated

worldview. Proverbs don't always have to be didactic and prescriptive; they can also be full of satire, irony, and humor. As such, the thousands of proverbs that make up the stock of proverbial wisdom of all cultures represent not a universally valid but certainly a pragmatically useful treasure. In retrospect, paremiologists have amassed a truly impressive body of proverb scholarship upon which prospective paremiology can build in good faith. Modern theoretical and empirical paremiology will doubtlessly lead to new insights about human behavior and communication, and by comparing these research results on an international basis, paremiologists might add their bit to a humane and enlightened world order based on experienced wisdom [Mieder 2000: 30-31].

Regarding the actual creation of new proverbs, let me draw special attention to Richard Honeck's and Jeffrey Welge's revealing article on the 'Creation of Proverbial Wisdom in the Laboratory' (1997) and Stephen Winick's 'Intertextuality and Innovation in a Definition of the Proverb Genre' (2003). The authors stress that actually any invented proverb-like statement is already a proverb, especially if it has many of the poetic and structural markers that usually are part of proverbial texts. Personally I continue to feel that every proverb once started that way, but each 'invention' must over time prove itself worthy of being accepted as a piece of wisdom by some folk group, from a family, club, profession, etc. all the way to an entire nation and beyond. In other words, such 'invented proverbs' must gain currency and traditionality by going through a proverbialization process (Schapira 2000), something that admittedly in the modern technological age can happen with incredible speed! Special attention should be paid to the proverbs of the youth culture and the mass media as fertile grounds for the creation and dissemination of new proverbs. But be that as it may, these theoretical paremiologists have added invaluable insights to the creative processes involved in proverb making!

Many other studies have looked at proverbs in modern literature, advertising, the mass media, graffiti, film, music, politics, etc. Especially their appearance as modified anti-proverbs has rightfully become a fashionable undertaking, especially since they can become new proverbs (Litovkina and Lindahl 2007, Mieder 2004a, Valdaeva 2003). Our *Dictionary of Modern Proverbs* has registered numerous modern proverbs that had their origin as invented anti-proverbs, to wit 'Absence makes the heart grow wander' based on 'Absence make the heart grow fonder', 'You booze, you lose' on "You snooze, you lose", and 'Better late than pregnant' on 'Better late than never'. Some new

proverbs are also nothing more than so-called counter-proverbs in that they turn a positive proverb into its negative and vice versa, as for example ‘Flattery will get you everywhere (anywhere)’ contradicting ‘Flattery will get you nowhere (nothing)’, ‘Life is not a bowl of cherries’ rebutting ‘Life is (just) a bowl of cherries’, and ‘Size does matter’ undermining ‘Size doesn’t matter’. All twelve modern proverbs of these six proverb pairs are current in today’s Anglo-American verbal and written communication, and they belong into newly published proverb dictionaries!

But this is not the place to review the massive paremiological scholarship that has dealt with the multifaceted roles that proverbs play in the modern age. They all show that the proverbs are alive and well, and while some may die out, new proverbs enter as times and mores change. This also means that the so-called paremiological minima need to be adjusted. As one looks at such lists of the most common proverbs of different language, it is clear that they hardly ever contain new proverbs. This can well lead to distorted statistical numbers, for my American students tell me that they do not know the classical proverbs ‘New brooms sweep clean’ and ‘Cobbler, stick to your last’ any longer, while they all know proverbs like ‘No guts, no glory’ and ‘You can’t kill shit’ that might not be part of the cultural literacy of older people and that do not show up on questionnaires investigating the acquaintance with proverbs by various people differing in age and social backgrounds. Empirical paremiology definitely must pay more attention to modern proverbs [Chlostá and Grzybék 1995, Haas 2008, Lau 1996, Mieder 1992], and this even more so, since many Anglo-American proverbs in particular are disseminated internationally either in English or as loan translations, gaining currency and familiarity in the new cultures with unbelievable speed [Mieder 2005, Mieder 2010: 285-340]. There is no doubt that the international European stock of proverbs made up of texts from Greek and Roman antiquity, the Bible, and medieval Latin is now ever more increased by Anglo-American proverbs. Thus modern English-language proverbs like ‘One picture is worth a thousand words’ [Mieder 1990a] have quickly been adapted in Europe and beyond.

Finally then, the question arises about what characterizes or sets modern proverbs apart from the traditional proverbs? Based on our *Dictionary of Modern Proverbs*, I attempted to deal with this query in my lengthy analysis ‘Think Outside the Box: Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs’ (2012). Obviously the findings cannot be repeated here in much detail, but let me at least supply the following cursory observations:

1. Modern proverbs do exist in variants:
It is (is always, must be) five (six) o'clock somewhere (in the world).
There are no problems, only opportunities (challenges).
2. Most modern proverbs are straight-forward indicative sentences:
A candle loses nothing by lighting another candle.
A rising tide lifts all boats.
3. Prevalent negative patterns:
You cannot (can't) unscramble eggs.
Don't fall before you are pushed.
Never give anything away that you can sell.
4. Prevalent structural patterns:
If you can dream it, you can do it.
A live soldier *is better than* a dead hero.
When you pray, move your feet.
Better to cheat *than* repeat.
No victim, *no* crime.
There is no such thing as a free lunch.
There are no bad dogs, *only* bad owners.
One man's trash *is another man's* treasure.
5. Two word proverbs:
Sex sells.
Speed kills.
6. Many four word proverbs:
Been there, done that.
Go with the flow.
7. Also longer proverbs, but not very common:
When you're up to your ass in alligators, it's hard to remember you're there to drain the swamp.
You can take a boy (man, girl, etc.) out of the country, but you can't take the country out of a boy (man, girl).

8. Proverbs created as so-called laws:
If anything can go wrong, it will. (Murphy's Law)
Work expands to fill the available (allotted) time.
(Parkinson's Law)
9. Proverbs attributed to individuals:
Old age is not for sissies. (Bette Davis)
Float like a butterfly, sting like a bee (Mohammed Ali)
10. Proverbs with known originators:
You can't go home again. (Thomas Wolfe)
Speak softly and carry a big stick. (Theodore Roosevelt)
11. Proverbs based on advertising slogans:
What happens in Las Vegas stays in Las Vegas. (tourism)
Number two tries harder. (Avis car rental)
12. Proverbs from songs:
There's no business like show business. (Irving Berlin)\
All you need is love. (Beatles)
13. Proverbs from motion pictures:
Keep your friends close and your enemies closer (*The Godfather*)
Life is like a box of chocolates. (*Forrest Gump*)
14. Animal proverbs continue to be popular:
You have to kiss a lot of frogs to find a prince.
You can put lipstick on a pig but it's still a pig.
15. Proverbial somatisms are quite prevalent:
Every shut eye is not asleep.
Keep your nose clean.
16. Proverbs from the world of business:
Put your money where your mouth is.
If you have to ask the price, you can't afford it.

17. The world of sports:
 You can't score unless you have the ball.
 Three strikes and you're out (from baseball)
18. Only few proverbs from technology:
 You never forget how to ride a bicycle.
 Nobody washes a rental (rented) car.
19. Frequent key words:
Age is just a number.
Beauty does not buy happiness.
God can make a way out of no way.
 You cannot use your *friends* and have them too.
 You never *know* what you have till it's gone.
Life is a journey, not a destination.
 Make *love*, not war.
 You can't trust *luck*.
 Every *man* to his own poison.
Time flies when you're having fun.
 You can't *win* if you don't play.
 A *woman's* place is any place she wants to be.
20. Scatological proverbs:
 Shit happens.
 You can't polish a turd.
21. Sexual proverbs:
 No glove [condom], no love,
 Everybody lies about sex.

It can also be said that of the 1422 proverbs in *The Dictionary of Modern Proverbs* 676 (47.5%) are clearly metaphorical, with slightly more than half the corpus (746. 52.5%) being literal statements. But no matter, these modern proverbs are ample proofs that the time of proverb making is *not* over in the modern age. People continue to rely on traditional as well as new proverbs to express their attitudes, beliefs, mores, and values in wisdom sayings or, to use a

modern term, sound-bites of their worldview [Hakamies 2002]. The polyfunctionality, polysemanticity, and polysituativity of these modern proverbs deserve the attention of paremiographers and paremiologists everywhere who, proverbially speaking, need to think outside the box as they study the fascinating world of proverbial modernity in the languages of their countries.

References

Albig, William 1931. 'Proverbs and Social Control', *Sociology and Social Research* 15, pp. 527-535.

Ayaß, Ruth 2001. 'On the Genesis and the Destiny of Proverbs' in *Verbal Art across Cultures: The Aesthetics and Proto-Aesthetics of Communication*, ed. Hubert Knoblauch and Helga Kotthoff (Tübingen, Gunter Narr), pp. 237-254.

Chlosta, Christoph, and Peter Grzybek 1995. 'Empirical and Folkloristic Paremiology: Two to Quarrel or to Tango?' *Proverbium* 12, pp. 67-85.

Chlosta, Christoph, and Torsten Ostermann 2002. 'Suche *Apfel* finde *Stamm*. Überlegungen zur Nutzung des Internets in der Sprichwortforschung' in "*Wer A sägt, muss auch B sägen*": *Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis*, ed. Dietrich Hartmann and Jan Wirrer (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren), pp. 39-56.

Doyle, Charles Clay 1996 (2003). 'On *New* Proverbs and the Conservativeness of Proverb Dictionaries', *Proverbium* 13, pp. 69-84. Also in *Cognition, Comprehension, and Communication: A Decade of North American Proverb Studies (1990-2000)*, ed. Wolfgang Mieder (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2003), pp. 85-98.

Doyle, Charles Clay 2007a. 'A Good Man Is Hard to Find: The Proverb', *Flannery O'Connor Review* 5, pp. 5-22.

Doyle, Charles Clay 2007b. 'Collections of Proverbs and Proverb Dictionaries: Some Historical Observations on What's in Them and What's Not (with a Note on Current 'Gendered' Proverbs)', in *Phraseology and Culture in English*, ed. Paul Skandera (Berlin: Mouton de Gruyter), pp. 181-203.

Doyle, Charles Clay 2009. 'Use It or Lose It: The Proverb, Its Pronoun, and Their Antecedents', *Proverbium* 26, pp. 105-118.

Doyle, Charles Clay, Wolfgang Mieder, and Fred R. Shapiro (eds.) 2012. *The Dictionary of Modern Proverbs* (New Haven, Connecticut: Yale University Press).

Dundes, Lauren, Michael Streiff, and Alan Dundes 1999 (2003). 'When You Hear Hoofbeats, Think Horses, Not Zebras: A Folk Medical Diagnostic

Proverb’, *Proverbium* 16, pp. 95-103. Also in *Cognition, Comprehension, and Communication: A Decade of North American Proverb Studies (1990-2000)*, ed. Wolfgang Mieder (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren), pp. 99-107.

Granbom-Herranen, Liisa 2008. *Sananlaskut kasvaatuspuheessa – preinnettä, kasvatusta, indoktrinaatiota? [Proverbs in Pedagogical Discourse – Tradition, Upbringing, Indoctrination?]* (Jyväskylä: Jyväskylän Yliopisto).

Grigas, Kazys 2000. ‘Einige Probleme der modernen Parömiographie und Parömiologie’, *Acta Ethnographica Hungarica* 45, pp. 365-369.

Haas, Heather H. 2008. ‘Proverb Familiarity in the United States: Cross-Regional Comparisons of the Paremiological Minimum’, *Journal of American Folklore* 121, pp. 319-347.

Hakamies 2002. ‘Proverbs and Mentality’ in *Myth and Mentality. Studies in Folklore and Popular Thought*, ed. Anna-Leena Siikala (Helsinki: Finnish Literature Society), pp. 222-230.

Honeck, Richard P., and Jeffrey Welge 1997 (2003). ‘Creation of Proverbial Wisdom in the Laboratory’, *Journal of Psycholinguistic Research* 26, pp. 605-629. Also in *Cognition, Comprehension, and Communication. A Decade of North American Proverb Studies (1990-2000)*, ed. Wolfgang Mieder (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren), pp. 205-230.

Hrisztova-Gotthardt, Hrisztalina 2010. *Vom gedruckten Sprichwörterbuch zur interaktiven Sprichwortdatenbank. Überlegungen zum linguistischen und lexikographischen Konzept mehrsprachiger Sprichwortdatenbanken* (Bern: Peter Lang).

Kleinberger Günther, Ulla 2006. ‘Phraseologie und Sprichwörter in der digitalen Öffentlichkeit – am Beispiel von Chats’ in *Phraseology in Motion I. Methoden und Kritik. Akten der Internationalen Tagung zur Phraseologie (Basel, 2004)*, ed. Annelies Häcki Buhofer and Harald Burger (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren), pp. 229-243.

Kuusi, Matti 1953 (1994). ‘Sananparsien suosionmuutoksista’, *Virittäjä*, 57 (1953), 337-345. Also in English as ‘Variations in the Popularity of Finnish Proverbs’ in M. Kuusi. *Mind and Form in Folklore: Selected Articles*. Ed. Henni Ilomäki (Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), pp. 114-122.

Kuusi, Matti. 1957. *Parömiologische Betrachtungen*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia.

Lau, Kimberly J. 1996 (2003). ‘It’s about Time: The Ten Proverbs Most Frequently Used in Newspapers and Their Relation to American Values’,

Proverbium 13, pp. 135-159. Also in *Cognition, Comprehension, and Communication. A Decade of North American Proverb Studies (1990-2000)*, ed. Wolfgang Mieder (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren), pp. 231-254.

Lauhakangas, Outi 2001 'How to Avoid Losing a Needle in a Haystack. Challenges and Problems of Compiling Paremiological Databases', *Tautosakos Darbai / Folklore Studies* (Vilnius, Lithuania) 22, pp. 93-102.

Lauhakangas, Outi 2004. "Puheesta ihminen tunnetaan". *Sananlaskujen funktiot sosiaalisessa vuorovaikutuksessa [“A Man is Known by his Words”: The Functions of Proverbs in Social Interaction]* (Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura). (English abstract on pp. 313-314).

Lewandowska, Anna 2008. *Sprichwort-Gebrauch heute. Ein interkulturell-kontrastiver Vergleich von Sprichwörtern anhand polnischer und deutscher Printmedien* (Bern: Peter Lang).

Litovkina, Anna T., and Wolfgang Mieder 2006. *Old Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs* (Burlington, Vermont: The University of Vermont. Veszprém, Hungary: Pannonian University of Veszprém).

Litovkina, Anna T., and Carl Lindahl (eds.) 2007. *Anti-Proverbs in Contemporary Societies* (Budapest: Akadémiai Kiadó = *Acta Ethnographica Hungarica* 52).

McKenzie, Alyce M. 1996 (2003). 'Different Strokes for Different Folks: America's Quintessential Postmodern Proverb', *Theology Today*, 53, pp. 201-212. Also in *Cognition, Comprehension, and Communication: A Decade of North American Proverb Studies (1990-2000)*, ed. Wolfgang Mieder (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren), pp. 311-324.

Mieder, Wolfgang 1989a. *American Proverbs: A Study of Texts and Contexts* (Bern: Peter Lang).

Mieder, Wolfgang 1989b (1992). 'Moderne Sprichwörterforschung zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit' in *Volksdichtung zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit*, ed. Lutz Röhrich and Erika Lindig (Tübingen: Gunter Narr), pp. 187-208. Also in W. Mieder, *Sprichwort – Wahrwort!? Studien zur Geschichte, Bedeutung und Funktion deutscher Sprichwörter* (Frankfurt am Main: Peter Lang), pp. 13-36.

Mieder, Wolfgang. 1990a (1993). 'A Picture Is Worth a Thousand Words: From Advertising Slogan to American Proverb', *Southern Folklore* 47, pp. 207-225. Also in W. Mieder, *Proverbs Are Never Out of Season: Popular Wisdom in the Modern Age* (New York: Oxford University Press), pp. 135-151.

Mieder, Wolfgang. 1990b. 'Prolegomena to Prospective Paremiography', *Proverbium* 7, pp. 133-144.

Mieder, Wolfgang 1992 (1994). 'Paremiological Minimum and Cultural Literacy', *Creativity and Tradition in Folklore*, ed. Simon J. Bronner (Logan, Utah: Utah State University Press), pp. 185-203. Also in *Wise Words: Essays on the Proverb*, ed. W. Mieder (New York: Garland Publishing), pp. 297-316.

Mieder, Wolfgang 1993a. *Proverbs Are Never Out of Season: Popular Wisdom in the Modern Age* (New York: Oxford University Press).

Mieder, Wolfgang 1993b (1994). 'The Grass Is Always Greener on the Other Side of the Fence: An American Proverb of Discontent', *Proverbium* 10, pp. 151-184. Also in *Wise Words: Essays on the Proverb*, ed. W. Mieder (New York: Garland Publishing), pp. 515-542.

Mieder, Wolfgang 2000 (2005). 'Modern Paremiology in Retrospect and Prospect', in W. Mieder, *Strategies of Wisdom. Anglo-American and German Proverb Studies* (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren), pp. 7-36; and in *Folklore. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*, ed. Alan Dundes. 4 vols. (London: Routledge), vol. III, pp. 80-106.

Mieder, Wolfgang 2004a (2006). 'Antisprichwörter und kein Ende: Von sprachlichen Eintagsfliegen zu neuen Sprichwörtern', in *Thesaurus polyglottus et flores quadrilingues. Festschrift für Stanisław Prędoła*, ed. Stefan Kiedrón and Agata Kowalska-Szubert (Wrocław: Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe), pp. 247-262. Also in W. Mieder, "Andere Zeiten, andere Lehren". *Sprichwörter zwischen Tradition und Innovation* (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren), pp. 195-210.

Mieder, Wolfgang 2004b. *Proverbs: A Handbook* (Westport, Connecticut: Greenwood Press).

Mieder, Wolfgang 2005 (2005). 'American Proverbs as an International, National, and Global Phenomenon', *Tautosakos Darbai / Folklore Studies* (Vilnius, Lithuania) 30, pp. 57-72. Also in W. Mieder, *Proverbs Are the Best Policy: Folk Wisdom and American Politics* (Logan, Utah: Utah State University Press), pp. 1-14 and pp. 244-248 (notes).

Mieder, Wolfgang 2009a. *International Bibliography of Paremiology and Phraseology*. 2 vols. (Berlin: Walter de Gruyter).

Mieder, Wolfgang 2009b. 'New Proverbs Run Deep: Prolegomena to a Dictionary of Modern Anglo-American Proverbs', *Proverbium* 26, pp. 237-274.

Mieder, Wolfgang 2010. “*Sprchschlösser (ab)bauen*”. *Sprichwörter, Antisprichwörter und LehnSprichwörter in Literatur und Medien* (Wien: Praesens Verlag).

Mieder, Wolfgang 2011. *International Bibliography of Paremiography* (Burlington, Vermont: The University of Vermont).

Mieder, Wolfgang 2012. ‘Think Outside the Box: Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs’, *Proverbium* 29, pp. 137-196.

Mieder, Wolfgang, Stewart A. Kingsbury, and Kelsie B. Harder (eds.) 1992. *A Dictionary of American Proverbs* (New York: Oxford University Press).

Mieder, Wolfgang, and Janet Sobieski (eds.) 2006. “*Gold Nuggets or Fool’s Gold?*” *Magazine and Newspaper Articles on the (Ir)relevance of Proverbs and Proverbial Phrases* (Burlington, Vermont: The University of Vermont).

Rees, Nigel 1984. *Sayings of the Century. The Stories Behind the Twentieth Century’s Quotable Sayings* (London: Allen & Unwin).

Röhrich, Lutz, and Wolfgang Mieder 1977. *Sprichwort* (Stuttgart: Metzler).

Schapira, Charlotte 2000. ‘Proverbe, proverbialisation et déproverbialisation’ in *La parole proverbiale*, ed. Jean-Claude Anscombe (Paris: Larousse), pp. 81-97.

Sevilla Muñoz, Julia 2009. ‘The Challenges of Paremiology in the XXI. Century’ in *Proceedings of the Second Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, 9th to 16th November 2008*, ed. Rui J.B. Soares and Outi Lauhakangas (Tavira: Tipografia Tavirense), pp. 438-448.

Shapiro, Fred R. 2006. *The Yale Book of Quotations* (New Haven, Connecticut: Yale University Press).

Speake, Jennifer 2008. *The Oxford Dictionary of Proverbs*. 5th ed. (Oxford: Oxford University Press).

Stewart, Susan 1991. ‘Notes on Distressed Genres’, *Journal of American Folklore* 104, pp. 5-31 (proverbs on pp. 17-19).

Steyer, Kathrin 2012. ‘Sprichwortstatus, Frequenz, Musterbildung. Parömiologische Fragen im Lichte korpusmethodischer Empirie’ in *Sprichwörter multilingual. Theoretische, empirische und angewandte Aspekte der modernen Parömiologie*, ed. Kathrin Steyer (Tübingen: Narr Verlag), pp. 287-314.

Taylor, Archer 1939 (1975). ‘The Study of Proverbs’, *Modern Language Forum* 24, pp. 57-83. Also in A. Taylor, *Selected Writings on Proverbs*, ed. Wolfgang Mieder. FFC 216 (Helsinki, Suomalainen Tiedeakatemia), pp. 40-67 (with Bartlett Jere Whiting, Francis W. Bradley, Richard Jente, and Morris Palmer Tilley).

Taylor, Archer 1958. 'The Customer Is Always Right', *Western Folklore* 17, pp. 54-55.

Taylor, Archer 1969. 'How Nearly Complete Are the Collections of Proverbs?' *Proverbium* no. 14, pp. 369-371.

Titelman, Gregory 2000. *Random House Dictionary of America's Popular Proverbs and Sayings*. 2nd ed. (New York: Random House).

Umurova, Gulnas 2005. *Was der Volksmund in einem Sprichwort verpackt ... Moderne Aspekte des Sprichwortgebrauchs anhand von Beispielen aus dem Internet* (Bern: Peter Lang).

Valdaeva, Tatiana 2003. 'Anti-Proverbs or New Proverbs: The Use of English Anti-Proverbs and Their Stylistic Analysis', *Proverbium* 20, pp. 379-390.

Whiting, Bartlett Jere 1989. *Modern Proverbs and Proverbial Sayings* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press).

Winick, Stephen D. 2001. 'Garbage In, Garbage Out, and Other Dangers: Using Computer Databases to Study Proverbs', *Proverbium* 18, pp. 354-364.

Winick, Stephen D. 2003. 'Intertextuality and Innovation in a Definition of the Proverb Genre', in *Cognition, Comprehension, and Communication. A Decade of North American Proverb Studies (1990-2000)*, ed. Wolfgang Mieder (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren), pp. 571-601.

НАШИ АВТОРЫ

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИИ БелГУ), г. Белгород, РФ

Адамия Зоя Константиновна – доктор филологии, профессор Университета им. Эквтиме Такашвили (г. Рустави) и приглашенный профессор Сухумского государственного университета (г. Тбилиси), руководитель департамента Международных отношений университета им. Эквтиме Такашвили, ведущий специалист Цхум-Абхазетис Академии наук, Грузия

Дамман Евгения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), г. Челябинск, РФ

Добровольский Дмитрий Олегович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук (ИРЯ РАН), г. Москва, РФ

Зимин Валентин Ильич – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, г. Москва, РФ

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, РФ

Ковиова Мария Львовна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН, руководитель группы «Лингвокультурологические исследования», г. Москва, РФ

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, г. Санкт-Петербург, РФ

Натхо Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного английского языка Высшей школы управления федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пятигорский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ПГУ»), г. Пятигорск, РФ

Ратиани Лали Мурмановна – доктор филологии, профессор Сухумского государственного университета и Высшего учебного заведения – Академии Просвещения г. Тбилиси, Академик Научной многопрофильной международной Академий им. Джумбера Лежава, член Цхум-Абхазетис Академии наук, г. Тбилиси, Грузия

Семененко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета, (БелГУ), г. Старый Оскол, РФ

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры ИЯПК Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, член Европейской ассоциации англистов, член-корреспондент РАЕ, член Российского профессорского собрания, г. Владимир, РФ

Хомутова Тамара Николаевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (НИУ), г. Челябинск, РФ

Ширяева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пятигорский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ПГУ»), г. Пятигорск, РФ

Mieder, Wolfgang – Professor of German and Folklore at the University of Vermont, Burlington, Vermont, USA

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К юбилею профессора Алины Михайловны Мелерович</i>	7
Глава 1. КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПАРЕМИИ Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семеновко	14
Глава 2. РАЗЪЯСНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК: ОПЫТ МЕДЛЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ В. И. Зимин	54
Глава 3. СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА ВЕК НЕ СЛОМИТСЯ: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЛОВИЦ Е. В. Иванова	69
Глава 4. К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ ПОСЛОВИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ С КОСТЮМНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ) М. Л. Ковшова	84
Глава 5. ПОСЛОВИЦА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ В. М. Мокиенко	115
Глава 6. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПАРЕМИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА О. И. Натхо, Т. А. Ширяева	127
Глава 7. АНТИТЕЗА В ПОСЛОВИЦЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, ГРУЗИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) Л. М. Ратиани, З. К. Адамия	145
Глава 8. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ Т. Н. Хомутова, Е. А. Дамман	160

Глава 9. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОСЛОВИЦЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	
Т. Н. Федуленкова	176
Глава 10. PROVERBS AND SENTENTIAL PHRASEMES OF OTHER TYPES	
D. Dobrovol'skij	196
Глава 11. FUTURISTIC PAREMIOGRAPHY AND PAREMIOLOGY: A PLEA FOR THE COLLECTION AND STUDY OF MODERN PROVERBS	
W. Mieder	205
НАШИ АВТОРЫ	227

Научное издание

АЛЕФИРЕНКО Николай Федорович
ДОБРОВОЛЬСКИЙ Дмитрий Олегович
МОКИЕНКО Валерий Михайлович
и др.

ПОСЛОВИЦЫ В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ:
КОГНИТИВНЫЙ, ДИСКУРСИВНЫЙ,
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Монография

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 18.10.17.
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 18,85. Тираж 50 экз.
Заказ

Издательство
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.